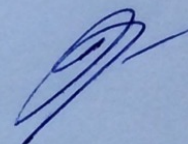

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ХОЗЯИНОВА ПОЛИНА МИХАЙЛОВНА

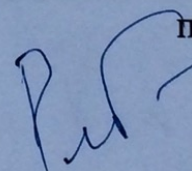

**ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИ КАК ФАКТОР
ЕЕ СО-БЫТИЯ С РЕБЕНКОМ В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ**

Специальность 19.00.01 – Общая психология,
психология личности, история психологии
(психологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
Рябикина Зинаида Ивановна,
доктор психологических наук,
профессор

Краснодар

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ МАТЕРИ И ЕЕ СО-БЫТИЯ С РЕБЕНКОМ В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ.....	11
1.1 Личность женщины-матери в контексте проблем современной семьи.....	11
1.1.1 Трансформация семьи и семейных ценностей женщин.....	11
1.1.2 Объективные условия бытия женщины-матери в неполной семье.....	16
1.2 Исследования личности матери в психологии.....	26
1.3 Отношение к ребенку, как функция материнства.....	37
1.4 Исследование материнства в неполной семье	49
1.5 Мать как субъект, организующий со-бытие с ребенком в неполной семье.....	63
2. ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ МАТЕРИ И ХАРАКТЕР ЕЕ СО-БЫТИЯ С РЕБЕНКОМ В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.....	70
2.1 Характеристика выборки и методов исследования	70
2.2 Особенности личности матери в неполной семье	74
2.2.1 Представления о семейных ценностях матерей в неполных семьях ...	74
2.2.2 Представления о распределении семейных ролей матерей в неполных семьях	80
2.2.3 Гендерные характеристики матерей в неполных семьях.....	84
2.2.4 Особенности локуса контроля матерей в неполных семьях.....	85
2.3 Личностные особенности матери, как фактор, обуславливающий со-бытие с ребенком в неполной семье	91
2.3.1 Особенности со-бытия матери с ребенком в неполной семе.....	91
2.3.2 Связь семейных ценностей матери с особенностями ее со-бытия с ребенком в неполной семье.....	98
2.3.3 Связь представлений о распределении семейных ролей с особенностями со-бытия матери с ребенком в неполной семье	105
2.3.4 Связь гендерных характеристик матери с особенностями ее со-бытия с ребенком в неполной семье.....	111

2.3.5 Связь уровня субъективного контроля матери с особенностями ее со-бытия ребенком в неполной семье.....	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	124
Список использованной литературы.....	128
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	143
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	144
ПРИЛОЖЕНИЕ В.....	149
ПРИЛОЖЕНИЕ Г.....	151

ВВЕДЕНИЕ

Кризис современной семьи во многом связан с положением женщины в обществе. Современная женщина автономна, свободна и независима. Сейчас у нее есть возможность активно заниматься воспитанием ребенка, строить карьеру, следовать своим интересам независимо от ее семейного статуса. Меняются ценности и распределение ролей в семье. Именно эти изменения чаще всего связывают с кризисом семьи. Одно из кризисных проявлений – рост числа неполных семей, причиной которого являются многочисленные разводы. Все чаще женщина воспитывает ребенка одна вне брака. Проблемы неполной семьи изучаются многими исследователями: психологами, социологами, педагогами, социальными работниками и в рамках других направлений.

В психологии в настоящее время личность женщины-матери активно изучается в исследованиях материнства как отечественными, так и зарубежными психологами. Проблемой материнства в зарубежной психологии занимались в рамках различных теоретических подходов: психоаналитического (Дж. Боулби, Д. Винникотт, М. Малер), социального научения (У. Бронфенбреннер, Дж. Гервиц, Р. Сирс), этологического (Р. Докинз, Т. Карлайл, Р.Л. Триверс и др.).

Отечественные психологи рассматривают различные аспекты материнства. В рамках пренатальной психологии исследуются проблемы готовности к материнству (И.В. Добряков, Ж.В. Колесова, С.Ю. Мещерякова и др.). Чаще всего материнство рассматривается в контексте детско-родительских отношений как детерминанта развития ребенка. В последнее время материнство изучается как самостоятельный психологический феномен (Н.Н. Васягина, С.Ю. Мещерякова, Р.В. Овчарова, А.С. Спиваковская, Г.Г. Филиппова и др.).

В психологических исследованиях, посвященных неполным семьям, внимание акцентируется на причинах их возникновения (М. Босанац, Т.А. Гурко, М. Киблицкая, Л.Г. Лунякова, И.Ф. Дементьева), проблемах детско-родительских отношений в неполной семье и личности одиноких женщин (А. Варга,

Т.А. Гурко, А.И. Захаров, О.М. Здравомыслова, А.С. Спиваковская, Б.И. Кочубей, З. Матейчик, М.А. Мягкова, В.М. Целуйко и др.).

Одинокое материнство в современном обществе все чаще воспринимается как норма. Женщина-мать в неполной семье занимается ребенком, делает карьеру, профессионально совершенствуется. Но условия ее жизни отличаются от тех условий, в которых воспитывает детей женщина, находясь в браке. Большая эмоциональная и двойная ролевая нагрузка женщины в неполной семье не может не сказаться на ее личностных особенностях и ее отношениях с ребенком. В связи с этим личностный аспект изучения матери в современной неполной семье приобретает особое значение для понимания личности самой матери и ее отношений с ребенком. Ситуация материнства в неполной семье предполагает взятие всей полноты ответственности за семью и актуальным становится изучение направленности локуса контроля, гендерных характеристик, особенности ее семейных ценностей, выполняющие регулятивную функцию и характеризующие женщину как субъекта.

Как изменяется личность матери под влиянием встающих перед ней проблем и как это сказывается на ее отношении к ребенку – это тот аспект, который мало представлен в психологических исследованиях. **Цель** нашего исследования выявить личностные особенности матери в неполной семье, отличающие ее от женщин в полной семье, и установить связь этих свойств личности матери с особенностями ее со-бытия с ребенком.

Объект исследования: личностные особенности матери и ее со-бытие с ребенком в неполной семье.

Предмет исследования: обусловленность со-бытия матери с ребенком в неполной семье личностными особенностями женщины.

Гипотезы:

1. Женщине-матери при выполнении двойной ролевой нагрузки в неполной семье свойственны особенности личности, отличающие ее от женщины, реализующей функцию материнства в полной семье.

2. Со-бытие матери с ребенком в неполной семье обусловлено ее личностными особенностями и характеризуется элементами деструктивности.

Задачи исследования

Теоретические задачи: провести анализ исследований современной семьи; выделить специфику неполных семей и условия бытия одинокой матери; рассмотреть подходы к изучению личности матери в психологии в различных аспектах; проанализировать стратегии родительского отношения к ребенку, их детерминанты и влияние на личность ребенка; дать характеристику материнства в неполной семье; обосновать эвристичность изучения личности матери и ее отношения к ребенку в рамках субъектно-бытийного подхода.

Эмпирические задачи: подобрать диагностические процедуры для изучения личностных особенностей матерей и их отношения к детям; выбрать математические процедуры анализа полученных результатов диагностики и провести математическую обработку полученных данных; изучить и сравнить особенности личности матери в полных и неполных семьях; выявить обусловленность со-бытия одинокой матери с ребенком ее личностными особенностями.

Теоретической и методологической основой исследования послужили: субъектно-деятельностный подход (К.А. Альбуханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн и др.), субъектно-бытийный подход (К.А. Альбуханова-Славская, В.В. Знаков, З.И. Рябикина и др.), концепции материнства (Н.Н. Васягина, Р.В. Овчарова, Г.Г. Филиппова и др.), теоретические положения о родительском отношении (А.Я. Варга, В.С. Мухина, Э.Г. Эйдемиллер и др.); теоретические подходы к изучению психологии неполной семьи (А.И. Захаров, О.М. Здравомыслова, Р.В. Овчарова и др.).

Эмпирическая база исследования. В исследовании приняли участие 70 женщин в возрасте 26 – 35 лет с детьми 6 – 8 лет: из них 35 разведенных женщин, воспитывающих ребенка в неполной семье, и 35 замужних женщин, воспитывающих ребенка в браке. Группы респондентов были выровнены по возрасту, количеству детей и социальному благополучию.

Методы исследования:

- теоретические: теоретический анализ, сопоставление и обобщение теоретико-эмпирических исследований по изучаемой проблеме;
- эмпирические: методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой (женский вариант), методика «Маскулинность-феминность» С. Бэм, методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера (в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голькиной, А.М. Эткинда), методика «Взаимодействие родитель - ребенок» (ВРР) И.М. Марковской (вариант для родителей дошкольников и младших школьников);
- статистические методы обработки данных: корреляционный анализ по критерию Пирсона, t-критерий Стьюдента достоверности различий.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивалась непротиворечивостью исходных методологических позиций; применением методического инструментария, соответствующего целям и задачам исследования; соотнесением результатов различных методик; использованием при анализе эмпирических данных методов математической статистики.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

Теоретически обосновано и эмпирически доказано, что личностные особенности одинокой матери, обусловленные условиями ее бытия в неполной семье, проявляются в: вынужденной маскулинности и экстернальности; в преувеличенной сфокусированности на ценностях семьи; в преобладании ожиданий, адресованных возможному партнеру, над собственными притязаниями в представлениях о распределении функционала семейных ролей.

Доказано, что со-бытие матери с ребенком в неполной семье обусловлено ее личностными особенностями и включает элементы деструктивности. В связи с преувеличением значимости семейных ценностей, преобладанием ожиданий от возможного партнера в выполнении им семейного функционала над собственными притязаниями, вынужденной маскулинностью и экстернальностью у одинокой матери проявляется противоречивость в отношениях со-бытия с ребенком (повышается требовательность и снижается последовательность в

требованиях, возрастает тревожность за ребенка и снижается его принятие, при этом повышается воспитательная конфронтация). Конструктивные стратегии со-бытия с ребенком связаны с выраженностью у одинокой матери качеств феминности, снижением излишней концентрированности женщины на хозяйственно-бытовой сфере, при проявлении которых, матери предоставляют необходимую автономность ребенку, в результате повышается принятие ребенка, требования к нему становятся более последовательны, снижается тревожность и воспитательная конфронтация.

Теоретическая значимость работы состоит в дополнении и конкретизации представлений об особенностях личности матери как субъекта со-бытия с ребенком в неполной семье. Доказано, что в неполной семье, в осложненных условиях бытия личностные особенности матери отличаются от личностных особенностей матерей в полной семье и характеризуются преувеличенной значимостью семейных ценностей, «вынужденной» маскулинностью, экстернальной направленностью локуса контроля. С преобладанием выраженности этих качеств увеличивается деструктивность в организации со-бытия с ребенком, проявляющаяся в противоречивости взаимодействия с ним.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности использования основных выводов работы в психологической помощи женщинам, находящимся в разводе и имеющим детей. Полученные результаты могут быть использованы в качестве методического материала для психологов и педагогов, занимающихся вопросами детско-родительских отношений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Условия бытия матери в неполной семье имеют выраженную специфику и отличаются от бытия матери в полной семье. Женщина в неполной семье, являясь главой семьи, выполняет двойную ролевую нагрузку, что обуславливает ее личностные качества.

2. Личностные особенности одинокой матери характеризуются:

– повышенной значимостью семейных ценностей, проявляющейся в смещении интересов (ресурсов ее личности) в сферу материального обеспечения, и ухода за ребенком;

– в представлениях о распределении семейных ролей у одиноких матерей, в отличие от замужних, преобладают ожидания от возможного партнера выполнения им семейных функций над собственными притязаниями. То есть, они в большей степени ориентированы на помощь со стороны мужчины, чем на самостоятельное выполнение обязанностей, что значительно расходится с реальностью;

– в ожиданиях от возможного партнера одинокие матери ориентируются в большей степени, чем замужние, на социальную активность мужчин, их внешнюю привлекательность, а сами готовы оказывать эмоциональную поддержку, что соответствует традиционному распределению ролей, где глава семьи мужчина;

– являясь главой семьи, одинокая мать выполняет семейные функции самостоятельно, вследствие чего приобретает «вынужденную» маскулинность, заменяя мужа;

– в отличие от матерей из полных семей, для одиноких матерей характерны экстернальные качества, которые силу большой загруженности, ограничения во времени и материальных ресурсов, рассчитывают на случай и ожидают поддержки от других;

– в отличие от матерей из полных семей, в ситуации осложненного бытия, для одиноких матерей характерны экстернальные качества, которые, в силу большой загруженности, ограничения во времени и материальных ресурсов, проявляются в ожидании поддержки от других.

3. Со-бытие матери с ребенком в полных и неполных семьях отличается и обусловлено особенностями личности матери.

В связи с повышением значимости бытовых проблем, ценности внешней привлекательности, представлений о распределении ролей в семье, «вынужденной» маскулинности и экстернальной направленности локуса

контроля одинокие матери организуют со-бытие с ребенком, включающее элементы деструктивности, которые проявляются в противоречивости взаимодействия с ребенком: повышается требовательность и снижается последовательность в требованиях, повышается тревожность за ребенка и снижается его принятие, и повышается воспитательная конфронтация.

Внедрение и апробация результатов исследования. Основные положения работы обсуждались на методологических семинарах на кафедре психологии личности и общей психологии Кубанского Государственного Университета в г. Краснодар с 2014–2018 гг.; на всероссийских и международных научно-практических конференциях в г. Москве, Новосибирске, Майкопе.

Структура диссертации. Работа состоит из введения двух глав; заключения; приложений и списка использованной литературы, включающего иностранные источники.

1. Теоретико-методологические основания исследования личности матери и ее со-бытия с ребенком в неполной семье

1.1 Личность женщины-матери в контексте проблем современной семьи

1.1.1 Трансформация семьи и семейных ценностей женщин

В условиях активной трансформации института семьи семейные отношения все чаще становятся объектом исследований. Значительное количество исследований проведено в рамках психологии, социологии, педагогики. Междисциплинарность исследований объясняется многоаспектностью проблем семьи и той ролью, которую семья играет в жизни каждого человека и общества в целом.

За последние два десятилетия семья как социальный и психологический феномен терпит глобальные изменения в различных аспектах: увеличилось количество разводов, происходят изменения состава семьи, растет число повторно вступивших брак и имеющих детей от предыдущего брака, активно трансформируются нравственно-культурные нормы семьи и семейные ценности, меняются психологические функции семьи. Социологи и психологи называют современное время кризисом семьи. Вопросы кризисного состояния семьи и процессы изменения роли семьи в жизни общества рассмотрены в работах Ю.Е. Алешиной, М.Ю. Арутюнян, М. Босанац, И.Ф. Дементьевой, О.М. Здравомысловой, И.Н. Мальковой, Л.А. Пьянковой, Г.В. Осиповой, Е.О. Тарасовой, В.Е. Хомичевой и др.

В статье «Трансформация института семьи и семейные ценности» О.В. Кучмаева, М.Г. Кучмаев, О.Л. Петрякова пишут, что в современном обществе основную часть функций, которые выполняла патриархальная семья, взяли на себя государство и общество: они выполняют функции воспитания, образования, охраны, досуга и т.д. То есть во времена патриархата основные семейные функции выполнял сам человек. Благодаря человеку происходило становление

семьи, а семья обеспечивала поддержание и развитие самого человека. В современном же мире все чаще залогом успеха является не социальное происхождение человека (семья), а уровень его профессионализма, образования [71].

В.П. Борисенков, О.В. Гукаленко также отмечают, что современная семья характеризуется активными трансформациями функций института семьи и брачно-семейных ценностей. По мнению авторов, все изменения, которые связаны с трансформацией института семьи, обусловлены социально-экономическими реформами, постперестроечными процессами, трансформациями российского общества, общеевропейскими тенденциями в трансформации института семьи [16].

Одним из негативных последствий кризиса семьи является увеличение количества разводов. Россия остается в числе лидеров по количеству семей с матерями-одиночками. В стране их 5,6 млн [84]. Центральной проблемой современной семьи является развод и, как следствие, разведенные женщины с малолетними детьми.

В статье «Роль экономического фактора в трансформации неполной семьи (на примере семей одиноких матерей) А.В. Верещагина, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин подчеркивают, что активный рост числа неполных семей зафиксирован еще в 1970 гг. [27]. В это время началось активное изучение данного феномена во многих отраслях науки в России и за рубежом.

Статистика современных исследований в России и Краснодарского края в частности подтверждает кризисное положение семьи. Как свидетельствуют современные источники, положение брачно-разводных процессов не претерпевает особых изменений и по-прежнему характеризуется большим количеством разводов относительно числа браков в России. Согласно данным Росстата, в 2016 г. официально на 1000 чел. населения приходилось 6,7 браков и 4,1 разводов [48], в Краснодарском крае в 2017 году – 8,1 браков и 4,5 разводов (в 2016 г. – 7,4 и 4,6 соответственно). По данным статистики, 60% браков расторгаются в первые пять лет совместной жизни. Возраст вступающих в брак

сейчас составляет 25–34 года, при этом около 15 лет назад большинство расписывались до 25 лет. Ведется статистика и детей, рожденных вне брака. Доля внебрачных детей хотя и снижается, но остаётся высокой в общей численности детского населения, с 2010 г. каждый 4-й ребёнок рождается вне брака.

Эти же тенденции характерны и для других стран, где неполные семьи занимают весьма существенное место, определяя трансформационные особенности института семьи.

Авторы большинства психологических и социологических исследований отмечают, что причиной активного роста числа неполных семей считают трансформацию института семьи и семейных ценностей в обществе. Семья как ценность всё больше становится второстепенной, а на первый план выходит ценность самореализации и развития индивида в обществе (И.Н. Малькова, Л.А. Пьянкова, Л.Н. Тренина, Л.Б. Шнейдер и др.).

Институт брака изначально формировался из экономического интереса с понятным распределением функций: мужчина – кормилец, женщина – хранительница очага. Сейчас такая схема не является сохранной, однако наблюдается тенденция, когда требования остаются традиционными, а новые права и отстаивание свободы становятся все актуальнее. Такое положение для молодых людей весьма сложно, поскольку возрастает вероятность невступления в брак или развода. Современные мужчины не готовы ради семьи менять свое поведение, разбираться в семейных проблемах. Женщины реагируют на подобные проблемы острее и в два раза чаще подают на развод. Современный мир претерпевает колоссальные изменения, сейчас подать на развод можно даже по интернету, хотя раньше развод приравнивался к порицательному и неправомерному деянию. Сейчас женщина все чаще становится независимой, морально и материально, и зачастую, после развода, ее жизнь кардинально не меняется.

И.Н. Малькова в своем диссертационном исследовании отмечает, что ценность материнства в современном обществе снижена и нередко является препятствием на пути к поставленным карьерным целям. На первый план

выходят новые индивидуалистические ценности: самостоятельность, независимость, собственные достижения [85]. Л.А. Пьянкова, В.Е. Хомичева, рассматривая удовлетворенность материнством женщин, называют автономность и самоутверждение основополагающими концептами жизни современной семьи и общества, что приводит к ослаблению института семьи и, как следствие, к снижению удовлетворенности родительство [105].

Как считает Л.Н. Тронина, ценность традиционного материнства переоценена обществом, изменение ценностных стандартов и ориентаций на потребление в обществе ведет к кризису традиционного материнства [133]. Е.И. Иванова и А.Р. Михеева, изучая одинокое материнство в России, приходят к выводу о том, что в большинстве случаев одинокие матери сознательно идут на расторжение брака или рождение внебрачного ребенка, что связано с экономической и моральной свободой выбора в данном вопросе. Авторы полагают, что именно трансформация отношения общества к семейной системе провоцирует и обуславливает одинокое материнство [60].

На основе анализа зарубежных и отечественных исследований Л.Б. Шнейдер делает также следующее заключение: в современном мире происходит трансформация семейных ценностей женщин в сторону индивидуализма. На первый план в иерархии семейных ценностей все чаще выходят профессиональные и материальные ценности, оттесняя ценность материнства на второй план [151]. Н.Е. Харламенкова также отмечает, что общество недооценивает влияние роли отца в жизни ребенка, ориентируясь на стереотипы о том, что мужчина в семье выполняет функцию материального обеспечения семьи, а женщина занимается воспитанием ребенка [140].

В статье Л.К. Рашитовой приводятся данные о том, что наибольшее число детей, рожденных вне брака, приходится на возраст матерей 30–40 лет. Такая тенденция объясняется тем, что рождение ребенка для женщины после 30 лет является альтернативой одиночеству. В современном мире женщины автономны, многие занимаются карьерой и возраст женщин, вступающих в брак, увеличивается [107].

Несмотря на то что за последнее время число неполных семей значительно выросло, некоторые ученые считают нормой изменения, касающиеся семьи. Трансформация семейных ценностей характеризует переход от старой семейной модели к новой, которая обусловлена современными условиями жизни. Понятие «развод» рассматривается Г.В. Осиповой как механизм прекращения брачно-семейных отношений, который дает бывшим супругам возможность для более удачного вступления в брак. Е.И. Пахомова также полагает, что развод нельзя определить как нечто негативное, это атрибут современной жизни [102].

По мнению Е.О. Тарасовой данные о современных тенденциях и мотивах вступления в брак говорят о том, что современные люди, вступающие в брак, более осознанно стараются подойти к выбору партнера, проверяя временем и так называемым гражданским браком, т. е. сожительством. Семейные ценности не потеряли своей значимости, а нормальное отношение к разводам продолжает существовать в обществе потому, что современные женщины стремятся не к формальному созданию семьи, а к гармоничным отношениям. Только в такой семье могут расти счастливые дети. Е.О. Тарасова рассматривает кризис современной семьи не как трагедию общества и падение норм и семейных ценностей, а исключительно как распад традиционной семьи [130].

Однако обзор научных публикаций, освещающих изменения в брачно-семейных отношениях позволяет говорить о кризисе современной семьи с точки зрения увеличения числа разводов, одинокого материнства и проблем, возникающих с проживанием ребенка без отца. Одна из причин увеличения числа разводов – изменение личности самих женщин. Они становятся финансово более независимыми, склонны самостоятельно воспитывать детей и все чаще становятся инициаторами разводов. Вместе с тем разводы в современном обществе часто воспринимаются как норма, как возможность создания в последующем более гармоничных отношений. А развод рассматривается не как негативное явление, а только как распад традиционной семьи.

Итак, современная семья имеет множество особенностей, как негативных, так и позитивных. Положение женщины в ролевой структуре семьи меняется,

ценностные ориентации смещаются в сторону профессионального роста, поиска материального благополучия, саморазвития, а ценность семьи и материнства снижается. Вместе с тем приводятся факты, подтверждающие, что происходящие изменения в семье не всегда являются негативными, по словам ученых, это свидетельствует о переходе от старой семейной модели к новой. Однако постоянно растущее число неполных семей позволяет обосновать актуальность изучения феномена неполной семьи. Тенденция частых разводов и, как следствие, формирование неполных семей привели к необходимости изучения феномена неполной семьи.

1.1.2 Объективные условия бытия женщины-матери в неполной семье

Неполная семья, получившая наибольшее распространение в связи с трансформацией института семьи, стала объектом внимания представителей различных наук и анализируется с разных точек зрения. Изучению понятия и причин формирования неполных семей посвящены работы С.И. Верещагиной, Т.А. Гурко, Е.М. Киблицкой, Л.Г. Луняковой, А.С. Макаренко и др.

В педагогике неполная семья рассматривается как фактор неблагоприятного воспитания детей. Например, В.Я. Титаренко отмечает «воспитательную ущербность» неполной семьи, в ситуации отсутствия в воспитательном процессе одного из родителей. В области права неполная семья рассматривается с точки зрения материальной помощи одиноким и многодетным матерям, охраны детства в неполных семьях, защите прав матерей. Демография занимается статистикой населения, зарегистрированных браков, детей, рожденных вне брака, что дает многим исследователям, которые занимаются вопросами неполной семьи, основания для изучения данного вопроса.

В исследованиях зарубежных ученых неполная семья характеризуется не только как материнская. Анализируя опыт финских социологов, А.М. Демидов отмечает, что сам термин «неполная семья», принятый в отечественной науке и

практике для определения семейной группы, в которой отсутствует один из родителей, финскими социологами не употребляется. Авторы зарубежных исследований уделяют особое внимание вопросам отцовства и детства в ситуации неполной семьи. Американские исследования неполных семей носят чаще социальный характер, акцент делается на вопросах материального и психологического благополучия неполной семьи. Исследования психологической составляющей проблем неполной семьи направлены на изучение влияния отсутствия отца на личность ребенка [47].

Отечественные психологи и социологи чаще всего под неполной понимают семью, которая состоит из одного родителя с одним или несколькими несовершеннолетними детьми. Неполная семья образуется вследствие расторжения брака, внебрачного рождения, смерти одного из родителей или раздельного проживания. Большой вклад в изучение особенностей неполной семьи внесла Т.А. Гурко. Автор считает неполной семью, в которой с несовершеннолетними детьми проживает только мать или только отец [42]. Понятие «неполная семья» ввел А.С. Макаренко понятие «неполная семья», дав следующее определение: «Неполная семья – это семья, в которой нет отца или матери. По его мнению, от состава семьи зависит становление ребенка, его социализация и воспитание [80].

Существуют разные классификации неполных семей, отражающие разнообразие условий жизни женщины. Экзистенциальные психологи, обозначая уникальность конкретной жизни человека, использовали категорию «бытие» (В. Франкл, Р. Мэй). Категория «бытие», являясь философской, включена в категориальный аппарат отечественной психологии (Л.С. Рубинштейн, В.В. Знаков, З.И. Рябикина и др.). Важным для понимания проблемы бытия личности представляется понимание этого феномена как объективной реальности, отнесенной к характеристикам субъекта, вступающего в отношения с внешней реальностью [57, 113]. Такое понимание внешних объективных условий жизни человека как бытия дает возможность понять особенности личности человека, находящегося в определенных жизненных условиях. Рассмотрим

условия бытия матерей в неполных семьях в связи с разнообразием их классификации.

По причинам формирования неполные семьи могут быть классифицированы на: внебрачные (материнские в терминологии С.И. Голода); семьи после развода; семьи после овдовения; семьи, возникшие в результате раздельного проживания супругов по разным причинам. Т.Н. Каменева, уточняя содержание основных понятий «внебрачное материнство», «одинокая мать», «семья одинокой матери», использует понятие «одинокая мать» в широком социальном контексте. Автор имеет в виду: матерей, родивших вне брака; вдовых женщин; состоящих в гражданском браке; разведенных матерей. Вместе с тем терминология достаточно разнообразна: «незамужние матери», «внебрачные матери», «разведенные матери», «матери-одиночки», «одинокое матери» и др. В нашем исследовании мы будем придерживаться более общего, с нашей точки зрения, понятия – «одинокая мать».

Подробную схему анализа семьи предложил психиатр Е. А. Личко: полная семья (есть мать и отец); неполная семья (есть только мать или только отец); искаженная или деформированная семья (наличие отчима или мачехи). По мнению автора, распад семьи происходит вследствие негармоничных отношений в супружеской семье [77, с 13].

Рассмотрим типы неполных семей и условия их бытия в зависимости от причин их формирования: матери-одиночки, неполная разведенная семья, осиротевшая неполная семья.

К категории осиротевшей неполной семьи относятся овдовевшие женщины, уже имеющие ребенка или беременные. Семьи, сформировавшиеся в результате смерти одного из родителей, образуют особую группу неполных семей, имеющих определенную специфику, поскольку распад здесь непреднамерен. По заключению В.А. Юницкого, психологические характеристики детей, воспитывающихся в этих семьях, определены фактом пережитого горя, а не воспитанием в неполной семье. Поэтому в такой семье после пережитого горя семья остается сплоченной и любящей, способной поддержать, а родственные

связи поддерживаются и остаются частью семейного круга [153]. Пережитый стресс влияет на женщину и ребенка в неполной семье, однако, как правило, пережить горе помогают родственники с обеих сторон, а образ отца для ребенка остается положительным. Также появляется возможность благоприятной атмосферы для вступления женщины в такой семье в повторный брак и воспринимается, как само собой разумеющееся событие.

Причин формирования семьи матери-одиночки может быть несколько. В гражданском браке такой причиной может стать отказ мужчины-партнера от ожидаемого или от уже родившегося ребенка. Следующей причиной может являться феномен «ребенок для себя». По статистике, женщины решаются завести ребенка вне брака в возрасте 35–45 лет. В такой ситуации женщина не рассчитывает на брак и решается на одинокое материнство сознательно в силу своего одиночества или удовлетворения потребности в материнстве. Решаясь на одинокое материнство, женщина берет на себя большую ответственность, что в дальнейшем может сопровождаться повышенной тревожностью [134]. В случае незапланированной беременности женщины ее родители часто отвергают такую модель семьи и могут отказывать в поддержке одинокой матери. Такое одностороннее материнство сопровождается большой моральной и материальной нагрузкой. Вследствие этого, на ребенка остается мало времени, как правило, такая мать старается отдать его в социальное учреждение как можно раньше. Некоторые психологи приравнивают эмоциональное состояние ребенка в семье матери-одиночки к состоянию детей, воспитанных без родителей. В такой ситуации ребенок не получает должного материнского тепла и любви [60].

Ситуация бытия разведенных родителей отличается от бытия матери-одиночки, так как в основном отец ребенка может поддерживать материнскую семью в виде алиментов, уделяя время ребенку и проявляя родительскую любовь. Однако и в разведенных семьях зачастую отец не участвует в жизни матери и ребенка.

Ситуация развода имеет свои негативные последствия как для ребенка, так и для самой матери. Мать и ребенок еще до расторжения брака в период

супружеских конфликтов находятся в эмоционально подавленном состоянии, после развода снижается эффективность семьи, вследствие ухода супруга с его функциональными обязанностями и ролью, уменьшается эмоциональная защищенность, снижается социальный статус семьи.

Развод – более частая причина образования неполной семьи. Накопленные в психологической науке аргументы подтверждают воздействие развода супругов на дальнейшее развитие и поведение детей. Подчеркивается, что это влияние может стать более значительным, чем смерть одного из родителей [2]. Развод – ситуация, при которой супруги прерывают совместное проживание и один из них покидает семью. Но развод как процесс разворачивается во времени, и запускается задолго до разрыва. Нередко это достаточно длительный период конфликта между партнерами. Длительное состояние конфликта в семье влияет на ребенка.

Е. А. Личко отмечает, что многочисленные исследования доказали влияние развода на детей дошкольного возраста: у детей появляется чувство вины за развод родителей, агрессия, чувство ненависти. Ближе к 10 годам дети винят своих родителей в произошедшем событии [77].

Зачастую ситуация развода приводит к тому, что женщина-мать с ребенком начинают жить в прародительской семье матери. В такой ситуации часто бабушка (мать разведенной женщины) транслирует негативное отношение к отцу ребенка, а сама проявляет жалость к ребенку, беря на себя традиционно материнские роли. Женщина-мать в такой ситуации берет на себя мужской функционал, отвечая за дисциплину, воспитание ребенка и материальное благополучие семьи. Вследствие большой нагрузки матери могут «срываться» на ребенка, предъявляя к нему завышенные требования и строгость. Одним из аспектов изучения неполной семьи являются личностные особенности детей разведенных родителей.

Вместе с тем, несмотря на специфику видов неполных семей, их во многом объединяют те условия их бытия, которые отличают одиноких матерей от матерей, воспитывающих детей в браке. Тот факт, что все семейные функции

женщина вынуждена выполнять в одиночку, дает право говорить о том, что ее бытие с ребенком в неполной семье отличается от жизни замужней женщины и имеет свои особенности. Изучением специфики условий жизни одиноких матерей занимались М.Е. Баскакова, Е.С. Голосова, И.Ф. Деменьева, И.Е. Колбахина, Л.К. Рашитова, Н.П. Романова, З.А. Хоткина, А. Хопкинсон, Р. Эдвардс и др.

Материально-экономические условия бытия. Важной особенностью бытия одинокой матери в неполной семье является то, что она нередко выступает единственным источником финансирования в семье. Она принимает на себя множество обязанностей, возлагая на себя одновременно ролевые функции матери и отца. Естественные для любой семьи финансовые трудности в неполных семьях обретают специфичный психологический характер.

По мнению И. Е. Колбахиной, большинство неполных материнских семей характеризуются как «бедные» и «зависимые от пособий». Такими семьями считаются те, в которых доход на одного члена семьи ниже стоимости потребительской корзины или социальные пособия составляют более 25% семейного бюджета [69]. По данным многих исследований, неполные семьи лидируют в потребности от государства в социальных пособиях. Материальная ситуация особенно усложнена в семьях, где отец ребенка не принимает никакого участия в жизни материнской неполной семьи и не выплачивает алименты.

Часто ситуация женщины в неполной семье осложняется жилищным вопросом. Нередко из-за финансовой невозможности приобрести отдельное жилье женщина с ребенком вынуждена проживать со своими родителями. А в некоторых случаях в результате невозможности быстро разменять совместную с бывшим мужем квартиру они сожительствуют какое-то время на одной территории, провоцируя конфликты в семье. Результаты исследования Л.К. Рашитовой, проведенного в Республике Башкортостан, подтверждают, что жилищные условия одиноких женщин хуже, чем у женщин с детьми в браке. Одинокие матери с детьми реже, чем замужние, имеют отдельное жилье. Л.К. Рашитова описывает ситуацию неполной семьи как крайне неудовлетворительную и обозначает недостаточность материальной

обеспеченности одиноких женщин, воспитывающих одного или нескольких детей в неполной семье. Так, ежемесячный доход одного члена неполной семьи не достигает и 50% [107]. Автор делает вывод: в связи с низким доходом, одинокие матери вынуждены отказываться от предметов долгосрочного пользования и дорогих качественных продуктов в пользу более дешевых, что неблагоприятно сказывается на здоровье всех членов семьи.

В результате современных экономических реформ одинокие женщины-матери стали более уязвимыми. Как отмечает М.А. Мягкова, трудности неполных семей выражаются в том, что довольно большое их количество (60–69%) находится за чертой бедности. Это обусловлено недостаточной обеспеченностью государством, недоступностью ряда услуг по уходу за детьми, снижением возможностей на рынке труда и гендерным неравенством в зарплате [92].

По данным социологического исследования Н.П. Романовой, одинокие женщины, имеющие детей, и пенсионеры являются частью общества, которая страдает от экономической нестабильности, еще и в силу того, что государственные трансферты недостаточно обеспечивают данные социальные группы общества (материнские и детские пособия, алименты, пенсии).

Профессиональная занятость женщины-матери в неполной семье. Одинокая женщина вынуждено находится в ситуации несвободы выбора в профессии. Мать, воспитывающая ребенка одна, должна искать работу с высокой заработной платой, либо искать подработки, чтобы обеспечить себя и ребенка, при этом ее график должен быть не очень загружен, поскольку ребенок требует времени. Кроме того, по мнению Н.П. Романовой, одинокие женщины являются невостребованной социальной группой населения на рынке труда, вследствие чего их карьера оказывается менее позитивной. Женщине приходится работать в государственных, малобюджетных предприятиях. Сфера индивидуального предпринимательства и бизнеса требует немалых вложений и времени для реализации выгодных проектов. Большая занятость одинокой женщины бытовыми вопросами, воспитанием и уходом за ребенком не позволяет ей заниматься подобным видом деятельности и проявлять себя в профессиональной

сфере в полной мере. Вследствие этого для работодателей крупных частных компаний приоритетными кадрами являются мужчины. При этом в исследовании Н.П. Романовой (на примере одиноких женщин Забайкалья) приведены данные о том, что большинство одиноких женщин имеет высокий уровень образования. Это значит, что они обладают большим потенциалом в реализации своих профессиональных возможностей, однако условия, в которых находится одинокая мать, не позволяют им реализоваться в профессии [110].

Е.С. Голосова уделяет особое внимание проблеме безработицы среди одиноких матерей. В диссертационном исследовании Е.С. Голосовой рассмотрены проблемы трудоустройства одиноких матерей на региональном рынке труда (Пензенская область). Одним из основных выводов данной работы является факт о сниженной мотивации одинокой женщины в повышении квалификации или получении новой специальности, очевидно, в силу большой бытовой нагрузки [40].

Социально-психологический аспект бытия матери в неполной семье. В результате негативного проживания периода развода (или ухода отца ребенка в гражданском браке) женщина находится в состоянии конфликтности с бывшим супругом, с одной стороны, и скорее всего переживает за состояние ребенка – с другой, что усугубляет ее эмоциональное состояние и осложняет ее дальнейшую жизнь в неполной семье. Положение одинокой матери в неполной семье может усугублять и то, что сильнейшим переживанием для нее становится растерянность и страх, что она чего-то недодаст ребенку. Возможно, это ощущение возникает от усиленной одиночеством родительской ответственности, от чрезмерной привязанности к ребенку. По мнению Р.В. Овчаровой, одинокие матери стремятся к тому, чтобы их дети не чувствовали разницу в качестве жизни по отношению к детям из полных семей. Вследствие этого одинокая женщина берет на себя большую нагрузку, проводя много времени на работе, обеспечивая своего ребенка, однако недостаточно уделяет ему личного внимания в силу занятости. Также возможны варианты, когда женщина вымещает свою злость и

обиду на бывшего супруга по отношению к ребенку, что также характеризует негативную атмосферу в такой семье [97].

В результате большой занятости одинокие женщины вынуждены ограничивать репертуар своей досуговой жизни. Исследования подтверждают, что различные виды досуговой активности одиноких женщин связаны с домашним времяпрепровождением: работа по дому, помощь детям в учебе, просмотр телевизионных программ, работа на даче, чтение. Лишь только треть всех одиноких женщин расширяют этот спектр досуговой деятельности: поход в кино, театр, выезд на природу, время для самообразования. Ограничение своего свободного времени домашними делами, социальная жизнь одинокой женщины становится не активной и реализуется только за счет редких встреч с друзьями и другими членами семьи [110]. Таким образом, в большей степени, свободное время одинокие женщины стараются направить на домашние дела, не реализуя при этом потребности в социальных контактах, разрядке, отдыхе и положительных эмоциях.

Н.В. Шитова отмечает, что одиночество женщина переживает гораздо трагичнее, чем мужчина. До сих пор разведенный мужчина воспринимается в обществе, как «свободный», а разведенная женщина как «брошенная» [150]. В ситуации развода женщина с ребенком остаётся в статусе матери-одиночки, такое положение в обществе сейчас считается нормой, однако это меняет социальный статус женщины. Мать, воспитывающая ребенка без отца, вынуждена стать устойчивой к критике и оценкам тех людей, которые узрели причины недостатков поведения ребенка.

Бытие одиноких матерей с психологической точки зрения осложнено тем, что у них не реализовались естественные потребности в семейно-брачных отношениях. Такое положение лишает женщину необходимых эмоциональных контактов.

Здоровье матери и ребенка в неполной семье. И.Ф. Дементьева приводит данные о том, что дети из неполных семей чаще, чем дети из полных семей, подвержены хроническим заболеваниям, протекающим в более острой форме.

Это связано со стрессом, пережитым детьми в результате развода родителей, а также низкой медицинской активностью одинокого родителя в силу своей загруженности и нехватки времени. Кроме того, у детей из неполных семей чаще наблюдаются вредные привычки (курение, употребление алкоголя, наркотиков), что превышает показатели таких же привычек у детей из полных семей в 2 раза [46]. Одинокие женщины-матери имеют также более слабое здоровье, чем матери, живущие с партнером. Они больше жалуются на проблемы с нервной системой, проблемы психологического характера, которые, также оказывают существенное влияние на их соматическое здоровье. Показатели смертности разведенных женщин в среднем на 21% выше, чем таковые у замужних женщин. К психосоматическим расстройствам одиноких матерей после развода Е.Г. Якушенко относит проблемы функционирования нервной и опорно-двигательной системы организма [154].

Учитывая осложненные условия бытия одиноких матерей, многие исследователи приходят к выводу о социальной незащищенности женщины-матери и о необходимости совершенствовать социальную и психологическую помощь одиноким матерям [92, 143].

Таким образом, были проанализированы определения неполной семьи, в которых фиксируется аспект ее изучения. Наиболее распространенное определение включает основные характеристики неполной семьи – семью, которая состоит из одного родителя с одним или несколькими несовершеннолетними детьми. Ученые выделяют разные виды неполных семей, но, несмотря на их специфику, общими являются условия их бытия.

Анализ исследований женщины-матери в трансформирующейся семье показал, что современная семья характеризуется кризисными проявлениями, которые оцениваются неоднозначно. По мнению одних ученых, патриархальные отношения разрушаются, изменяется ролевая структура семьи и семейные ценности супругов. Ценностные ориентации женщин смещаются в сторону профессионального роста, поиска материального благополучия, саморазвития, а

ценность семьи и материнства снижается. Другие исследователи более оптимистичны в оценках и говорят о переходе от старой семейной модели к новой. Однако увеличивающееся количество разводов, постоянно растущее число неполных семей позволяют обосновать актуальность изучения феномена неполной семьи и материнства в неполной семье.

Особое внимание в исследованиях одинокого материнства уделяется условиям бытия матери в неполной семье. Женщина-мать, воспитывая ребенка одна, является главой семьи и выполняет семейные функции сама, неся бремя двойной ролевой нагрузки в семье. Поэтому объективные условия ее бытия отличаются от условий матери в полной семье и осложнены многими факторами. Исследования условий бытия женщин свидетельствуют о многочисленных сложностях, с которыми сталкивается одинокая мать. К ним относятся: материальная нестабильность, трудности в сфере трудоустройства и профессиональной занятости, жилищные проблемы, снижение качества жизни (ограничение в отдыхе, самообразовании, социальных и эмоциональных контактах, репертуара досуга и др.) и ухудшение здоровья. Условия жизни матери интерпретируются в нашем исследовании как бытие. Эти условия не могут не сказаться на ее личностных особенностях и отношениях с ребенком.

1.2 Исследования личности матери в психологии

Изучение психологических особенностей личности матери связано в первую очередь с той ролью, которую играет мать в становлении личности ребенка. Изучение материнства в основном проводилось в рамках понятия о родительстве. В последнее время материнство рассматривается как часть личностной сферы женщины-матери. Различные аспекты изучения личности матери представлены как в зарубежных, так и в отечественных психологических исследованиях.

В зарубежной психологии изучение личности матери чаще всего сводится к понятию «материнство» и рассматривается достаточно обширно с точки зрения разнообразия подходов. Основными подходами к изучению личности женщины-матери в зарубежной психологии являются: психоаналитический подход (З. Фрейд, К. Хорни, Дж. Боулби, Д.В. Винникот, М. Кляйн, М. Эйнворт); этологический подход (Н. Тинберген, Р.Л. Триверс, Г. Харлоу, Дж. Митчелл, Ф. Дольто); культурологический подход (Р. Бенедикт, Э. Бадинтер, Б. Малиновский, М. Мид); бихевиористский подход (У. Бронфенбреннер, Р. Сире, Дж. Гервиц и др.); перинатальная психология (Г.И. Брехман, В.И. Брутман, Ю.И. Шмурак, В. Бергум, Л.Л. Баз); материнская депривация (Дж. Боулби, Д. Бенджамин, М. Раггер, Р. Шпиц, Э. Эриксон, Г. Ярроу, М. Годфрид).

Основное внимание авторов психоаналитического подхода к материнству направлено на бессознательное, инстинктивное поведение женщин во время беременности и раннего материнства. Психоаналитический подход к изучению материнства опирается на теории привязанности и теории объектных отношений З. Фрейда. Авторы теории привязанности (Дж. Боулби, Э. Эриксон, П. Критгенден и др.) считают отношения между матерью и ребенком основополагающим компонентом благополучного развития ребенка. По мнению сторонников теории объектных отношений [29], связь матери и ребенка является важной составляющей для развития личности ребенка, а главную роль в становлении ребенка играет «объект» инстинктов (Д. Винникотт). В целом представители психоаналитического подхода рассматривают материнство скорее как феномен индивидуальный, нежели социальный, культурный.

В этологическом подходе социальное поведение матери понимается в соотношении поведения человека и поведения животных, видоизмененными культурным влиянием и сложными когнитивными составляющими.

Г. Харлоу, Дж. Митчелл рассматривают поведенческие аспекты матери. На основе проведенных ими экспериментов, были сделаны выводы о том, что на материнское поведение в большей степени влияет социальный опыт женщины,

так называемая «социальная экспрессия». Авторы отмечают, что степень генетически врожденной функции женщины как матери во многом обусловлена социальными факторами. В контексте проблем биологического и социального в материнстве, проведены исследования, посвященные эволюции материнского поведения (Н. Тинберген, В.А. Вангер).

Ф. Дольто, рассматривая материнство с точки зрения ее врожденной составляющей, пишет, что каждая женщина уже рождена матерью, материнство есть врожденное свойство любой женщины. Только сложные социальные и любые внешние манипуляции способны воздействовать на сознание матери так, что она не будет желать заботиться о своем ребенке, выносив его в утробе девять месяцев [49].

Многие зарубежные авторы при исследовании материнства используют онтогенетический подход (P.M. Shereshefsky, L.J. Yarrow, G. Bohein, B. Hegekull, M.J. Gerson, W.B. Miller). В работе «Психологические аспекты первой беременности и ранней постнатальной адаптации» под ред. P.M. Shereshevsky и L.J. Yarrow авторы приводят более 700 факторов, которые обуславливают адаптацию женщины к беременности и раннему материнству и соотносят эту адаптацию с историей жизни женщины, с ее социальным положением и личностными качествами [173]. Онтогенетическим аспектам формирования материнства посвящены также работы Г. Леви, В.Б. Миллера и др.

В рамках культурологического подхода к изучению родительства (Бенедикт Р., Малиновский Б., Мид М.) материнство рассматривается как историко-культурный феномен, имеющий социальную природу. Ученые акцентируют внимание на особенностях материнства в различных культурах (Ф. Ариес, М. Виновскис, Р. Левайн, Э. Бадинтер и др.), анализируют исторические изменения материнства (психогенетическая теория Л. Де Моза) [78]. Авторы отмечая, активное изменение характера материнского поведения по отношению к ребенку в разных временных и культурных пространствах, делают вывод о том, что эта трансформация связана с увеличивающейся тенденцией материнского

поведения к удовлетворению потребностей ребенка и отношения к нему как к личности.

Э. Бадинтер, рассматривая личность матери в контексте культурно-антропологического подхода, считает, что материнские чувства обусловлены ее культурологической принадлежностью. В зависимости от того как общество в данный период времени относится к феномену материнства, какой характер содержания вкладывает, будет сформироваться содержание материнства женщины, принадлежащей к конкретной культуре [158].

Бихевиористский подход (У. Бронфенбреннер, Р. Сире, Дж. Гервиц и др.) трактует взаимодействие матери и ребенка как «стимул – реакция», в процессе взаимного научения [160]. Американский психолог Р. Сире вводит диадический принцип изучения личности матери и ребенка. Автор полагает, что личность матери является зависимостью для ребенка. В рамках теории социального научения подкрепление потребностей ребенка всегда зависит от тесного контакта с матерью, а потребности ребенка в материнской любви выступают важной потребностью, которую способна удовлетворить только мать.

В перинатальной психологии основное внимание уделяется изучению эмоционального состояния матери в период беременности. В исследованиях рассматривается спектр чувств и переживаний матери от момента зачатия до родов и в послеродовой период [20]. Акцент ставится на влиянии переживаемых матерью чувств на ее отношение к ребенку. Особое внимание уделяется процессу послеродовой депрессии (В.И. Брутман, Ю.И. Шмурак, В. Бергум).

В теории материнской депривации изучалось развитие детей, лишенных материнской заботы (Дж. Боулби, Д. Бенджамин, М. Раггер, Р. Шпиц, Э. Эриксон, Г. Ярроу, М. Годфрид). В своей работе «Материнская забота и психическое здоровье» Дж. Боулби делает выводы о том, что дети, лишенные материнской заботы, имеют выраженную задержку в физическом и психическом развитии [17, 161]. Многие представители данного подхода подтверждают колоссальное влияние материнской депривации на личность ребенка. Однако большинство исследований посвящено изучению материнской депривации в

отношении детей, находящихся в условиях вынужденной отдаленности (детей, оставшихся без матерей на долгий срок в больницах; брошенных детей; детей-сирот). Тем не менее актуальным остается вопрос изучения материнской депривации, которая может проявляться в эмоциональной дистанции от ребенка в силу своей занятости в условиях современного социального мира.

Некоторые исследования освещают факторы, обуславливающие становление материнства. В работе Д.В. Винникотта «Маленькие дети и их матери» рассматривается становление и развитие материнской сферы через опыт взаимодействия с собственной матерью, особенности семейной модели материнства и через возможность проявления интереса к младенцам в детстве [29].

Д. Винникотт выделил три типа матерей: «достаточно хорошая мать»; «обычная преданная мать»; «недостаточно хорошая мать». Такая типизация матерей характеризует степень их конструктивного отношения к ребенку, через их осознанность, активность, сотрудничество с ребенком.

Б. Бернс считает, что для изучения становления личности ребенка необходимо иметь представление о личности матери, ее особенностях и поведении. В этом смысле изучение материнства является очень важной сферой исследований [159].

Таким образом, личность матери в зарубежных исследованиях изучается достаточно активно. Значительная часть зарубежных исследований посвящена перинатальному периоду, становлению материнской сферы, детерминации материнского поведения, проблеме биологической и социальной обусловленности.

Аспекты изучения личности матери в отечественной психологии также разнообразны. Изучение материнства как части личностной сферы женщины началось не так давно (С.Ю. Мещерякова, В.С. Мухина, Р.В. Овчарова, Н.А. Устинова, Г.Г. Филиппова). Прежде всего речь идет о перинатальной психологии матери (И.В. Добряков, Л.В. Наумова, О.В. Баженова, Ж.В. Колесова), материнстве в юном возрасте (Е.В. Андриюшина,

Т.В. Бердникова, О.И. Лебединская, Г.А. Сидорова), сфере материнских чувств (Н.Б. Кедрова, Е.И. Исенина, Н.В. Самоухина), самосознании, как личностной сфере женщины-матери (В.С. Мухина, Е.А. Тетерляева, М.Ю. Чибисова), личности матери как субъекта (К.В. Адушкина, Н.Н. Васягина, Е.Г. Ермолаева).

Большой вклад в изучение материнства, как самостоятельного феномена внесла Г.Г. Филиппова. По ее мнению, материнство должно изучаться с учетом того, какие функции выполняет мать для развития ребенка и как они представлены в субъективной сфере самой матери. Г.Г. Филиппова выделила две группы таких функций: видотипичные и конкретно-культурные. Успешность реализации этих функций значительно влияет на развитие ребенка в разном возрасте и на разных этапах становления его личности. В концепции Г.Г. Филипповой также раскрывается идея субъектности матери. В содержании материнской сферы она выделяют три блока.

1. Потребностно-эмоциональный блок характеризуется периодичным развитием потребности в эмоциональном и близком контакте с ребенком, потребности в заботе о ребенке и потребности в материнстве. Как отмечает автор, эти потребности возникают в связи с активной рефлексией своих чувств и переживаний женщиной.

2. Операциональный блок. Составляющими данного блока являются действия по отношению к ребенку, проявляющиеся в заботе о нем. Такое операционализированное поведение имеет характерную эмоциональную составляющую, которая проявляется в материнской бережности, мягкости, осторожности.

3. Ценностно-смысловой блок. Здесь рассматривается ценность материнства как личностная ролевая функция и ценность ребенка как личности.

Г.Г. Филиппова считает главенствующей составляющей материнской сферы женщины наполненность ее ценностно-смыслового блока, потребностей и способов их удовлетворения [136].

Работа Р. В. Овчаровой посвящена личностной зрелости и осознанности матери. Автор представляет материнство как систему родительских и

личностных компонентов. Родительские составляющие: материнская любовь, принятие своей родительской позиции; способность к рефлексии своих воспитательных стратегий по отношению к ребенку. К личностным составляющим автор относит ответственность, аутентичность, активность, адекватное понимание и восприятие себя, способность к рефлексии и самопознанию, самореализации, устоявшуюся систему ценностей, способность опираться на себя и строить зрелые отношения [97].

В.С. Мухина, исследуя личностную сферу женщины в концепции материнства, отмечает, что материнство есть социальная ответственность и особое психологическое состояние женщины, часть ее эмоциональной сферы, выделяет относительную «норму» материнства: чувство любви к ребенку, ответственность за него, способность к психологическому сопровождению ребенка на протяжении его жизни. Также В.С. Мухина заключает, что полноценное материнство характеризуется привязанностью к отцу ребенка [91].

В исследованиях Е.А. Тетерляевой, М.Ю. Чибисовой и других материнство рассматривается в контексте самосознания. Е.А. Тетерляева считает материнство новообразованием в сфере самосознания женщины, принявшей на себя родительскую роль. Материнство, являясь абсолютно новой ситуацией развития личности женщины, начинает процесс совмещения собственных жизненных целей и задач развития ребенка. С появлением ребенка этот процесс можно охарактеризовать как «неуправляемый». В этот период появляются качественно новые, иногда противоречивые чувства и переживания матери, которые занимают главное место в ее психологическом пространстве. Только со временем, в общении с ребенком, мать обретает новый опыт взаимодействия с ребенком и развивает в себе процессы рефлексии и анализа своих новых переживаний. Устойчивая материнская способность к интеграции своих переживаний является тем новообразованием, которое позволяет контролировать противоречивость своих переживаний в процессе взаимодействия с ребенком. Этот процесс дает возможность осуществлять осознанный и осмысленный выбор тех или иных стратегий и позиций своего материнского поведения [132].

В диссертационном исследовании М.Ю. Чибисовой показаны изменения в сфере структуры самосознания женщины-матери, связанные с биологической, психологической и социальной перестройкой ее личности после рождения ребенка. В результате рождения ребенка женщина интегрирует потребность в признании себя как матери в контексте социального статуса, принимая на себя все права и обязанности женщины-матери в общепринятом смысле. Молодые матери воспринимают материнство как новый статус, который представляется в трех аспектах: социальный статус, статус в семье, статус женщины [145].

Идея материнства как этапа развития самосознания отражена в исследованиях, выполненных в русле перинатальной психологии (И.В. Добряков, Л.В. Наумова, О.В. Баженова Ж. В. Колесова, Н.В. Шабалин). В перинатальной психологии большое внимание уделяется мотивационной сфере личности матери в процессе беременности, родов, прерывании беременности, аборт.

Материнству в юном возрасте посвящены работы Е.В. Андриюшиной, Т.В. Бердниковой, О.И. Лебединской, Г.А. Сидоровой. Ученые исследуют личностные особенности юных матерей, их взаимодействие с ребенком после родов, отношения с матерью в прародительской семье как детерминанту ранней беременности. В рамках изучения проблемы юного материнства рассматриваются социальные психологические особенности личности молодой матери. Отсутствие психологической готовности к материнству ведет за собой ряд сложностей в становления молодой женщины-матери. По мнению Т.В. Бердниковой юные матери не могут должным образом оценить всю ответственность, важность и необратимость ситуации ранней беременности. Ситуация раннего материнства сопряжена еще и с гнетом порицающего общественного мнения, которое вдвойне эмоционально нагружает молодую мать. В исследованиях данного направления обнаруживается, что отношения в диаде мать–дочь в прародительской семье юной матери влияют на процесс ее ранней беременности. Вместе с тем авторы не относят юное материнство к категорически негативному феномену, полагая, что при благоприятном

отношении окружающих, моральной и материальной поддержке общества юное материнство может стать эффективным для развития личности юной матери.

В работах Н.Б. Кедровой, Е.И. Исениной, Н.В. Самоукиной и других уделяется внимание эмоциональной стороне материнства. Н.Б. Кедрова, Е.И. Исенина делают акцент на чувствах и переживаниях самой матери, а специфику взаимодействия с ребенком авторы считают следствием эмоционального состояния матери. Е.И. Исенина исследует влияние тех или иных качеств родителя на психическое развитие детей раннего возраста, выделяет основные базовые качества, которые необходимы матери: качества, связанные с отношением к ребенку и с отношением матери к окружающему миру. Автор делает вывод, что для благополучного развития ребенка матери требуются положительные качества, которые формируются из материнских чувств (теплое эмоциональное отношение, внимание к чувствам ребенка) [61, 66].

В основе концепции материнства Н.В. Самоукиной лежит понятие психологического проекта, включающего культурные нормы, внутреннюю жизнь и поведение ребенка [118]. Эмоциональная сторона материнства и ее влияние на личность ребенка также изучена в рамках перинатальной психологии (И.В. Добряков, Л.В. Наумова, О.В. Баженова).

Одним из современных подходов в изучении матери является подход к пониманию ее как субъекта. К методологическому основанию такого рассмотрения личности матери относится понятие личности как субъекта. Категория «субъект» акцентирует внимание на качестве активности человека, его способности к деятельности, самоопределению и саморазвитию. В концепции С.Л. Рубинштейна о «психологии субъекта» введено понятие «субъект жизни», которое раскрывает деятельной сущности личности, ее активной позиции в целостном жизненном процессе [107].

А.В. Брушлинский расширил представление об активности личности как фактора детерминации психики. Субъектом он назвал человека, находящегося на высшем для него уровне активности, целостности автономности [21]. Категория «субъекта» также представлена в трудах Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-

Славской, Л.И. Анцыферовой, В.В.Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко и других известных ученых, внесших свой вклад в развитие концепции субъекта в отечественной психологии.

Возможности анализа личности как субъекта позволяют решать проблемы в различных пространствах бытия личности. Субъектный подход к изучению проблем материнства в современной семье реализован в исследовании Н.Н. Васягиной. Автор рассматривает становление матери как субъекта в современном социокультурном пространстве России [25]. Субъектное становление матери раскрывается как взаимосвязь личностного и деятельностного самоосуществления в современном социокультурном пространстве, его механизмом является система процессов рефлексии и антиципации. Этот механизм придает личностный смысл воспринимаемой социокультурной реальности, объясняет построение образа мира, себя и диады «мать–ребенок» как части мира; проявляется в актуализации самостных процессов, в которых мать созидает себя и достигает высшей личностной зрелости, изменяет себя и, как следствие, ребенка. Самосознание женщины-матери понимается как смыслообразующая составляющая ее субъектности. Она включает в себя единство образа мира и субъективного опыта женщины, которое и выступает внутренним фактором рефлексии и самореализации в социокультурном пространстве. На основе теоретических выводов в исследовании эмпирически выявлены уровни и типы субъектности матерей (субъектно-жертвенные, субъектно-противоречивые, субъектно-нормативные, субъектно-неуверенные, субъектно-деятельностные, субъектно-благополучные, субъектно-зрелые.

К.В. Адушкина также рассматривает женщину как субъекта семейных отношений, акцентируя внимание на самосознании женщины, которое является смыслообразующей частью субъектности личности. Автор выделяет наиболее значимые семейные роли в самосознании женщины, через которые она осознает себя субъектом: мать, жена, дочь. На основе эмпирического исследования выделяется пять типов женщин в соответствии со структурой их самосознания: доминантные, зависимые, эгоцентричные, ориентированные на родительство,

ориентированные на супружество. Данные типы отражают самоотношение женщин как члена семьи и особенности реализации семейных функций и ролей. Л.Б. Шнейдер также описывает материнство как результат свободного выбора женщины, которая является самостоятельным активным субъектом [2].

В работе Е.Г. Ермолаевой изучена ценностно-смысловая сфера родителей как фактор семейного воспитания. Изменение в системе ценностно-смысловых ориентаций личности автор считает важнейшим компонентом личностной структуры, которое определяет целостность, направленность и устойчивость личности, присущие субъектности. Так, функционирование семейной системы будет зависеть от значимости ценностей и согласованности ценностно-смысловой сферы личности. Автор заключает, что ценности женщин-матерей характеризуются ориентацией на семью, родительство, социальную активность, в отличие от мужчин-отцов, где преобладающей ценностью выступает ориентация на материальное обеспечение семьи, поэтому влияние ценностей родителя на его воспитательные тактики имеет гендерную специфику. В работе сделаны выводы о том, что большинство родителей, проявляющих негармоничный стиль воспитания, занимают объектную позицию в жизни. А уровень субъектности родителей (принятие ответственности за себя и свою семью) повышает конструктивность стиля родительского воспитания, что выражается в принятии ребенка и повышением эмоциональной близости с ним [51].

Таким образом, личность матери активно изучается как в отечественной, так и зарубежной психологии. Значительная часть исследований посвящена перинатальному периоду, становлению материнской сферы, детерминации материнского поведения, проблеме биологической и социальной обусловленности материнства. Уделяется внимание психологической готовности к материнству, материнству в юном возрасте. Личностные особенности матерей также активно изучаются и представлены в различных психологических направлениях. В последнее время авторы обращаются к понятию субъекта и к анализу субъектных качеств матери, таких как: личностная зрелость, ответственность, самоактуализация и др. Изучение матери как субъекта

позволяет понять женщину-мать как личность, самоопределяющуюся в современной трансформирующейся семье. Значительная часть исследований материнства посвящены изучению особенностей личности матери в связи с тем влиянием, которое оно оказывает на ребенка. Личностные особенности женщины выступают детерминантами, обуславливающими ее отношения с ребенком.

1.3 Отношение к ребенку как функция материнства

Отношения матери с ребенком сопровождают все материнские функции, направленные на обеспечение условий для развития ребенка. Содержательная сторона этих отношений рассматривается в рамках понятия о родительских отношениях. Исследований, изучающих отношения родителей к детям достаточно много и количество их увеличивается. Прежде всего, это связано с тем влиянием, которое оказывают родители на формирование личности ребенка. Исследования разных направлений показывают, что характер детско-родительских отношений формирует определенные особенности личности ребенка и сами детерминированы различными факторами.

Феномен отношения родителей к детям рассмотрен в работах О.В. Баженовой, А.Я. Варги, Л.Л. Баз, Л.А. Забродиной, О.А. Копыл, Н.Л. Максимовой, А.С. Спиваковской, В.В. Столина и др. Родительское отношение выступает синонимичным к различным формам родительно-детских отношений: стили (типы) родительского воспитания (А. Болдуин, А.Я. Варга, В.И. Гарбузов, Е.Г. Ермолаева, А.И. Захаров, Э.Г. Эйдемиллер), родительские установки (В.Н. Дружинин, О.А. Карабанова, А.С. Макаренко, В. Сатир), позиции (С. Броди).

Анализ теоретических подходов к феномену родительских отношений показал, что точное понятие родительского отношения не выработано. На основе отечественных подходов к изучению родительского отношения (А.Я. Варга, А.С. Спиваковская, В.В. Столин и др.) дается следующее определение.

Родительское отношение – это система разнообразных родительских чувств, поведенческих стереотипов, применяемых по отношению к ребенку, особенностей понимания личности ребенка и его поступков. Понятие «родительское отношение» имеет наиболее общий характер и указывает на взаимную связь и взаимозависимость родителя и ребенка. Родительское отношение определяет особенности родительского восприятия, способ общения с ребенком, характер приемов воздействия на него [24]. Родительское отношение включает в себя материнское отношение к ребенку. И.Н. Малькова отмечает, что материнское отношение – это комплекс поведенческих, когнитивных и эмоциональных компонентов, который является частью системы отношений женщины и проявляется как отношение женщины к ребенку [85].

Основные детерминанты материнского отношения к ребенку. Среди факторов, формирующих отношение к ребенку, выделяют: фактор влияния собственного детского опыта матери (И.Н. Малькова, М.И. Лисина, Г.Г. Филлипова); психофизиологические факторы (А.С. Батуев, О.А. Копыл, О.В. Баженова, Л.Л. Баз); особенности личности женщины как детерминанта отношения к ребенку (В.А. Денисова, Е.С. Григорьева, Г.Г. Филлипова и др.).

В работе И.Н. Мальковой доказано, что в основе материнского отношения лежат глубинные механизмы трансляции способов формирования отношений в роду. Автор рассматривает отношение матери к ребенку через «семейную историю», т. е. через взаимодействие женщины с собственной матерью. В работе приводятся также типы материнского отношения в зависимости от семейной истории: адекватный, тревожно амбивалентный и эмоционально-отстраненный тип материнского отношения. Первый тип материнского отношения характеризуется сохранностью межпоколенных связей, тревожно-амбивалентному типу свойственны трудности в установлении контакта с ребенком, для эмоционально-отстраненного типа характерно глубокое нарушение отношений в роду, что воспроизводится и в отношении реального ребенка. Автор делает вывод: определяющим фактором в становлении взаимодействия матери и

ребенка является материнское отношение, как основа всего материнского поведения и уникальная ситуация развития ребенка [85].

Н.Л. Максимова в своем диссертационном исследовании рассматривает материнскую привязанность как детерминанту отношения к ребенку и заключает, что пережитый матерью собственный детский опыт обуславливает отношение матерей к своим детям. В ходе эмпирического исследования Н.Л. Максимова установила связь между отношением к ребенку и численностью детей в семье. В семьях, где воспитывается один ребенок, преобладающим типом родительского отношения является гиперсоциализация. Родители, воспитывающие только одного ребенка, в большей степени проявляют требовательность, контроль по отношению к ребенку и ожидают от него большей ответственности [80].

О.В. Баженова, Л.Л. Баз, О.А. Копыл полагают, что отношение матери к ребенку складывается на основе образа будущего ребенка в период ее беременности, а с ее течением меняется. Исследования доказывают значимость мотивов беременности и ее протекания, негативные переживания матери во время беременности, осложнения в предыдущих беременностях женщины влияют на негативное отношение к родившемуся ребенку [9].

В некоторых исследованиях рассматриваются последствия развода как фактора, влияющего на материнское отношение. Е.Г. Якущенко отмечает, что после развода одинокие матери испытывают страх будущего, одиночество, обиду и чувство вины. Сложность адаптации одинокой матери после развода сказывается на ее воспитательном потенциале, что будет проявляться в ее отношении к ребенку [154].

Многие авторы выделяют личностные особенности родителей (матерей) как фактор отношения к ребенку (А. Адлер, Д. Боулби, А.Я. Варга, И. Шефер). Изучается обусловленность эмоционального отношения к ребенку психологическими особенностями родителей (А.Н. Захаров, В.Н. Мясищев, И.И. Чеснокова и др.). Например, в работе А. Адлера рассматривается гиперопекающее поведение матери, вызванное личностной тревожностью матери. Д. Боулби и И. Шефер считают, что материнское отношение к ребенку

обусловлено внутренними конфликтами и потребностями личности матери. И. Шефер обнаруживает связь между экстраверсией/интроверсией личности родителя и его отношением к ребенку («любовь – ненависть», «автономия – контроль»). По мнению автора, сочетания личностных особенностей и родительского отношения представляют собой варианты социального поведения родителя [172].

А.И. Захаров приводит ряд личностных особенностей матери, которые обуславливают конструктивное и деструктивное отношение к ребенку. Так, деструктивность материнского отношения к ребенку зависит от сензитивности (обидчивость, повышенная эмоциональная чувствительность, впечатлительность) и гиперсоциализации (повышенное чувство долга, чрезмерная обязательность) личности матери. Также к деструктивным личностным особенностям автор относит замкнутость (интроверсия), повышенную конфликтность в сфере межличностных отношений, неудовлетворенность жизнью. На конструктивное отношение к ребенку влияет способность брать на себя ответственность, эмоциональная чувствительность, активность (включенность в деятельность). Ученый считает, что деструктивный стиль отношения к ребенку может приводить к формированию аномалий развития личности ребенка [55].

Е.В. Попцова выделяет ряд личностных характеристик, которые обуславливают деструктивное родительское отношение к ребенку: чрезмерную гордость, озлобленность, зависимость, эгоизм, эгоцентризм. По мнению автора, такие личностные черты характерны для человека, который имел негативный опыт в межличностных отношениях в прошлом [102]. Такие личностные особенности родителя могут проявляться в чрезмерной строгости и эмоциональной холодности родителя по отношению к ребенку.

В исследовании Т.А. Шкурко с соавторами выявлена обусловленность взаимодействия в диаде «мать–ребенок» социально-психологическими потребностями матери. Матери, у которых выражена потребность в любви, проявляют высокий уровень чувствительности и положительное отношение к ребенку [148].

Г. Орвашел, изучая феномен «материнской депрессивности», пришел к выводу, что психологические особенности родителя влияют на его отношение к ребенку. Матери, которые склонны к депрессии, не способны к рефлексии и распознаванию своих потребностей и потребностей ребенка. По сравнению с матерями, не склонными к депрессии, депрессивные матери демонстрируют эмоциональное отвержение ребенка, повышенный контроль, неспособность к эмоциональному контакту с ребенком [100].

А.С. Спиваковская отмечает, что формирование положительного (конструктивного) отношения к ребенку сопряжено с его способностью к рефлексии, самоанализу [125].

Типология родительского отношения. В зарубежной психологии родительское отношение изучается в рамках различных теоретических подходов. Понимание роли и содержания детско-родительских взаимоотношений, сформулировано в разных психологических школах: психоаналитической, бихевиористской, гуманистической и др.

В классическом психоанализе влиянию родителей на психическое развитие ребенка отводится центральное место. Общение с родителями в раннем детстве, влияние родителей на способы решения возрастных проблем и кризисов, сложности детской адаптации сказываются на личности и поведении уже взрослого человека. Согласно Э. Эриксону, в ранние годы ребенок испытывает существенное влияние преимущественно со стороны семьи, а позже – в большей степени со стороны социального окружения и общества в целом.

Дж. Уотсон, Б.Ф. Скиннер указывали на то, что внешние, социальные условия жизни определяют содержание внутреннего и внешнего поведения ребенка и особенности его развития. То есть самым важным аспектом развития ребенка является его окружение. По мнению А. Бандуры, опираясь на паттерны, модели и нормы родительского поведения, ребенок, идентифицируя себя с родителем, выстраивает собственное поведение в соответствии с родительским.

А. Адлер считал семейную атмосферу, ценностные установки семьи, взаимопонимание членов семьи и любовь основными факторами,

формирующими социальный интерес ребенка. К. Роджерс утверждал, что любой ребенок нуждается в позитивном отношении, эта потребность может быть удовлетворена, когда ребенок ощущает любовь со стороны окружающих.

В своей «Психогенетической теории» Л. Де Моз доказывает историческое изменение отношения родителей к детям. Рассматривая более древние временные периоды, автор отмечает, что в прошлом родители не воспринимали ребенка как личность, были не способны к пониманию и удовлетворению эмоциональных и психологических детских потребностей. Автор создал классификацию типов детско-родительских отношений, которая актуальна по сей день: инфантильная модель, оставляющая модель, амбивалентная модель, вторгающаяся модель, социализирующая модель, помогающая модель [78].

Многочисленные исследования посвящены изучению стиля родительского воспитания, который определяется как обобщенные, характерные, ситуационно неспецифические способы общения данного родителя с данным ребенком, это образ действий по отношению к ребенку [121]. Стиль семейного воспитания является интегративной характеристикой воспитательной системы (О.А. Карабанова), системы родительства (М.О. Ермихина, Р.В. Овчарова). Изучением стилей родительского воспитания занимались А. Болдуин, А.Я. Варга, В.И. Гарбузов, Е.Г. Ермолаева, А.И. Зазаров, Э.Г. Эйдемиллер и др.

По данным исследователей (Д. Бомринд, Е.Г. Селяева), формы детских дезадаптаций могут возникнуть под влиянием неадекватных стилей воспитания. Поэтому изучение влияния стиля воспитания на формирование личности ребенка имеет большую практическую ценность и актуальна для современного общества.

Е.Г. Ермолаева выделяет категорию ценностно-смысловых ориентаций как фактор, обуславливающий стили родительского воспитания, и особенности гармоничного и негармоничного стиля воспитания. Гармоничный стиль воспитания преобладает у родителей, которые относятся к своей жизни с точки зрения субъектной позиции. Это проявляется в отсутствии внутреннего конфликта между ценностными ориентациями, высокой осмысленностью жизни, позитивном самоотношении, способности к принятию ответственности за

семейные отношения на себя, ориентации на семейное благополучие. Негармоничные стили воспитания присущи родителям с дисгармониями в ценностно-смысловой сфере. Такие родители не склонны брать ответственность за семью и ребенка на себя, а значимость семьи у них значительно снижена. Негармоничные стили воспитания проявляются в повышенных требованиях к ребенку, фрустрации базовых потребностей, в принятии и эмоциональной поддержке (эмоциональное отвержение), гиперпротекции. Таким образом, родители, реализующие негармоничный стиль воспитания, занимают объектную позицию в жизни [51].

Проблема связи стилей воспитания, нарушений родительского отношения и отклонений в психическом развитии ребенка исследуется с клинико-психологических позиций. А. И. Захаров определяет параметры воспитательного процесса.

1. Эмоциональный контакт родителей с детьми: гиперопека, опека, принятие, непринятие.
2. Родительский контроль: ограничительный, разрешительный, допускающий, ситуативный.
3. Последовательность – непоследовательность.
4. Аффективная устойчивость – неустойчивость.
5. Тревожность – отсутствие тревожности.

Сочетания таких параметров могут провоцировать различные виды неврозов у детей. Так, чрезмерные ограничения, аффективная неустойчивость со стороны родителей приводят к развитию у ребенка невроза, страха [55].

Е.Т. Соколова определяет следующие стили отношений в диаде «родитель–ребенок»: сотрудничество; изоляция; соперничество; псевдсотрудничество.

Каждый из этих стилей воспитания будет характеризовать тот или иной уровень близости и мотивации к сотрудничеству матери со своим ребенком [123].

Исследование А.Г. Лидерс, Е.Н. Спиревой показало, что экстравертированные матери проявляют завышенные требования к ребенку и

тревожность за него. Матери, которые спонтанны в своих действиях, стремятся удовлетворять все возникающие потребности своего ребенка. Агрессивная мать часто потакает ребенку в его потребностях и желаниях, не обозначая при этом четких границ. Такая мать неустойчива в воспитании, ей свойственны резкие перепады – от сильной эмоциональной близости до отвержения ребенка. Вследствие такого отношения к ребенку агрессивная мать может проецировать конфликты между членами семьи. Ригидная мать педантична, инертна, внимательна, настороженна и требовательна по отношению к ребенку. Интровертированная мать, наоборот, может предъявлять ребенку недостаточно требований, она не уверена в себе как в родителе, часто гиперопекающая. Сензитивная мать чувствительная, контролирующая, ее воспитательные стратегии могут проявляться в мелочной опеке. Чем мать чувствительнее, тем она больше тревожится за ребенка и меньше сотрудничает с ним [75].

Описаны различные варианты родительских (чаще материнских) позиций, установок. А.Я. Варга характеризует родительские установки как систему эмоционального отношения к ребенку, способов поведения с ребенком и его восприятие [24].

О.А. Карабановой выделено три типа родительских установок: доминантный, партнерский и зависимый [64].

К наиболее распространенной классификации родительских установок можно отнести следующую систему установок родителей.

1. Симбиоз (чрезмерная эмоциональная близость), авторитарность, эмоциональное отвержение («маленький неудачник») (А. Я. Варга).
2. Поддержка, разрешение; приспособление к потребностям ребенка; формальное чувство долга, отсутствие интереса к ребенку; непоследовательность в воспитании (В. Н. Дружинин).
3. Сотрудничество, изоляция, соперничество.
4. Авторитет любви, доброты, уважения. Авторитет подавления, расстояния, педантизма, резонерства, подкупа (А.С. Макаренко).

5. Позитивная модель поведения (воспитательные стратегии используются осознанно) (В. Сатир).

Родительское отношение также можно охарактеризовать следующими типами воспитания:

- 1) авторитетный (теплые отношения, высокий уровень контроля);
- 2) авторитарный (холодные отношения, высокий уровень контроля);
- 3) либеральный (теплые отношения, низкий уровень контроля);
- 4) индифферентный (холодные отношения, низкий уровень контроля).

3. Матейчек выделяет типы семейной среды, которые характеризуются как препятствующие удовлетворению потребностей ребенка [89].

1. Эмоционально безучастная среда создает социальную гипоактивность: незаинтересованность, пассивность, задержку речевого и психического развития детей.

2. Изменчивая среда провоцирует гиперактивность: беспокойство, задержку психического развития.

3. Ультраустойчивая среда в сочетании с эмоциональной зависимостью. Такая среда способствует гиперактивности, которая направлена на одного человека, часто в виде поведенческих провокаций.

4. Изменчивая среда провоцирует социальную гиперактивность, поверхностность контактов и чувств ребенка.

Материнские позиции зачастую формируют тип родительского (материнского) отношения к ребенку. Выделяют 4 типа материнских позиций, проявляющихся в отношении к ребенку (С. Броди).

1-й тип. Поддерживающая, «разрешающая» мать, которая легко приспосабливается к потребностям ребенка.

2-й тип. Доминирующая мать, находится в состоянии постоянного напряжения, вследствие чего не приспосабливается к потребностям ребенка.

3-й тип. Для такой матери характерно усиленное чувство долга. Она чрезмерно контролирует своего ребенка и эмоционально холодна к нему.

4-й тип. Противоречивая и непоследовательная мать, которая не может адекватно соотносить свое поведение с возрастом и потребностями ребенка.

По мнению С. Броди, наиболее вреден для ребенка 4-й тип материнства, так как постоянная непредсказуемость материнских реакций лишает ребенка мира стабильности и провоцирует повышенную тревожность.

В исследованиях родительских отношений используются такие понятия, как родительские позиции, установки, стили, типы воспитания. Несмотря на разнообразие подходов к пониманию родительского отношения, каждый из них включает оценочный компонент, который характеризует конструктивность или деструктивность влияния на ребенка.

Конструктивное родительское отношение проявляется в эмоциональном (принятие; эмоциональная близость), поведенческом (сотрудничество; партнерство; умеренный родительский контроль; умеренные требования; последовательность в применении к ребенку воспитательных воздействий) и когнитивном (осознанность родителем своих установок, позиций и способов взаимодействия с ребенком) компонентах [54, 139].

Конструктивность и деструктивность влияния родительского отношения на личность ребенка представлена в многочисленных исследованиях (А.Я. Варга, О.А. Карабанова, В.В. Столин, А.С. Спиваковская, Э. Г. Эйдемиллер и др.).

Анализируя исследования деструктивных форм отношения к ребенку можно выделить ряд особенностей детей, обусловленных влиянием негативного отношения: тревожность и агрессивность в дошкольном возрасте, низкая самооценка, невротизация, внутриличностные конфликты в подростковом возрасте (В.В. Бодалев, А.Я. Варга, В.И. Гарбузов и др.).

Изучение влияния родительского отношения на становление личности ребенка включает различные аспекты: исследуются влияние родительского отношения на формирование самооценки ребенка (В.В. Столин, Е.Т. Соколова, Р. Бернс), особенности социализации ребенка (А.Г. Асмолов, В.С. Мухина), межличностные отношения ребенка (Т.В. Нещерет, А.Н. Прихожан), самоконтроль (Е. Мэш, Ч. Джонсон, Д. Брауминд) и другие.

Л.И. Божович указывает на формирование неадекватной самооценки детей вследствие деструктивных форм родительского воспитания [15]. С. Куперсмит считает, что формирование позитивной самооценки детей зависит от конструктивных форм взаимодействия с ребенком (последовательность в воспитании, предоставление личностной автономии ребенку, эмоциональная близость) [174].

В некоторых исследованиях показана связь привязанности к матери и формирования образа тела у ребенка, определяющая особенности физического Я во взрослости (Т.Н. Разуваева, В.А. Цуркина).

Активно изучается влияние родительского отношения на личность подростка. Так, Н.С. Борзилова, Е.А. Овсяникова, Н.С. Ткаченко выявляют взаимосвязь отношения подростка к себе со стилем материнского отношения и влияния детско-родительских отношений на выбор подростком копинг-стратегий.

Особое место в исследованиях родительского влияния на личность ребенка занимает изучение детей в период дошкольного детства. Данный период характеризуется как важный этап для становления Я-концепции ребенка (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, М.И. Лисина, В.С. Мухина).

Изучая семейное воспитание родителей и особенности самосознания детей дошкольного возраста, М.И. Лисина доказывает, что дети с наиболее точным представлением о себе получают много внимания от родителей, которые не принижают их возможности, поддерживают. Родители в таких семьях часто поощряют за хорошую успеваемость. И наоборот, родители проявляющие излишнюю строгость, не уделяют детям много внимания, низко оценивают их успехи, воспитывают детей с заниженными представлениями о себе [76].

Многие исследования обращены к изучению влияния отношений в семье на психосоматическое состояние ребенка. Особенно это касается детей в неполных семьях. Хронический дефицит привязанности приводит к ослаблению иммунной системы ребенка, снижению эмоционального тонуса, частым простудным заболеваниями и сложности адаптации в образовательных учреждениях. Тесный

контакт матери и ребенка снижает уровень тревожности и страха ребенка, формирует чувство безопасности [106].

В исследованиях психологической готовности к материнству (С.Ю. Мещерякова, Н.Н. Авдеева, Н.И. Ганошенко) выявлена связь между уровнем психологической готовности женщины к материнству, ее реальным материнским поведением и особенностями психического развития ребенка. Авторы доказывают, что отношение матери к ребенку обуславливает психологическая готовность к материнству, которая определяет дальнейшее материнское поведение [90].

Таким образом, отношение матери с ребенком, являясь важной функцией материнства, исследуется в рамках детско-родительских отношений. Обобщая изложенные в психологических исследованиях аспекты изучения родительских отношений, можно сказать, что данный феномен изучен достаточно широко как в зарубежной, так и в отечественной психологии. Рассматривается понятие родительского отношения, которое соотносится с такими понятиями, как родительские установки, типы воспитания, стили, типы родительского отношения. Анализируются детерминанты родительского отношения – особенности личности родителей, влияние собственного детского опыта матери, психофизиологические факторы. Особое внимание уделяется стилевым параметрам родительских отношений, которые интерпретируются как конструктивные и деструктивные, прежде всего с точки зрения влияния на личность ребенка.

В контексте нашего исследования актуальным становится изучение отношения матери к ребенку в неполной семье, где одинокая мать выступает единственным источником родительского влияния.

1.4 Исследование материнства в неполной семье

Анализ исследований показал, что проблема современной монородительской семьи стоит достаточно остро. Аспекты изучения материнства в неполной семье представлены в психологических, педагогических и социологических исследованиях. Социологи акцентируют внимание на социальном статусе неполной семьи, положении одинокой матери на рынке труда. Педагоги обращены к изучению педагогической грамотности родителя в неполной семье, педагогической поддержке детей из неполных семей в образовательных учреждениях. Психологи активно изучают изменения в личностной сфере детей в неполных семьях, пытаются выделить типологии одиноких матерей, акцентируют внимание на поддержке одинокого материнства. Однако исследований, посвященных изучению личности матери в неполной семье, не так много.

Рассмотрим основные направления изучения личностных особенностей матерей в неполных семьях, а именно: осознанное одинокое материнство (Р.В. Овчарова, М.А. Мягкова); психологические и социальные проблемы матери в неполной семье (Т.Н. Каменева); особенности самоактуализации матери в неполной семье (А.А. Воронова); ценностные ориентации одинокой матери (З.Х. Каримова, Н.П. Романова, Л.Н. Тронина); гендерные аспекты изучения матерей в неполных семьях (М.Н. Родштейн, Ю.А. Алешина, И.Ю. Борисов); влияние неполной семьи на становление личности ребенка (Ю. Валлерштейн, В.А. Иванченко, З. Матейчик, В. Сатир, Г. Фигдор); отношение матери к ребенку в неполной семье (П.Г. Гасанова, Д.М. Даудова, К.Б. Зуев, Б.И. Кочубей, Е.В. Самойленко).

Исследования особенностей личности одиноких матерей. Значительный вклад в исследование материнства в неполной семье внесли Р.В. Овчарова и М.А. Мягкова. В своем диссертационном исследовании «Психологическое сопровождение материнства в неполной семье» М.А. Мягкова дает характеристику материнства в неполной семье, его когнитивной, эмоциональной

и поведенческой составляющих. В работе выявлены достоверные различия матерей в полных и неполных семьях в проявлениях осознанного и неосознанного материнства, дана типология личности матерей, выделены типы матерей в неполной семье.

«Позитивная мать» отличается позитивным отношением к отцу ребенка как к родителю; таким отношением к ребенку, которое характеризуется безусловным принятием; эмоциональной и поведенческой составляющей материнской любви, гиперпротекцией.

«Сознательная мать» определяется как мать, обладающая высокой степенью осознанности себя как родителя, семейных ценностей, своего отношения к ребенку.

«Традиционная мать» обладает развитой материнской идентичностью, низкими значениями когнитивной составляющей материнской любви, характеризуется негативной оценкой образа «реальной», «идеальной» матери и отца ребенка как родителя и недостаточностью предъявления требований к ребенку [92].

В своем диссертационном исследовании Т.Н. Каменева рассматривает личностные и социальные проблемы одиноких матерей. По ее мнению, эффективность выполнения роли матери в неполной семье зависит от духовных и нравственных качествах самой женщины. Автор подчеркивает преобладание жизненных затруднений матерей в неполных семьях, которые связаны с их одиночеством, социальным статусом и положением в обществе. В работе анализируются особенности поведенческих реакций, отношения к ребенку одиноких матерей в ситуации ожидания и после рождения ребенка (в зависимости от социального положения женщины) [63].

А.А. Воронова подробно характеризует отношения незамужних матерей к ребенку и самоактуализацию личности матери как фактор, детерминирующий эти отношения. В работе доказано, что особенности самоактуализации личности женщины-матери связаны с ее семейным положением и отношением к ребенку. Чем выше уровень самоактуализации личности женщины, тем меньше она будет

стремиться к симбиотическим отношениям со своим ребенком. В ситуации, когда женщина вынуждена заботиться о собственном профессиональном развитии (в ситуации неполной семьи), уровень ее самоактуализации будет выше [32].

В.А. Губин исследует личностные особенности матерей, воспитывающих подростков в неполной семье. На основе сравнения с группой замужних матерей, автор отмечает, что незамужние матери характеризуются повышенной общей напряженностью. Сравнительный анализ показателей матерей-одиночек и матерей, находящихся в разводе, выявил, что матери-одиночки отличаются более выраженным нонконформизмом, они в большей степени привыкли брать ответственность на себя и рассчитывать на свои силы и возможности, чем «матери в разводе» [41].

Значительное место в исследованиях одиноких матерей занимает изучение ценностно-смысловой сферы женщин. В статье З.Х. Каримовой «Жизненные ценности одиноких матерей» описана иерархия ценностных ориентаций одиноких женщин. По данным ее исследования, ценность семьи у одиноких женщин занимает лидирующее место, однако в реальности они не реализуют эту потребность в семейной жизни. Автор отмечает, что этот факт является противоречием, которое может стать причиной дисгармонии эмоционального состояния одинокой женщины. Было выявлено еще одно противоречие: женщины, для которых ценность семьи является главенствующей, разделяют ценность семьи и ценность детей. То есть одинокие женщины не идентифицируют своих детей как семейную ценность. Свое положение одинокие женщины не расценивают как семейное. Это также может вызывать внутренний дискомфорт. Также в ряду ценности семьи и детей приоритетной является ценность «работы и карьеры». Вместе с тем автор делает вывод о том, что система жизненных приоритетов одиноких матерей в большей степени носит позитивный характер [65].

В исследовании С.С. Толокновой также освещен вопрос приоритетных ценностных стратегий одиноких матерей. Так, для матерей, воспитывающих детей в одиночку, является значимым их социальный статус, отношение к ним

общества. Также на первый план выступают их материальные ценности и воспитательно-педагогические проблемы с детьми [134].

Н.П. Романова, исследуя социальные потребности и жизненные устремления одиноких женщин, приходит к выводу о том, что жизненные приоритеты одиноких женщин характеризуются движением ценностных структур в сторону преобладания индивидуалистических целей в жизни над социальными. Наблюдается преобладание витальных потребностей одиноких женщин. Автор соотносит индивидуально-ориентированные ценности одиноких женщин с ценностной структурой личности в современном обществе и делает вывод об их обусловленности [110].

Анализируя исследования ценностных ориентаций одиноких матерей, можно сказать, что большинство выявленных тенденций в сфере ценностей одиноких матерей обусловлены актуальными, современными, общепринятыми ценностями общества, которые характеризуются движением в сторону индивидуализации личности, направленности ее на самореализацию. Ценность родительства у одиноких матерей, оттесняемая социальными потребностями, все же остается актуальной и значимой личностной функцией.

Структура семейных ценностей личности соотносится с теми функциями, которые реализуются в семье. Вместе с тем нет исследований о том, как меняется иерархия семейных ценностей в ситуации самостоятельного выполнения женщиной семейных функций. В исследованиях семьи и брака выделяют основной аспект успешности брачных отношений – согласованность семейных ценностей, ролей между супругами. Изучение представлений о распределении ролей в семье обычно рассматриваются в рамках исследований брачно-семейных отношений (А.Н. Гребенников, О.А. Карабанова, О.Э. Бакланова и др.). Авторы подчеркивают значимость равномерного распределения ожиданий и притязаний по отношению к семейным функциям (ролевая адекватность). А.Н. Волкова определяет характер супружеских отношений с точки зрения согласованности ролевых представлений о том, кто и в какой степени берет на себя ответственность за реализацию функций в семье. Ролевая адекватность личности

зависит от соответствия ожиданий и притязаний на выполнение семейных функций [31]. То, как личность притязает или ожидает от партнера выполнения семейных функций, влияет на реальное поведение в семейной жизни.

В работе Л.И. Дементий отмечается, что женщинам в большей степени, чем мужчинам, свойственно брать ответственность на себя в семейной сфере. Автор подчеркивает, что чем больше супруги в браке берут на себя ответственность, тем адекватнее у них складываются представления о реализуемых обязанностях в семье своего партнера [45].

В современной семье распределение ролей все чаще становится симметричным, т. е. семейный функционал разделяется поровну между супругами. Представления о распределении семейных ролей у матерей, воспитывающих детей в неполных семьях представляют интерес с точки зрения ролевого поведения одиноких матерей.

В ситуации неполной семьи женщина становится доминирующей, беря на себя двойную ролевую нагрузку и заменяя в семье мужа (отца ребенка). Очевидно, в такой ситуации гендерные характеристики женщины могут изменяться. Ряд исследователей затрагивает тему гендерных особенностей женщин, но исследований, рассматривающих гендерные особенности личности женщины-матери в неполной семье, не так много.

В работах Р.В. Овчаровой анализируется проблема замещения отца ребенка одинокой матерью в неполной семье. Автор называет такой процесс компенсацией функций отца матерью. В ситуации одинокого материнства ребенок, воспитывающийся только матерью, нуждается во внимании различного характера. В воспитании ребенка функции контроля, наказаний, дисциплины и требований традиционно выполняет мужчина. В ситуации неполной семьи ребенок так же нуждается в ограничениях, как и ребенок в полной семье. Чувствуя свою ответственность за воспитание ребенка, женщина берет на себя функции отца в воспитании. Р.В. Овчарова считает, что «попытка все скомпенсировать, заменить только собой обоих родителей чаще всего оказывается безуспешной. Правильнее, осуществляя воспитание, позаботиться о

наиболее полном воплощении именно материнской функции, поскольку при попытке выполнять все задачи, как правило, ни одна не выполняется успешно» [97, с. 210] .

В своем диссертационном исследовании «Гендерно-ролевая идентичность как фактор репродуктивной установки женщин» М.Н. Родштейн делает выводы о том, что на репродуктивную установку женщины и ее содержание влияют ее характеристики гендерной идентичности. В работе выявлены различия в установках к материнству в зависимости от феминных и маскулинных черт личности женщин. Так, преобладающий тип маскулинности женщин ослабляет их установку на деторождение и делает амбивалентными их представления о репродуктивной сфере личности. Маскулинные женщины расценивают репродуктивность как помеху в самореализации и как осознанный отказ от реализации своей репродуктивной функции. Женщины с феминной идентичностью характеризуются склонностью к детоцентричности и деторождению, верой в успех своего материнства и желанием присвоения роли матери [109].

Изучая особенности гендерной идентичности, Л.Н. Ожигова отмечает, что гендерная идентичность является одной из важнейших элементов концепции личности. В ней находят отражение структурно-динамические характеристики и потребности личности как ведущей интегративной инстанции, стремящейся и обеспечивающей объединение, структурирование и систематизацию всех аспектов бытия [98].

По мнению В.А. Кочнева гендерные характеристики являются базовыми детерминантами полоролевого поведения личности, а отдельная гендерная характеристика (феминность и маскулинность) выражена в когнитивном, эмотивном и ценностно-мотивационном компонентах [73].

В своем исследовании Ю.Е. Алешина и И.Ю. Борисов акцентируют внимание на том, что характер детско-родительских отношений обуславливает такую глубинную личностную характеристику родителей, как половая идентичность [6].

Значимость изучения гендерных особенностей одиноких матерей обусловлена теми изменениями в личностной сфере одинокой женщины, которые происходят под влиянием двойной ролевой нагрузки, в том числе и выполнения традиционно мужских обязанностей в семье. Таким образом, можно заключить, что изучение гендерных характеристик личности одиноких матерей является актуальным аспектом исследования одинокого материнства, который недостаточно освещен в современных психологических исследованиях.

Изучение личности матери как субъекта представлено в немногочисленных исследованиях материнства в неполной семье. К ним можно отнести, рассмотренные выше исследования А.А. Вороновой о самоактуализации личности незамужней матери; исследование Т.Н. Каменевой, посвященные личностной зрелости одинокой матери; в работу В.А. Губина, анализирующего такие субъектные качества, как ответственность, нонконформизм одиноких матерей.

К субъектным качествам относится интернальная направленность локуса контроля личности. Дж. Роттер рассматривает уровень субъективного контроля, как склонность приписывать результаты деятельности внешним либо внутренним факторам. Люди, которые принимают ответственность за события своей жизни на себя, объясняя их своим поведением, способностями, чертами личности, обладают внутренним (интернальным) контролем. Людям, склонным приписывать ответственность за все события внешним факторам, присущ внешний (экстернальный) контроль [166]. Многие авторы рассматривают локус контроля как сферу социальной ответственности в структуре личности (В. М. Бызова, К. Муздыбаева, А. Н. Яковлева). Авторы считают уровень локуса контроля важной личностной особенностью ввиду того, что именно интернальная или экстернальная направленность личности будет характеризовать поведение в различных жизненных ситуациях, включая кризисные периоды жизни.

Т.В. Алексеенко и Ю.В. Судакова в своем исследовании делают заключение о том, что существует связь локуса контроля одиноких матерей с их удовлетворенностью жизнью. По их мнению удовлетворенность жизнью в целом

выше у одиноких матерей, а обусловленность повышения этой удовлетворенности состоит в повышении уровня их интернальности. То есть, чем больше одинокая женщина опирается на себя и берет ответственность за сферы своей жизни, тем она более удовлетворена своей жизнью. Вместе с тем отмечается, что выраженность экстернальной направленности локуса контроля выше у одиноких матерей. Реальная ситуация их жизни складывается так, что одинокие женщины вынуждены ориентироваться на помощь других, применяя защитные стратегии поведения [5].

Работ, посвященных изучению субъектности личности одиноких матерей, не так много. Актуальность изучения направленности субъективного контроля матерей в неполных семьях как показателя уровня субъектности обоснована значительным влиянием личностных особенностей (степень ответственности и осознанности матери) на личность ребенка в неполной семье.

В психологических исследованиях рассматриваются различные личностные особенности одинокой матери, среди которых больше внимания уделено ценностной сфере одиноких матерей. Но не уделяется внимание иерархии семейных ценностей одинокой матери, которая, выполняя самостоятельно семейные функции, определяет их приоритеты. Психологи обращают внимание на проблему замещения женщиной отсутствующего мужа в воспитании ребенка, но она замещает его и в других семейных сферах, что требует дополнительного изучения ее гендерных характеристик. В целом исследователи констатируют острый дефицит психологических исследований феномена монородительской, материнской семьи [144].

Несколько больше исследований неполной семьи посвящено изучению проблемам развития личности ребенка в условиях неполной семьи.

Развитие личности ребенка в неполной семье. К направлениям изучения личности ребенка в неполной семье можно отнести: психологические особенности детей в период и после развода родителей (В.А. Иванченко, Я.Г. Николаева, Е.О. Смирнова, В.А. Сысенко); интеллектуальные способности детей в неполных семьях (А.Л. Никитин, М.В. Макарова); здоровье детей в

условиях неполной семьи (Б.И. Кочубей, Й. Лангмейер, З. Матейчек); становление личности подростка в неполной семье (О.А. Белоусова, К.Б. Зуев).

В исследовании З. Матейчек выделены особенности детей, воспитанных в неполных материнских семьях: чрезмерная привязанность ребенка к матери; тревожность и агрессивность детей дошкольного возраста; заниженная самооценка, конфликтность; осложнение процесса половой идентификации мальчиков в материнской семье; сложности общения со сверстниками противоположного пола в подростковом возрасте; сложности в выстраивании межличностных отношений с противоположным полом у девушек, воспитанных в неполной семье [89].

В большинстве исследований внимание акцентируется на особенностях детей в семьях после развода родителей, нежели в семьях, переживших потерю мужа и отца. Это обусловлено тем, что ситуация развода носит ряд особенностей, отличающих ее от других ситуаций распада семьи. Как отмечают исследователи, негативное влияние развода для ребенка начинается задолго до самого развода. Конфликтная ситуация, в которой растет ребенок долгое время, влияет на благополучие его эмоционального состояния, она сопряжена с напряжением и тяжелыми чувствами обоих родителей. В ситуации потери семья также тяжело переживает жизненный кризис, однако женщина-мать в такой ситуации по-прежнему транслирует теплые чувства к отцу ребенка, а поддержку ей могут оказывать многие сочувствующие родственники и друзья [12, 23, 55, 96].

Многие исследования зарубежных психологов направлены на изучение психического состояния детей в период и после развода родителей (Ю. Валлерштейн, В. Сатир, Г. Фигдори и др.). Авторы выделяют эмоциональный компонент переживаний ребенка ситуации развода родителей, который проявляется в повышенном страхе, ярости, чувстве вины. В.А. Сысенко считает развод психотравмирующим событием для женщины и мужчины, но особенно ситуация развода влияет на эмоциональное состояние детей в такой семье [128].

По мнению Е.О. Смирновой, детям из неполных разведенных семей не хватает своевременной эмоциональной поддержки, такие дети часто проявляют

неуверенность в своих действиях, им сложно выстраивать межличностные контакты со сверстниками [122]. В.А. Иванченко, изучая социально-психологические особенности детей из неполных семей, на основе эмпирического исследования подтверждает тенденции влияния распада семьи на личностные особенности детей. Автор заключает, что такие дети в результате пережитого негативного опыта часто проявляют неуверенность в себе и чрезмерное желание угождать другим людям в ущерб себе. Вместе с тем результаты исследований психологических особенностей детей, позволяют психологам разрабатывать и внедрять методы работы с детьми из неполных семей, имеющих потенциал для гармоничного воспитания детей.

Исследования З. Матейчек, Й. Лангмейера также выявляют признаки неблагоприятного развития детей из неполных семей, обращая внимание на особенности состояния их здоровья. Обнаружено, что дети, воспитываемые только матерью, имеют гораздо больше проблем со здоровьем, чем дети замужних матерей. Они чаще болеют, причем болезнь нередко протекает с осложнениями. Авторы объясняют это ограничениями и трудностями в жизни одинокой женщины после развода [74].

А.А. Никитин и М.В. Макарова в своем исследовании анализируют различия в готовности к школе детей из полных и неполных семей. Авторы отмечают, что показатели интеллектуальной сферы и логического мышления у детей из неполных семей ниже, чем показатели детей из полных семей. Отсюда вывод: при поступлении в школу детям из неполных семей требуется помощь психолога и педагогов для более успешной сформированности психологической и интеллектуальной готовности к школе [95].

Большое внимание уделяется исследованию особенностей подростков из неполных семей. Так, К.Б. Зуев, изучая личностные особенности подростков из полных и неполных семей, делает акцент на особенностях связи восприятия материнского отношения с уровнем локуса контроля подростков из полных и неполных семей. Ученый приходит к выводу, что подростки из неполных семей воспринимают материнские тактики, как автономные и непоследовательные.

Подростки, которые воспринимают материнское отношение как не директивное, больше склонны брать на себя ответственность за свою жизнь [59].

О.А. Белоусова, исследуя проблемы социализации подростков из неполных семей, отмечает, что дети из неполных семей и дети из полных семей не отличаются в своем отношении к учебе, в построении межличностных отношений. Однако подростки в полных семьях больше удовлетворены отношениями с родителями, а дети из неполных семей чаще подвержены чужому мнению и вредным привычкам [13].

Таким образом, анализ исследования влияния неполной семьи на личность ребенка позволяет утверждать, что неполная семья обуславливает некоторые негативные особенности развития детей. Особое внимание уделяется специфике эмоционально нестабильного состояния детей в семьях после развода.

Исследования отношения матери к ребенку в неполной семье. В исследовании П.Г. Гасановой, Д.М. Даудовой выявлены некоторые особенности материнского отношения к детям в неполных семьях. По результатам исследования авторы делают следующие выводы. Матери в неполных семьях предъявляют к ребенку завышенные требования, часто не соответствующие его возможностям, при этом проявляют высокое принятие своего ребенка. Такие тенденции материнского отношения авторы объясняют особой позицией, которая обычно характеризует одиноких матерей. По мнению авторов, матери, воспитывающие ребенка в одиночку, чрезмерно привязаны к нему, ребенок для них – «самое важное в жизни», ради которого мать всем жертвует. Часто она боится потерять любовь ребенка, поэтому ее сильная любовь и страх порождают повышенную требовательность [37].

В исследовании Е.В. Самойленко акцентируется внимание на одиноких матерях, проявляющих к детям эмоциональное отвержение. Они относятся к ребенку как «маленькому неудачнику», предпочитают повышенный контроль, порицают активность и самостоятельность ребенка. По мнению автора, такое отношение матери затрудняет процессы половой идентификации детей-подростков в неполных семьях [117].

Изучая психологические особенности подростков из неполных семей, К.Б. Зуев отмечает, подростки из неполных семей воспринимают материнское отношение к себе как автономное и непоследовательное. В ситуации, когда подросток из неполной семьи воспринимает материнское отношение как не директивное (не враждебное), он проявляет большую субъектность и высокую ответственность за свою жизнь. Автор также констатирует, что материнское отношение к подростку в неполной семье характеризуется высоким уровнем директивности, непоследовательности, что влияет на суверенность психологического пространства детей в неполных семьях [59].

Исследуя различия в отношении к ребенку матерей-одиночек и матерей в разводе, В.А. Губин приходит к выводу о том, что разведенные матери проявляют большую строгость и суровость в своем отношении к ребенку, стремятся исключить влияние со стороны посторонних людей на ребенка-девочку в неполной семье [41].

Многие исследования объясняют особенности материнского отношения к ребенку в неполной семье более высокой центрированностью на ребенке, чем это происходит в полных семьях. Так, Б. И. Кочубей полагает, что женщина в неполной семье гораздо больше концентрируется на ребенке, чем в полной семье, особенно это касается разведенных материнских семей [70].

Б. И. Кочубей выделяет ряд «ошибочных» действий в поведении одиноких матерей, которые складываются из отношения к ребенку.

1. «Жизнь для ребенка». Поведение матери чрезмерно направлено на ребенка. В такой ситуации одинокая мать ставит интересы ребенка выше своих и считает, что ее задача – полностью посвятить свою жизнь ребенку. Такое поведение можно объяснить чувством вины, которое возникает у разведенной матери по отношению к ребенку. Она уверена, что ее ребенок пострадал от ситуации развода и пытается компенсировать такую утрату всеми возможными способами. По мнению автора, такое поведение матери не позволит ребенку быть самостоятельным и автономным по мере взросления, а мать будет испытывать внутреннее неосознанное напряжение.

2. «Борьба с образом мужа». Как правило, ситуация развода сопряжена с конфликтностью бывших супругов. Разведенная мать чаще всего испытывает негативные чувства к отцу ребенка. Также ощущая свою вину за произошедшее событие, мать начинает настраивать ребенка против отца или вовсе запрещает видеться с ним (тем самым снимая с себя долю ответственности за развод). Если одинокой женщине удастся привить ребенку-мальчику негативное отношение к отцу, скорее всего у него в процессе развития будут формироваться феминные черты характера. Если одинокая мать настраивает против отца девочку, у нее могут возникнуть проблемы с построением собственных межличностных отношений вследствие негативного отношения к мужскому полу.

Если же у ребенка сохраняется позитивное отношение к отцу, то двойственная ситуация «хороший – плохой» может привести к внутреннему конфликту ребенка.

3. «Наследственность». Зачастую матери, которые испытывают негативные чувства к бывшему супругу, начинают «искоренять» похожие на отцовские черты в ребенке, особенно в семьях, где ребенок – мальчик. Процессы проекции бессознательны, и мать может воспитывать ребенка, не поддерживая в нем традиционно мужские особенности: активность, агрессивность, самостоятельность, стремление к собственному мнению и желаниям.

4. «Попытка купить любовь». В ситуации неполной семьи ребенок обычно остается с матерью. Мать занимается его воспитанием и проводит с ребенком большую часть его времени. Отец в такой семье, как правило, навещает ребенка в определенные дни или по выходным дням. Проявляя свою любовь, отец может дарить множество подарков ребенку. В итоге у ребенка складывается картина, где мать – это воспитание, требования и наказания, а отец – это любовь и подарки. Женщина в такой ситуации может начать соперничать с бывшим мужем за детскую любовь, центрируясь на «одаривании» ребенка. Тогда у ребенка может сложиться ложная самоуверенность и завышенная материальная ценность, так как борьба родителей за его любовь не связана с его реальными заслугами.

В ряде исследований подчеркиваются и позитивные тенденции в родительско–детских отношениях матери и ребенка в неполной семье. Так, П.Г. Гасанова и Д.М. Даудова считают, что матери в неполных семьях проявляют больше требований к ребенку, не всегда соответствующие его возможностям. Однако авторы отмечают, что независимо от полноты семьи матери проявляют к ребенку материнскую любовь, нежность, гордость за своего ребенка и принятие ребенка таким, какой он есть [37].

Результаты исследований отношений матери с ребенком в неполной семье чаще свидетельствуют о деструктивной направленности этих отношений, о повышенном контроле со стороны матери, завышенных требованиях, непоследовательности. Но не всегда эти результаты сопоставимы между собой.

Анализ исследований материнской семьи показал, что основными направлениями исследований являются: изучение личности одинокой матери, ее отношения к ребенку и изучение особенностей личности ребенка в неполной семье. В исследованиях личностных особенностей одиноких матерей рассматриваются типы материнства, отдельные качества личности, уделяется внимание особенностям ценностной сферы личности матерей. Вместе с тем отмечается дефицит психологических исследований, как личности одинокой матери, так и ее отношений с ребенком [144]. Изучаются ее жизненные ценности, но не изучена иерархия семейных ценностей одинокой матери, которая выполняя самостоятельно семейную нагрузку, определяет ее приоритеты. Ситуация замещения женщиной отсутствующего мужа, требует дополнительного изучения ее гендерных характеристик. В контексте субъектного подхода актуальным становится изучение уровня субъективного контроля.

Изучение отношений матери с ребенком в неполной семье чаще свидетельствует о наличии деструктивности, проявляющейся в повышенном контроле, требовательности, строгости и непринятии ребенка. Но мало данных о детерминации деструктивности материнского отношения. Чаще характер отношений одинокой матери с ребенком, связывается с ситуацией и последствиями развода родителей. Вместе с тем исследования о детерминации

родительских отношений свидетельствуют о том, что именно личность родителей является фактором, обуславливающим отношения с ребенком и, как следствие этих отношений, развитие личности ребенка.

1.5 Мать как субъект, организующий со-бытие с ребенком в неполной семье

Анализ исследований по проблемам материнства позволил выделить подход, в рамках которого личность матери понимается как субъект. Изучение матери как субъекта позволяет понять женщину-мать как самоопределяющуюся в современной трансформирующейся семье. Вместе с тем исследований матери как субъекта в неполной семье крайне мало. Воспитание ребенка одинокой матерью в осложненных объективных обстоятельствах предъявляет требования к ее активности, ответственности в решении семейных проблем, т. е. требования предъявляются к ней как субъекту. Рассмотрим теоретические основания для изучения матери в неполной семье как субъекта.

Понятие личности как субъекта представлено и в зарубежной, и в отечественной психологии. В зарубежной психологии гуманистическая психология, выступая в качестве «третьей силы», объясняет человека как активного деятеля, обладающего потенциалом к развитию и самореализации. Данная теория противопоставила себя господствующим в то время теориям психоанализа и бихевиоризма. А. Маслоу выступал против абсолютизации опыта старых школ и подходов. Многочисленные представители гуманистического направления в психологии утверждали, что личность – это уникальная целостная система, представляющая не нечто данное заранее, а возможность самоактуализации, свойственную только человеку. Самой ценной в психике выступает ее самость, ее стремление к саморазвитию и самоактуализации. В гуманистической теории основным является положение о самоактуализации, которая рассматривалась как стремление к постижению подлинных ценностей бытия и их реализации в практической деятельности. Также подчеркивалась

необходимость учета влияния внешней среды для гармоничного и всестороннего развития личности. Описывая самоактуализирующуюся личность, А. Маслоу говорил о способности человека принять мир вокруг и других людей в нем, а главное себя [88]. Человек рассматривается как активное, интенциональное существо, а человеческая жизнь – как непрерывный процесс становления и бытия человека. В человеке заложен потенциал к развитию и непрерывной самореализации, он способен выбирать, опираясь на собственные смыслы и ценности, что в определенной степени освобождает его от внешней детерминации. В центре гуманистической теории ставится проблема воспитания и развития гармоничной личности, в основе метода решения этой задачи лежит теория самоактуализации, в которой А. Маслоу видел яркое выражение всех потенциальных возможностей личности [141].

Понимание того, что личность не ограничивается исключительно внутренней структурной организацией и особенностями внешней действительности, обуславливающими становление внутреннего мира человека, привело к укреплению представлений об активной (субъектной) преобразующей действительности позиции человека, т. е. потребности в самоактуализации как ведущей, ставшей центральной в гуманистической психологии. Как видим, фокус сместился с внешних детерминант развития и становления личности на внутреннюю потребность наиболее полно реализовать себя. Именно возникновением гуманистического направления обусловлено осознание значимости субъектной позиции личности в собственном бытии.

Принцип субъекта, став одним из центральных в отечественной психологии, разрабатывался такими исследователями, как Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, Е.А. Сериенко, З.И. Рябикина и др. В рамках субъектного подхода человек рассматривается как автор собственной жизни, осуществляющий выбор, проявляющий активность в планировании своей жизни, способный к самоактуализации и саморазвитию [57, 107, 113]. Изучение личности как субъекта продолжено в субъектно-бытийном подходе.

Субъектно-бытийный подход акцентирует внимание на направленности человека на переустройство бытия в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов, то есть на преобразование реальности внешнего мира таким образом, что мир становится следствием объективирования субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии [57, 115]. Не только бытие становится не только внешней причиной становления и функционирования личности, но и сама внешняя реальность становится, изменяясь, продолжением личности. С.Л. Рубинштейн писал, что бытие, являясь продуктом развития человека, его преобразовательной активности, включает самого человека, обозначая бытие как мир [107]. Личность человека понимается как единство внешнего и внутреннего, как их взаимообусловленность. Бытие выступает как субъективно-объективная реальность.

Уровень субъектности личности, т. е. «мера субъектности (авторства в творении бытия)», может быть разным. Полнота реализации человека в мире зависит не только от обстоятельств, но и от его субъектной или асубъектной позиции [129]. Другой особенностью, приводящей к асубъектной позиции, является ситуация невозможности реализовать себя как субъекта, отсутствие возможности преобразовать свое бытие в соответствии с личностными смыслами. Тогда бытие переживается личностью как неаутентичное, проявляющееся в неудовлетворенности базовых потребностей. В ситуации реализации ценностей и смыслов бытие личности будет аутентичным, заключающимся в гармонии бытия и личности.

Внешней для личности реальностью является не только материальный мир, но и мир другого человека. Проявление субъектности личности в отношениях с другими людьми — это выстраивание, организация со-бытия с Другим, направленного на преобразование себя и внутреннего мира Других. Гармоничное со-бытие, когда происходит обоюдное принятие бытия друг друга, усиливает их чувство идентичности и аутентичности их бытия. Отношения с Другими могут как поддерживать процесс со-бытия, так и препятствовать ему [114].

В бытии матери, воспитывающей ребенка в неполной семье, присутствует объективное бытие, которое осложнено различными обстоятельствами. Выполнение двойной семейной нагрузки, в материальных ресурсах, ограниченность во времени приводят к перегрузке женщин, сказывается на их здоровье, на ее личностных особенностях и возможностях как субъекта. Не все матери справляются с трудностями и проявляют асубъектную позицию, приводящую к неаутентичности бытия.

Еще одним из объективных условий бытия личности матери, воспитывающей ребенка в неполной семье, отличающихся от условий в полной семье будет отсутствие отца в семье. Это, без сомнения, важно для становления личности ребенка, на что указывают многочисленные исследования [70]. Но для женщины это еще и другие условия реализации ее как матери. В полной семье реализация родительской функции матери сопряжено с мужем (отцом ребенка), а в неполной семье мать воспитывает ребенка в основном сама, являясь субъектом, организующим со-бытие с ребенком. То есть со-бытие матерей с ребенком в полных и неполных семьях будет организовываться по-разному.

Таким образом, анализ понимания личности как субъекта в зарубежной и отечественной психологии позволяет сделать вывод о том, что личность нельзя рассматривать вне рамок ее субъектной активности. Личность — это не набор объективных или субъективных черт, подчиняющихся внешним обстоятельствам, а деятель, перестраивающий объективное бытие в соответствии со своими смыслами, достигая аутентичного бытия. Интерпретация личности матери в неполной семье в контексте субъектно-бытийного подхода дает возможность объяснить, как объективные условия ее бытия меняют личность женщины и как эти изменения обуславливают ее со-бытие с ребенком.

Выводы по первой главе

В результате анализа исследований и теоретических подходов были сформулированы основания для выдвижения гипотез и эмпирического исследования. К таким основаниям относятся представления психологов о

кризисных явлениях в современной семье, проявляющихся в снижении ценности семьи, смещении направленности женщины на самореализацию в профессиональной сфере, на поиск материального благополучия, что подвергает материнство серьезной трансформации. Увеличивается количество разводов, появляется все больше неполных семей, все чаще одинокие матери сознательно идут на расторжение брака или внебрачное рождение ребенка.

Исследования условий бытия женщин свидетельствуют о многочисленных сложностях, с которыми сталкивается одинокая мать. К ним относятся: материальная нестабильность, трудности в сфере трудоустройства и профессиональной занятости, жилищные проблемы, снижение качества жизни (ограничение в отдыхе, самообразовании, социальных и эмоциональных контактах, репертуара досуга и др.) и ухудшение здоровья. Условия жизни матери интерпретируются в нашем исследовании как бытие. Понятие бытия дает возможность понять особенности личности человека, находящегося в определенных жизненных обстоятельствах. На основании этого мы выдвинули предположение, что объективные условия бытия обуславливают особенности личности женщины, воспитывающей ребенка в неполной семье, эти особенности их личности будут отличаться от личностных особенностей матерей, воспитывающих ребенка с мужем в полной семье.

Личностные особенности матерей активно изучаются и представлены в различных психологических исследованиях, среди которых значительное место занимают исследования самосознания, личностной зрелости матери, ответственности, ее эмоциональной сферы и др. Одним из актуальных в изучении личности матери является подход к пониманию ее как субъекта.

Отношение матери к ребенку рассматривается в рамках понятия о родительских отношениях, к основным аспектам его изучения относятся: типология родительского отношения к детям, детерминанты родительского отношения, влияние родительского отношения на личность ребенка. Среди детерминант материнского отношения особое место отводится личностным особенностям матери, которые обуславливают тот или иной тип отношения с

ребенком. Тип родительского отношения влияет на особенности личности ребенка. Характер этого влияния может быть конструктивным, способствующим становлению личности ребенка, или деструктивным, негативно отражающимся на его эмоциональном состоянии и в целом на особенностях личности ребенка. Таким образом, в ходе психологических исследований доказано, что личностные особенности матери обуславливают материнское отношение к ребенку, а деструктивный или конструктивный характер этого отношения определяет становление личности ребенка.

Вместе с тем анализ исследований неполной семьи показал, что существует дефицит исследований как личности одиноких матерей, так и отношений одинокой матери с ребенком. Обоснована актуальность изучения таких особенностей личности одинокой матери, как структура семейных ценностей, гендерные характеристики, уровень субъективного контроля.

Понятие личности матери как субъекта в неполной семье рассмотрено с позиций субъектно-бытийного подхода, в котором бытие понимается как субъективно-объективная реальность. Внешняя реальность (объективные условия жизни) становится, под влиянием человека субъективной реальностью, т. е. в объективное бытие включается человек, поэтому объективное бытие всегда является субъективно-объективной реальностью и в отношениях с другими людьми бытие является со-бытием.

Бытие матери в неполной семье, являясь одновременно со-бытием, включает не только отношения с ребенком, но и условия объективного бытия и трансформирующиеся личностные особенности одинокой матери, которые обуславливают характер со-бытия, и в со-бытии с ребенком усиливаются личностные особенности самой матери.

Таким образом, на основании предпринятого теоретического анализа исследований личности матери в современной семье и опираясь на положения субъектно-бытийного подхода, были сформулированы следующие гипотезы.

1. В неполной семье при выполнении двойной ролевой нагрузки женщине-матери свойственны личностные особенности, отличающие ее от женщин, реализующих функцию материнства в полной семье.

2. Личностные особенности матери обуславливают ее со-бытие с ребенком в неполной семье, которое характеризуется элементами деструктивности.

С целью доказательства выдвинутых гипотез было проведено эмпирическое исследование.

2. Особенности личности матери и характер ее со-бытия с ребенком в неполной семье: эмпирическое исследование

Во второй главе дано описание выборки и методов исследования. Приведены данные эмпирической части исследования. Проанализированы и интерпретированы полученные эмпирические данные. Подробно рассмотрены представления женщин о семейных ценностях и распределении ролей в семье, их гендерные особенности и направленность локуса контроля. Анализируются взаимосвязи личностных особенностей женщин с характером со-бытия с ребенком.

2.1 Характеристика выборки и методов исследования

С целью изучения личностных особенностей матери, воспитывающей ребенка в неполной семье, а также характера ее со-бытия с ребенком была сформирована выборка исследования, в которую вошли респонденты двух групп: разведенные женщины и замужние. Всего в исследовании приняли участие 70 матерей г. Краснодара, из них 35 матерей, воспитывающих ребенка в полной семье и 35 матерей, находящихся в разводе. Выборку составили женщины в возрасте 29–36 лет, возраст детей опрашиваемых – от 6 до 8 лет (дошкольный и младший школьный возраст). Выборка была выровнена по социально-материальному благополучию женщин в полных и неполных семьях (это средний и средне–низкий уровень дохода). Женщины в неполной семье, воспитывают одного ребенка, проживают вдвоем с ребенком и состоят в разводе более одного года.

Методы исследования были выбраны в соответствии с целями и задачами исследования. Для диагностики личностных особенностей женщин в полных и неполных семьях был использован ряд методик.

Для изучения семейных ценностей матерей, воспитывающих детей в полных и неполных семьях, а также их представлений о ролевом распределении

ролей в семье (их ожиданий и притязаний в выполнении семейного функционала) была использована методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой (женский вариант) [30].

Цели методики:

– уточнение представлений женщин о значимости в семейной жизни, личной общности мужа и жены, родительских обязанностей, профессиональных интересов, хозяйственно-бытового обслуживания, моральной и эмоциональной поддержки, внешней привлекательности (эти показатели, отражая основные функции семьи, составляют шкалу семейных ценностей);

– уточнение представлений женщин о желаемом распределении ролей между мужем и женой при реализации семейных функций, объединенных шкалой ролевых ожиданий и притязаний.

Интерпретация шкал семейных ценностей:

1. «Интимно-сексуальная шкала». Шкала отражает значимость сексуальных отношений в семейной жизни.

2. «Шкала личностной идентификации с супругом». Данная шкала отражает ценность общности интересов, взглядов и ценностей с партнером в семье.

3. «Хозяйственно-бытовая шкала». Данная шкала отражает значимость быта, и ведения домашних дел в жизни женщины. Эта и следующие шкалы разделяются на ожидания и притязания. Т. е. готовность женщины выполнять семейные функции либо ее ожидания выполнения этих функций от партнера в семье.

4. «Родительско-воспитательская шкала». Ценность родительства и участие в вопросах воспитания ребенка в семье.

5. «Шкала социальной активности». Активное участие или его ожидание в общественных делах, построении карьеры.

6. «Эмоционально-психотерапевтическая шкала». Шкала отражает значимость эмоциональной поддержки в браке.

7. «Шкала внешней привлекательности». Шкала отражает установку на собственную привлекательность или ожидание привлекательности партнера.

Для изучения гендерных характеристик матерей использовалась методика «Маскулинность-феминность» С. Бем [14].

Методика была предложена Сандрой Бем (Sandra L.Bem, 1974) для определения психологического пола личности: феминность, маскулинность, андрогенность. В нашем исследовании рассмотрены такие гендерные характеристики личности женщин, как маскулинность и феминность:

– маскулинность относят к типично мужским чертам, традиционно приписывая такие особенности личности, как независимость, напористость, доминантность, агрессивность, склонность к риску, самостоятельность, уверенность в себе, самоуважение в целом, а также более высокая самооценка в области академических достижений и собственной внешности;

– феминность – это типично женские черты: уступчивость, доброжелательность, мягкость, чувствительность, застенчивость, нежность, женственность, сердечность, способность к сочувствию.

Для изучения локуса контроля личности женщин применялась методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера (в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голькиной, А.М. Эткинда) [135, с. 9-13].

Методика УСК является модифицированным вариантом опросника Дж. Роттера. С помощью методики оценивается уровень направленности локуса контроля (экстернальность/интернальность) в различных сферах жизни. То есть при объяснении причинности того или иного события человек интерпретирует происходящее с точки зрения внешнего или внутреннего контроля. Экстернальный (внешний локус контроля) проявляется в том случае, когда человек считает, что события, происходящие с ним, не зависят от него, а являются результатом внешних причин. Интернальный (внутренний локус) характеризуется ответственностью, которую берет на себя личность в различных жизненных ситуациях.

В соответствии с данной методикой выделяются следующие шкалы локуса контроля в определенной области жизни: «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в области семейных отношений», «интернальность в области производственных отношений», «интернальность в области межличностных отношений», «интернальность в области болезни и здоровья».

Для выявления особенностей со-бытия матери с ребенком в неполной семье использовалась методика «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской (вариант для родителей дошкольников и младших школьников) [86]. Опросник отражает представления о характере отношения к ребенку через ряд критериев (шкал).

Краткая характеристика шкал ВРР:

1. «Нетребовательность – требовательность». Чем выше показатели по данной шкале, тем больше мать ожидает от ребенка ответственности в выполнении предъявляемых к нему требований.

2. «Мягкость – строгость». Показатели данной шкалы отражают строгость мер, применяемых к ребенку в результате его поведения.

3. «Автономность – контроль». Шкала отражает степень контролирующего отношения матери к ребенку. Чем ниже показатели данной шкалы, тем больше мать предоставляет ребенку свободы в действиях.

4. «Эмоциональная близость – дистанция матери с ребенком». Шкала отражает представление матери об эмоционально близких и теплых отношениях с ребенком.

5. «Отвержение – принятие ребенка». Принятие ребенка является базовой составляющей родительского отношения. При высоких показателях данной шкалы матери являются принимающими своих детей, их личностных особенностей, поступков и поведения.

6. «Отсутствуете сотрудничества-сотрудничество с ребенком». Шкала отражает степень вовлеченности ребенка в общие дела, равенство и партнерство с матерью.

7. «Тревожность за ребенка». Шкала отражает общую материнскую тревожность за своего ребенка, обеспокоенность за него. Многие авторы рассматривают данный параметр как важную детерминанту становления личности ребенка в семье.

8. «Непоследовательность – последовательность в воспитании». Шкала отражает последовательность действий родителя по отношению к ребенку, поощрений и наказаний, постоянство требований к нему.

9. «Воспитательная конфронтация в семье». Данные шкалы показывают разобщенность членов семьи в вопросах воспитания ребенка (в неполной семье, возможно, с бывшим супругом).

10. «Удовлетворенность отношениями с ребенком». По данной шкале можно судить о степени общей удовлетворенности отношениями с ребенком в семье.

Для выявления статистических закономерностей использовались методы математической обработки данных: анализ средних значений, выявление достоверности различий оценок (t-критерий Стьюдента), корреляционный анализ (с использованием коэффициента корреляции Пирсона).

2.2 Особенности личности матери в неполной семье

В параграфе рассмотрены личностные особенности матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье, на основе сравнительного анализа с показателями одиноких и замужних матерей. Исследовались такие личностные особенности одиноких матерей, которые связаны с самостоятельной реализацией семейных функций в неполной семье: ее семейные ценности, представления об ожиданиях и притязаниях в браке, гендерные характеристики и уровень субъективного контроля. Интерпретация эмпирических данных проводилась с помощью математических методов и была подтверждена статистически.

2.2.1 Представления о семейных ценностях матерей в неполных семьях

Для изучения специфики представлений о семейных ценностях, ожиданиях и притязаниях женщин, воспитывающих ребенка в неполной семье, была использована методика РОП А.Н. Волковой. Данная методика позволяет определить значимость семьи для личности, иерархию семейных ценностей, степень ожиданий (установка на активное выполнение семейных обязанностей супругом) и притязаний (личная готовность женщины выполнять семейные роли). Далее представлен сопоставительный анализ семейных ценностей матерей в двух группах женщин.

По методике РОП все показатели семейных ценностей соотносятся со следующими критериями значимости семейных ценностей: от 0–3 баллов – низкий уровень, 4–6 – средний уровень, 7–9 – высокий уровень значимости.

Для выявления особенностей семейных ценностей матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье, представлен сравнительный анализ показателей РОП в группе одиноких и замужних матерей. Рассмотрим показатели семейных ценностей в двух группах матерей. В таблице 1 приведены результаты средних значений показателей РОП женщин, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье.

На уровне тенденций можно дать следующую характеристику семейных ценностей матерей. Сравнивая показатели обеих групп респондентов, можно говорить о разнице в уровнях значимости шкал семейных ценностей: все показатели женщин в полных семьях среднего уровня, тогда как показатели женщин в неполных семьях преимущественно высокого уровня. Такая тенденция свидетельствует о том, что для женщин, воспитывающих ребенка в неполных семьях, семейные ценности являются более значимыми, чем для матерей, состоящих в браке. В группе женщин из неполных семей выявлено, что приоритетными семейными ценностями для них является родительско-воспитательская функция (7,1 балла), социальная активность (7,0 балла) и

эмоционально-терапевтическая функция (7,1 балла).

Высокую значимость социальной активности можно объяснить отсутствием достаточной материальной поддержки со стороны бывшего супруга. Тогда ей приходится больше, чем женщинам в полной семье, концентрироваться на вопросах заработка, карьеры, проявляя социальную активность, центрируясь при этом на своей материнской воспитательной функции. Приоритетной ценностью является и эмоционально-терапевтическая функция в семье, т. е. женщина ценит хорошие отношения в семье, понимание и поддержку в большей степени, чем женщина в полной семье.

Таблица 1 – Средние значения показателей РОП женщин, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

Шкалы семейных ценностей	Средние значения РОП в группе замужних матерей	Средние значения РОП в группе одиноких матерей	Разница в показателях РОП
Интимно-сексуальные отношения	4,4	4,7	0,3
Личностная идентификация с супругом	6,8	6,4	0,4
Хозяйственно-бытовая	5,8	6,2	0,4
Родительско-воспитательская	6,7	7,1	0,4
Социальная активность	6,5	7,0	0,5
Эмоционально-терапевтическая	6,7	7,1	0,4
Внешняя привлекательность	6,0	6,9	0,9
Общий показатель РОП	42,7	45,4	2,7

Остальные семейные ценности у одиноких матерей не достигают высокого уровня, хотя и достаточно важны для них. К одной из них относится функция внешней привлекательности (6,9 балла), этот показатель говорит о значимости привлекательности женщин, вероятно, для возможного партнера. Несколько ниже для матери ценность личностной идентификации с супругом, что говорит о важности для нее партнерских отношений в супружеских отношениях.

Ценность хозяйственно-бытовой функции следующая в иерархии семейных ценностей достигает среднего уровня (6,2 балла). То есть функция бытовых

обязанностей также важна для одинокой женщины. Последней в иерархии ценностей у одиноких женщин стоит шкала «интимно-сексуальные отношения», что скорее всего обусловлено отсутствием реального партнера, но в то же время показатели ценности этой сферы достигают среднего уровня. Таким образом, самыми значимыми семейными ценностями для одинокой женщины выступают родительство, социальная активность и эмоциональная поддержка.

В группе женщин из полных семей все показатели семейных ценностей находятся на среднем уровне. Приоритеты в иерархии семейных ценностей у них несколько иные, чем у одиноких женщин. Так, самая значимая семейная ценность матерей из данной группы респонденток – личностная идентификация с супругом (6,8 балла), которая включает в себя общность потребностей и интересов с супругом, ценностных ориентаций. Чуть ниже показатели значимости по шкалам «родительско–воспитательская функция» (6,7 балла) и «эмоционально-терапевтическая функция» (6,7 балла). Следующими по значимости ценностями в группе замужних матерей выявлена ценность социальной активности (6,5 балла), затем ценность внешней привлекательности (6,0 балла), далее – ценность хозяйственно-бытовой сферы (5,8 балла) и последней в иерархии семейных ценностей является сфера интимно-сексуальных отношений (4,4 балла). Таким образом, приоритетными семейными ценностями у женщин в полных семьях являются отношения с супругом, эмоционально-терапевтическая функция семьи и родительская функция.

Самая большая разница в показателях шкал РОП выявлена по шкале «социальная активность» (0,5 балла) и «внешняя привлекательность» (0,9 балла). В силу того что одинокая женщина вынуждена в одиночку обеспечивать материальное положение семьи, вероятно, для нее сфера социальной активности является более важной. Внешняя привлекательность для одиноких женщин более значима в силу того, что она скорее всего ориентирована на поиск возможного партнера, супруга. Самая меньшая разница в показателях РОП выявлена по шкале «интимно-сексуальные отношения».

Таким образом, на уровне тенденций было установлено, что самыми значимыми семейными ценностями для одинокой женщины выступают воспитание ребенка, социальная активность и эмоциональная поддержка, тогда как для замужних матерей самые значимые семейные ценности – это отношения с супругом, эмоционально-терапевтическая функция семьи, а также родительская функция (воспитание ребенка).

Для статистического обоснования различий между семейными ценностями в двух группах матерей был использован t-критерий Стьюдента. В таблице 2 представлены достоверные различия показателей семейных ценностей двух групп женщин.

Таблица 2 – Средние показатели и значения t-критерия Стьюдента при сравнении семейных ценностей в двух группах женщин

Шкалы семейных ценностей (РОП)	Показатели РОП в группе замужних матерей		Показатели РОП в группе одиноких матерей		Т	р
	Средние значения	Дисперсия	Средние значения	Дисперсия		
Интимно-сексуальная	4,4	4,0	4,7	5,9	0,66	–
Личностная идентификация с супругом	6,8	2,3	6,4	4,5	0,85	–
Хозяйственно-бытовая	5,8	1,2	6,2	2,9	1,11	–
Родительско-воспитательская	6,7	1,2	7,1	1,4	1,66	<0,1
Социальная активность	6,5	1,9	7,0	2,1	1,68	<0,1
Эмоционально-психотерапевтическая	6,7	2,1	7,1	1,9	0,99	–
Внешняя привлекательность	6,0	2,4	6,9	1,9	2,56	<0,05
Общий показатель РОП	42,9	29,0	45,4	59,0	1,64	<0,1

Из предыдущего анализа таблицы 1 мы установили, что показатели ценностей женщин, воспитывающих ребенка в полной семье достигают среднего уровня, тогда как у одиноких женщин показатели несколько выше, т. е. значимость семьи для них более выражена, чем у замужних женщин. Эта тенденция подтверждена статистически, о чем свидетельствует показатель

достоверности различий по «общему показателю» РОП, который состоит из суммы всех значений ценностей и свидетельствует о значимости для матерей семьи в целом.

Достоверные различия были получены еще по трем шкалам: «родительско-воспитательская», «социальной активности» и «внешней привлекательности». В иерархии семейных ценностей одиноких матерей две из них («родительско-воспитательская» и «социальной активности») являются приоритетными.

Одиноким женщины больше сконцентрированы на ребенке и социальной активности, что делает для них более острой проблему двойной идентичности [97] и может привести к ограничению реализации женщины в других жизненных сферах. Кроме того, забота о внешней привлекательности, очевидно, связана с желанием женщины найти нового партнера. Можно сказать, что в зависимости от полноты семьи приоритеты семейных ценностей изменяются.

В ситуации неполной семьи женщина берет на себя ответственность не только за воспитание ребенка, но и за все сферы семейной жизни. Для нее неизбежно становится важной социальная активность, связанная с материальным благополучием. Все это большая нагрузка для женщины, очевидно, в силу этих обстоятельств повышается значимость эмоционально-терапевтической поддержки. При этом матери-одиночки уделяют внешности больше внимания, чем женщины в полных семьях.

Таким образом, в зависимости от полноты семьи приоритеты семейных ценностей матерей изменяются. Для матерей в неполной семье характерна преувеличенная значимость семьи, что может ограничивать их возможности реализации в других жизненных сферах. Матери в неполной семье больше, чем матери в полной семье, сконцентрированы на социальной активности и родительско-воспитательской функции, которые являются для них приоритетными.

2.2.2 Представления о распределении семейных ролей матерей в неполных семьях

Реализация семейных ценностей в семье связана с выполнением определенных обязанностей и принятием семейной роли. Обычно эти роли распределяются между супругами и у каждого из них свои представления, которые отражаются в ожиданиях выполнения семейных функций от партнера и притязаний – собственной включенности в их выполнение. Несогласованность в распределении семейных ролей часто приводит к конфликтам в семье [11]. Представления о распределении ролей в семье, ожидания от мужчины и притязания на ту или иную семейную роль у женщин, воспитывающих ребенка вместе с мужем, в реальной жизни могут быть реализованы, в отличие от одиноких женщин. У женщин, воспитывающих ребенка без мужа, представления о ролевом распределении в семье не реализуются. Но эти представления могли реализовываться раньше в прошлом союзе с бывшим мужем и могли повлиять на их отношения. В ситуации неполной семьи эти нереализованные представления могут проецироваться на ребенка, обуславливая отношение к нему.

Рассмотрим представления о ролевом распределении в семье по результатам методики РОП в двух группах женщин по показателям их ожиданий и притязаний. В таблице 3 представлены средние значения ожиданий и притязаний женщин, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье, и достоверность различий между этими значениями (по t-критерию Стьюдента).

Сравним ожидания и притязания женщин, воспитывающих ребенка в полных и неполных семьях. Из таблицы 3 видно, что у одиноких матерей показатели ожиданий и притязаний по всем шкалам семейных ценностей выше, чем в группе замужних женщин. Высокие показатели ожиданий, с одной стороны, могут означать, что они больше нуждаются в помощи, но с другой стороны, это и завышенные требования к партнеру, которые могли сказаться на отношениях с бывшим супругом и в какой-то степени повлияли на распад семьи.

Притязания по выполнению семейных функций также выше у одиноких женщин, чем у замужних. Очевидно, это объясняется той реальной ситуацией, в которой находится женщина, выполняя двойную нагрузку в семье.

Таблица 3 – Средние значения показателей ожиданий и притязаний по методике РОП в двух группах женщин

Группы женщин	Шкалы РОП									
	Хозяйственно-бытовая		Родительско-воспитательская		Социальная активность		Эмоционально-терапевтическая		Внешняя привлекательность	
	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания
Одинокие	5,4	6,8	7,2	6,9	7,2	6,8	7,2	6,8	7,3	6,2
Замужние	4,9	6,7	6,8	6,4	6,6	6,3	7,3	6,1	6,4	5,4
Разница	0,5	0,1	0,4	0,5	0,6	0,5	0,1	0,7	0,9	0,8

Примечание: жирным шрифтом выделены статистически достоверные различия при $p < 0,05$.

Различия в ожиданиях и притязаниях между группами женщин были подтверждены статистически (по t-критерию Стьюдента) по шкале ожиданий по таким ценностям, как социальная активность, внешняя привлекательность и по притязаниям в эмоционально-психотерапевтической сфере. Женщины в неполной семье ожидают от мужчины социальной активности и ориентированы на внешнюю привлекательность партнера в большей степени, чем замужние женщины. В притязаниях одинокие женщины демонстрируют большую готовность оказывать эмоциональную поддержку. Такое сочетание ожиданий и притязаний характеризует традиционное распределение семейных ролей, где мужчина является главой семьи. Отсюда вывод: одинокие матери больше, чем замужние ориентированы на традиционные отношения в семье.

У женщин, находящихся в браке, различия между ожиданиями и их притязаниями меньше выражены, т. е. они склонны более равномерно

распределять семейные обязанности в семье, и можно предположить, что это помогло сохранить брак.

При сравнении в группе одиноких матерей ожиданий с их притязаниями выявлено, что ожидания от возможного партнера выполнения им семейного функционала в браке превышают их собственные притязания в выполнении семейных обязанностей. Эта тенденция достаточно устойчива и сохраняется практически по всем шкалам показателей РОП. Все показатели ожиданий (за исключением «хозяйственно-бытовой» шкалы) относятся к высокому уровню, а показатели притязаний находятся на среднем уровне, хотя и достаточно высокие. Такая ориентированность в представлениях одиноких матерей расходится с реальностью (где они выполняют эту нагрузку самостоятельно) и свидетельствует о неаутентичности личности женщин.

Таким образом, женщины в неполной семье ожидают социальной активности и внешней привлекательности партнера в большей степени, чем замужние женщины, а в притязаниях демонстрируют большую готовность оказывать эмоциональную поддержку, что характеризует их ориентированность на традиционное распределение ролей, где мужчина является главой семьи.

Для одиноких матерей чаще, чем для замужних, характерны ожидания от возможного партнера выполнения им семейного функционала в браке, которые превышают их собственные притязания в выполнении семейных обязанностей. Эти особенности свидетельствуют о несогласованности реальной ситуации, в которой находятся женщины, и их представлений, что характеризует неаутентичность личности женщин.

2.2.3 Гендерные характеристики матерей в неполных семьях

В неполной семье женщина-мать, выполняя семейные функции одна, заменяет и в воспитании ребенка и при выполнении других обязанностей

отсутствующего мужа. Поэтому, по нашему предположению, ей будут свойственны маскулинные характеристики чаще, чем матери в полной семье.

Для выявления гендерных характеристик личности одиноких матерей была использована методика С. Бэм «Маскулинность – феминность». По результатам опроса был проведен сравнительный анализ результатов в группах одиноких и замужних женщин.

Результаты использованной методики показали, что большинство респонденток относятся к андрогинному гендерному типу. Это можно объяснить тем, что в современном обществе ярко выраженных феминных или маскулинных женщин немного, поскольку мужские и женские роли все более размыты, основную часть составляют андрогины. В ситуации неполной семьи женщина становится доминирующей, беря на себя двойную ролевую нагрузку и ответственность за ребенка, эти особенности ее бытия могут изменять соотношения гендерных характеристик ее личности. Поэтому в нашем исследовании мы рассматривали выраженность маскулинных и феминных характеристик личности женщин.

Сравнительная характеристика матерей из полных и неполных семей по методике С. Бэм представлена на рисунке 1 (в приложении А). В таблице 4 приведены показатели выраженности феминных и маскулинных характеристик женщин в полных и неполных семьях и данные о статистических различиях показателей.

Таблица 4 – Эмпирические значения t-критерия Стьюдента при сравнении показателей феминности/маскулинности матерей в полных и неполных семьях

Гендерные характеристики	Замужние матери		Одинокие матери		Т	р
	Средние значения	Дисперсия	Средние значения	Дисперсия		
Феминность	0,60	0,22	0,48	0,27	0,045	<0,1
Маскулинность	0,37	0,19	0,50	0,26	0,017	<0,1

Показатели гендерных характеристик личности одиноких матерей распределились следующим образом. В группе одиноких матерей показатели феминности находятся на среднем уровне (0,48), примерно такой же диапазон значений и у маскулинности (0,50). Относительно такого распределения показателей можно сказать, что женщинам в неполных семьях присущи как мягкие, женские черты, так и волевые, мужские особенности.

Показатели в группе женщин, находящихся в браке, распределились следующим образом: у замужних женщин почти в два раза больше феминных качеств (0,60), чем маскулинных (0,37). Вероятно, женщины данной группы в большей степени проявляют феминность ввиду того, что мужские качества и функции можно делегировать супругу. Это позволяет замужним женщинам проявлять традиционно женские качества: мягкость, нежность, заботу, уступчивость, способность к сочувствию, состраданию, пониманию.

Сравнивая обе группы респондентов, приходим к выводу, что женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, проявляют феминные, женские характеристики чаще, чем одинокие женщины. А маскулинность, наоборот, проявляется в большей степени в группе одиноких женщин. Большая разница между показателями двух групп женщин выражена по шкале маскулинности, что обусловлено отсутствием мужа у респонденток из неполных семей, необходимостью выполнять часть мужской работы в семье и брать на себя больше мужских дел. Очевидно, это приводит женщин к маскулинному поведению, они становятся доминирующими, самостоятельными, независимыми. Однако важно отметить, что значительное число женщин в обеих группах относит себя к феминному типу, это характеризует данную выборку как женщин, которые ощущают свою женскую принадлежность и видят себя мягкими, чувствительными и эмоциональными. Полученные данные по средним показателям подтверждены на статистически достоверном уровне.

Преобладание маскулинности у одиноких женщин связывается традиционно с большей субъектностью. Но ситуация неполной семьи вынуждает матерей брать на себя ответственность за все сферы жизни семьи и проявлять

маскулинные черты, т. е. маскулинность у одиноких женщин вынужденная, не свойственная им. Это подтверждается также противоречием между их маскулинностью и склонностью к традиционному распределению семейных ролей, где женщина занимает феминную позицию.

Таким образом, гендерные характеристики матерей в полных и неполных семьях различаются. У матерей в полных семьях преобладают феминные характеристики личности, а у матерей в неполных семьях, в силу условий их бытия чаще, чем в полных проявляется вынужденная маскулинность.

2.2.4 Особенности локуса контроля матерей в неполных семьях

Ситуация неполной семьи лишает женщину мужской поддержки и помощи, она вынуждена выполнять двойную семейную нагрузку одна. Чтобы справиться с возникающими трудностями, она должна обладать необходимыми качествами, выражающими ее направленность решать возникающие проблемы и брать на себя ответственность. Проявление этих качеств будет зависеть от уровня субъективного контроля личности.

Уровень субъективного контроля рассматривается с точки зрения направленности и особенностей активности личности. Предложенная Дж. Роттером интерпретация включает два вида локуса контроля: экстернальный и интернальный. Их выраженность рассматривается как континуум, имеющий два полюса, и уровень выраженности этих полюсов может быть разным. Люди с экстернальным локусом контроля верят, что они «заложники судьбы», удачи, случая, а интерналы полагаются не на случай, а на собственные действия [141]. Именно качества интернальности помогают человеку справиться со сложными ситуациями и характеризуют личность как субъекта. Поэтому была поставлена цель изучить уровень субъективного контроля у матерей, воспитывающих детей в неполной семье, объективное бытие которых осложнено различными обстоятельствами.

От направленности локуса контроля одиноких матерей будет зависеть ее самостоятельность в принятии решений, активность в решении материальных, бытовых проблем, проблем в воспитании ребенка. Интернальные качества женщин, связаны с ответственным поведением, опорой на собственные возможности, а женщины с экстернальной направленностью рассчитывают на поддержку со стороны других.

Для изучения уровня субъективного контроля матерей в обеих группах респондентов была использована методика Дж. Роттера «Уровень субъективного контроля» (УСК). Методика УСК позволяет определить экстернальную или интернальную направленность локуса контроля женщины-матери. В таблице 5 представлены результаты сравнения средних показателей одиноких и замужних женщин по методике УСК.

Таблица 5 – Сравнительная характеристика значений уровня субъективного контроля матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

Показатели УСК	Средние значения УСК в группе замужних матерей	Средние значения УСК в группе одиноких матерей	Разница в показателях УСК
Общий показатель	4,9	3,9	1
Интернальность в области достижений	6,5	5,4	1,1
Интернальность в области неудач	4,7	3,3	1,4
Интернальность в области семейных отношений	6,1	5,4	0,7
Интернальность в области производственных отношений	4,3	3,6	0,7
Интернальность в области межличностных отношений	6,1	5,6	0,5
Интернальность в области болезни и здоровья	4,7	5,2	0,5

Общая тенденция показателей двух групп матерей заключается в том, что одинокие матери имеют более выраженную экстернальную направленность локуса контроля, тогда как замужние матери более интернальны. Одинокие матери имеют экстернальную направленность локуса контроля (меньше

5,5 балла) по следующим шкалам: шкала общего показателя УСК (3,9 балла), в области неудач (3,3 балла) и в области производственных отношений (3,6 баллов). Интернальная направленность локуса контроля выявлена у них лишь по шкале межличностных отношений (5,6 балла).

Приближаются к показателям интернальности, но не достигают необходимых значений показатели таких шкал, как интернальность в области достижений и в области семейных отношений. Показатели экстернальной направленности локуса контроля по большинству шкал могут свидетельствовать о том, что в ситуации неполной семьи женщины чаще ищут поддержки извне, они считают кого-то ответственными за их неудачи, по их мнению, им не везёт потому, что «так сложились обстоятельства». Осложненные условия бытия женщин (нехватка времени, загруженность семейными проблемами, ухудшение здоровья и др. усугубляют проблемы в профессиональной сфере и семье. Не все матери в неполной семье справляются с проблемами, а ищут поддержки вовне, ориентированы на помощь окружающих. Такая ситуация для одиноких матерей является вынужденной, поэтому есть основания полагать, что женщины прибегают к защитным формам поведения и экстернальная направленность вынужденной.

Женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, по средним показателям УСК имеют интернальную направленность локуса контроля по большинству шкал: в области достижений (6,5 балла), в области семейных отношений (6,1 балла) и по шкале межличностных отношений (6,1 балла). Они чувствуют ответственность за результат своих действий и за то, как складывается их жизнь в целом, т. е. чаще занимают субъектную позицию. Самый высокий показатель внутри группы по шкале интернальности – в области достижений. Такие люди считают, что они сами добились всего в их жизни и что они способны с успехом добиваться своего в будущем. Высокие показатели по шкале семейных отношений и по шкале интернальности в области межличностных отношений внутри группы женщин из полных семей говорят о том, что в своей семье и в отношениях с людьми в целом респонденты также занимают

субъектную позицию, неся ответственность за свои поступки в своей семье и с окружающими. Низкий показатель по шкале интернальности в области производственных отношений говорит о том, что женщины имеют склонность не брать на себя ответственность за свои профессиональные успехи и неудачи в этой области, что характерно в большей степени для женщин, которые ориентированы на семью и брак, а функцию материального обеспечения могут делегировать супругу.

Рассмотрим статистически подтвержденные различия по шкалам УСК в двух группах женщин (таблица 6).

Таблица 6 – Эмпирические значения t-критерия Стьюдента при сравнении показателей уровня субъективного контроля в группах женщин из полных и неполных семей

Шкалы УСК	Замужние женщины		Одинокие женщины		Т	p
	Средние значения	Дисперсия	Средние значения	Дисперсия		
Общий показатель УСК	4,9	4,2	3,9	3,3	2,09	<0,05
Интернальность в области достижений	6,5	3,9	5,4	4,5	2,25	<0,05
Интернальность в области неудач	4,7	4,0	3,3	3,5	3,13	<0,01
Интернальность в области семейных отношений	6,1	4,5	5,4	3,2	1,39	–
Интернальность в области производственных отношений	4,3	2,2	3,6	2,1	1,98	<0,1
Интернальность в области межличностных отношений	6,1	3,0	5,6	2,8	1,25	–
Интернальность в области болезни и здоровья	4,7	3,2	5,2	3,9	1,05	–

При сравнении показателей локуса контроля в двух группах женщин выявлены следующие статистически значимые различия (по t-критерию Стьюдента) по показателям следующих шкал: «интернальность в области

достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в области производственных отношений» и по общему показателю локуса контроля.

Самая большая разница в показателях интернальности выявлена в области неудач. Это означает, что женщины из неполных семей больше склонны приписывать ответственность за события в своей жизни другим людям или считать их результатом невезения, тогда как у женщин из полных семей чаще проявляется ответственность по отношению к отрицательным событиям и ситуациям в жизни. Такая тенденция к большей субъектности у матерей в полных семьях может говорить о том, что, в полной семье женщина ощущает поддержку со стороны мужа. В связи с разделением ответственности на двоих появляется уверенная позиция субъектности во многих сферах жизни, тогда как женщины из неполных семей ориентированы на поддержку и помощь окружающих.

Таким образом, выявлено, что большинство одиноких матерей имеют экстернальную направленность локуса контроля, в отличие от матерей, воспитывающих ребенка в полной семье. В силу большой загруженности, ограничения во времени они нуждаются в помощи со стороны, в ситуации неудач, проблем в производственных отношениях они рассчитывают на случай или других людей. Проблемы, которые одинокая женщина вынуждена решать сама, зачастую приводят к тому, что она не всегда рассчитывает на себя, ждет помощи от других, прибегая к защитным формам поведения, что дает основания говорить о вынужденной экстернальности одинокой матери.

Выводы по параграфу 2.2

Обобщая полученные результаты изучения личностных особенностей матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье, можно сделать следующие выводы.

В зависимости от полноты семьи, приоритеты семейных ценностей матерей изменяются:

а) для матерей в неполной семье характерна преувеличенная значимость семьи, что может ограничивать их возможности реализации в других жизненных сферах;

б) матери в неполной семье больше, чем матери в полной семье сконцентрированы на социальной активности и родительско-воспитательской функции, которые являются для них приоритетными.

В представлениях о выполнении функционала семейных ролей, одинокие матери ориентированы чаще, чем матери в полной семье, на активность возможного партнера, чем на свою включенность, что расходится с реальностью и приводит к неаутентичности бытия личности одинокой женщины.

В представлениях о распределении ролей в семье одинокие матери ожидают от мужчины социальной активности и внешней привлекательности в большей степени, чем замужние женщины. А в притязаниях они демонстрируют большую готовность оказывать эмоциональную поддержку, что характеризует их ориентированность на традиционное распределение семейных ролей, где мужчина является главой семьи.

Гендерные характеристики матерей в неполных семьях отличаются меньшей выраженностью феминных и большей выраженностью маскулинных качеств, чем у матерей в полных семьях, при этом обосновано, что маскулинность одиноких матерей носит вынужденный характер.

В решении жизненных проблем одинокие матери чаще, чем замужние, используют экстернальные стратегии, которые в осложненной ситуации их бытия, можно назвать «вынужденными».

Таким образом, полученные данные подтверждают первую гипотезу о том, что особенности личности одиноких матерей в условиях выполнения двойной ролевой нагрузки в семье отличаются от особенностей личности матерей, находящихся в браке.

2.3 Личностные особенности матери как фактор, обуславливающий со-бытие с ребенком в неполной семье

Цель данного параграфа – выяснить, как мать в неполной семье в условиях объективного бытия и особенностей своей личности организует со-бытие с ребенком. Для этого были проанализированы корреляционные связи между показателями личностных методик и показателями методики ВРР матерей, воспитывающих детей в полных и неполных семьях (приложения В, Г).

2.3.1 Особенности со-бытия матери с ребенком в неполной семье

В полной семье отношения строятся в триаде между отцом, матерью и ребенком. Ситуация неполной семьи формирует новое со-бытие матери и ребенка, где отношения строятся в диаде «мать – ребенок». Это меняет систему отношения матери к ребенку. Кроме того, личностные особенности матери выступают в качестве детерминант, обуславливая ее со-бытие с ребенком. Таким образом, со-бытие матери с ребенком – это такие отношения матери с ребенком, которые определяются как объективными условиями их бытия, так и особенностями личности матерей.

В нашем исследовании со-бытие матери с ребенком рассматривается как конструктивное, которое характеризуется эмоциональной близостью матери с ребенком, высоким уровнем принятия, адекватной требовательностью, строгостью и контролем, сотрудничеством с ребенком, удовлетворенностью отношениями с ним, отсутствием воспитательной конфронтации. Деструктивные отношения – это проявление высокой тревожности за ребенка, чрезмерной требовательности и строгости, контроля, отвержения ребенка, эмоциональной дистанции с ним, наличием воспитательной конфронтации [87, 139].

Для изучения характера отношения матерей к детям использовалась методика «Взаимодействие родитель-ребенок» (ВРР) И.М. Марковской. Анализ показателей отношения матерей к детям в полных и неполных семьях проводился с помощью сравнения средних значений, разделенных по уровням выраженности шкал ВРР (таблицы 7, 8) и в процентном соотношении (на рисунках 2–11 в приложении Б). Статистически достоверные различия были получены с помощью t-критерия Стьюдента (таблица 9).

Рассмотрим характер со-бытия с ребенком матерей в неполных семьях. Показатели ВРР в группе одиноких матерей представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Распределение одиноких матерей по уровням выраженности показателей каждой шкалы ВРР (в процентах)

Уровни ВРР	Шкалы ВРР									
	Нетребовательность – требовательность	Мягкость – строгость	Автономия – контроль	Эмоциональная дистанция – близость	Отвержение – принятие	Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	Тревожность за ребенка	Непоследовательность – последовательность	Воспитательная конфронтация	Удовлетворенность отношениями с ребенком
Высокий	43	60	51	34	51	43	8	23	54	43
Средний	35	26	35	29	20	40	46	31	18	49
Низкий	22	14	14	37	29	17	46	46	28	3

Проанализируем распределение показателей каждой шкалы в группе одиноких матерей. По шкале «мягкость – строгость» выявлено, что больше половины (60%) женщин проявляют высокий уровень строгости. Данная шкала отражает строгость и жесткость мер, применяемых к ребенку в воспитании. Традиционно считается, что следить за дисциплиной детей, учить правилам и наказывать за проступки должен мужчина (отец) [36]. В ситуации неполной семьи также важно держать границы. Вероятно, мужскую роль в воспитании ребенка женщина вынуждена брать на себя.

По показателям шкалы «воспитательная конфронтация в семье» был выявлен высокий показатель у 54% одиноких матерей. Больше половины матерей имеют разногласия в вопросах воспитания ребенка (вероятно, с бывшим мужем). Половина матерей проявляют высокий контроль в со-бытии с ребенком («автономность – контроль» – 51%). Выстраивая отношения с ребенком в одиночку, женщина вынуждена опираться на свои силы, и высокий контроль может быть обусловлен ее обеспокоенностью за ребенка. Большинство женщин (51%) данной группы имеют высокие показатели по шкале «отвержение – принятие», т. е. они принимают своего ребенка. Высокие требования к ребенку также предъявляет почти половина одиноких матерей (43%). Показатели шкалы «эмоциональная дистанция – близость» не имеют выраженной полярности, все показатели находятся примерно на одном уровне: высокий уровень – 34%, средний – 29, низкий – 37%. У большинства матерей близкие и теплые отношения с ребенком. Но значительная часть женщин, вероятно, ввиду большой нагрузки, эмоционально дистанцируется от ребенка. По данным шкалы «отсутствие сотрудничества – сотрудничество» выявлен преимущественно высокий (у 43%) и средний уровень (у 40%) выраженности. Можно сказать, что одинокие матери принимают в ребенке партнера, ведут совместные дела и могут быть с ним на равных. Возможно, за этим стоит необходимость в помощи одинокой матери. По данным шкалы «тревожность за ребенка» женщины в неполных семьях преимущественно имеют средний и низкий уровень тревожности за ребенка. Можно сказать, что тревожность матери за ребенка в неполной семье достаточно адекватна, а показатели повышенной тревожности выявлен всего у всего 8% женщин.

Для группы одиноких матерей характерна низкая последовательность в воспитании (46% женщин). Тенденция к непоследовательности одиноких матерей может быть обусловлена большой занятостью, в силу обстоятельств ее бытия.

Обобщая результаты анализа, можно сказать, что со-бытие с ребенком одиноких матерей характеризуется элементами деструктивности. Половина из

одиноких матерей оказались чрезмерно контролирующими, требовательными и строгими в отношении ребенка. Полученные данные отражают разногласия по вопросам воспитания ребенка, очевидно, с бывшим мужем. Конструктивность со-бытия с ребенком проявляется в сотрудничестве с ребенком, невысокой тревожности и удовлетворенности отношениями с ним.

Рассмотрим со-бытие с ребенком матерей в полных семьях. В таблице 8 представлены данные о распределении респондентов по уровням выраженности показателей по каждой шкале ВРР.

Таблица 8 – Распределение матерей в полных семьях по уровням выраженности показателей по каждой шкале ВРР (в процентах)

Уровни ВРР	Шкалы ВРР									
	Нетребовательность – требовательность	Мягкость – строгость	Автономность – контроль	Эмоциональная дистанция – близость	Отвержение – принятие	Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	Тревожность за ребенка	Непоследовательность – последовательность	Воспитательная конфронтация	Удовлетворенность отношениями с ребенком
Высокий	22	36	39	53	89	39	3	55	19	47
Средний	28	39	33	25	8	47	36	31	36	39
Низкий	50	25	28	22	3	14	61	14	45	14

Самый большой процент женщин по всем шкалам (89%) выявлен по шкале «отвержение – принятие». Средний и низкий уровни показателей принятия всего у 8 и 3 % женщин, т. е. практически все женщины данной группы имеют высокий уровень принятия своего ребенка, его личности, поступков и проявлений. Из таблицы 8 видно, что матери в полных семьях проявляют низкую требовательность (50%). Такую тенденцию к заниженным требованиям можно объяснить тем, что, как правило, роль «воспитателя», ответственного за дисциплину, исполнительность и предъявление требований в полной семье берет на себя отец. По шкале «мягкость – строгость» самый большой процент

женщин имеет средний уровень строгости – 39%. Замужние матери проявляют высокий (39%) и средний уровни выраженности контроля (33%).

По данным шкалы «эмоциональная дистанция – близость» чуть больше половины женщин имеют высокие показатели – 53%. Можно сказать, что женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, имеют близкие отношения с ребенком. По данным шкалы «отсутствие сотрудничества – сотрудничество», большинство женщин сотрудничают с ребенком: высокий показатель – у 39%, средний – у 47%, лишь 14% матерей имеют низкие показатели. Уровень тревожности за ребенка у матерей, воспитывающих ребенка в полной семье низкий (61%). Завышенная тревожность выявлена всего у 3% женщин, средняя – у 36%. Низкие и средние показатели по данной шкале могут говорить об адекватном волнении со стороны матери, большой процент родителей с низкими показателями тревожности свидетельствует о том, что большинство женщин не испытывают тревоги за ребенка. Результаты шкалы «непоследовательность – последовательность» говорят о том, что женщины данной группы проявляют высокую последовательность в воспитании (55%). Последовательность в воспитании может быть проявлена в выполнении обещаний или исполнении наказаний, соблюдении определенного ритма в отношениях. У 45% женщин, воспитывающих ребенка в полной семье, низкий показатель шкалы «воспитательная конфронтация», у 36% – средний уровень и у 19% – высокий. То есть большинство женщин, воспитывающих ребенка в полной семье, не испытывают сложностей в вопросах воспитания, взаимодействуя с членами своей семьи. Женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, оценили свою удовлетворенность отношениями с ребенком как высокую – 47%, средний уровень удовлетворенности у 39% женщин и 14% не удовлетворены отношениями с ребенком. Таким образом, в целом по группе степень удовлетворенности отношениями с ребенком высокая.

Обобщая, можно охарактеризовать следующие тенденции взаимодействия матери с ребенком в полных семьях. Женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, чаще принимают своего ребенка, выстраивают эмоционально

близкие отношения с ним, последовательны в воспитании ребенка. Женщины данной группы проявляют низкую требовательность в отношениях с ребенком и в целом удовлетворены отношениями с ним.

Сравнивая особенности взаимодействия матери с ребенком в полной и неполной семье по шкалам ВРР, можно сделать следующие выводы. Женщины, воспитывающие ребенка в одиночку, более требовательные, строгие, контролирующие, не всегда последовательные, у них чаще возникают конфликты по поводу воспитания ребенка (очевидно, с бывшим супругом). Матери из полных семей отличаются от женщин из неполных семей большим принятием ребенка, эмоциональным контактом с ним, последовательностью. По уровню сотрудничества, тревожности и удовлетворенности отношениями с ребенком тенденции в обеих группах мало отличаются. Женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, не проявляют повышенной тревожности и удовлетворены отношениями с ним.

На статистически достоверном уровне с помощью *t*-критерия Стьюдента были подтверждены различия во взаимодействии матери с ребенком в полных и неполных семьях. В таблице 7 приведены показатели достоверно значимых различий ВРР в двух группах женщин.

На статистически достоверном уровне были подтверждены различия во взаимодействии матери с ребенком в полных и неполных семьях по 6 шкалам из 10. То есть со-бытие матери с ребенком в полной и неполной семье организуется по-разному. Достоверные различия выявлены по следующим шкалам: «нетребовательность – требовательность», «мягкость – строгость», «отвержение – принятие», «тревожность за ребенка», «непоследовательность – последовательность» и по шкале «воспитательная конфронтация в семье». Женщины из неполных семей более требовательны, строги и тревожны, в отличие от матерей в полных семьях. Различия состоят и в том, что матери из полных семей больше принимают своего ребенка и более последовательны в воспитании, в применении наказаний и поощрений. Важным отличием также можно считать разницу в показателях по шкале «воспитательная

конфронтация». Так, в полных семьях реже проявляются разногласия по вопросам воспитания в семье, тогда как одинокие женщины конфликтуют по вопросам воспитания, скорее всего с отцом ребенка.

Таблица 9 – эмпирические значения t-критерия Стьюдента при сравнении показателей ВРР матерей в полных и неполных семьях

Шкалы ВРР	Замужние женщины		Незамужние женщины		Т	р
	Средние значения	Дисперсия	Средние значения	Дисперсия		
Нетребовательность – требовательность	14,1	8,4	15,5	6,4	2,10	<0,05
Мягкость – строгость	12,4	8,0	13,7	10,9	1,75	<0,1
Автономность – контроль	15,0	5,9	16,0	5,2	1,61	–
Эмоциональная дистанция – близость	20,5	5,5	19,9	6,6	1,04	–
Отвержение – принятие	19,5	2,8	17,7	8,9	3,15	<0,01
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	19,7	6,2	20,0	8,4	0,54	–
Тревожность за ребенка	15,0	6,0	16,1	6,5	1,76	<0,1
Непоследовательность – последовательность	19,6	12,2	16,5	19,6	3,23	<0,01
Воспитательная конфронтация в семье	9,5	10,0	12,4	21,8	3,05	<0,01
Удовлетворенность отношениями с ребенком	19,8	6,5	19,5	5,9	0,58	–

Ситуация большей строгости мер и высокого уровня контроля по отношению к ребенку со стороны матерей из неполных семей может проявляться в мелочной опеке, навязчивости и ограничительности, что, возможно, обусловлено большим вниманием матери или чувством вины и тревоги за ребенка ввиду отсутствия мужа. Женщина вынуждена опекать ребенка в одиночку, старается взять на себя вопрос воспитания за двоих, тем самым проявляя большую активность в вопросах границ и контроля.

Таким образом, в характере со-бытия матерей с ребенком в неполных семьях наблюдается больше элементов деструктивности. Матери из неполных семей, в отличие от матерей в полных семьях, более требовательные, строгие, непоследовательные, тревожные, у них меньше уровень принятия ребенка и часто отмечается воспитательная конфронтация.

С целью доказательства второй гипотезы об обусловленности со-бытия личности матери с ребенком в неполной семье особенностями личности были проанализированы взаимосвязи показателей личностных особенностей матерей (их ценностей, представлений о распределении семейных ролей, гендерных характеристик, направленности локуса контроля) с показателями отношения к ребенку.

2.3.2 Связь семейных ценностей матери с особенностями ее со-бытия с ребенком в неполной семье

В неполной семье, когда женщина выполняет все семейные функции сама, чаще без помощи бывшего мужа, особенности её семейных ценностей будут зависеть не только от тенденций изменения в современной семье, но и от условий её жизни. Изменение семейных ценностей, её представления о распределении ролей в семье, не только характеризует её личность, но и обуславливает её отношения с ребёнком.

Для выявления связей семейных ценностей женщин и их представлений о распределении ролей в семье с характером их со-бытия с ребенком был проведен корреляционный анализ между результатами методик ВРР и РОП в двух группах матерей.

Рассмотрим связи показателей семейных ценностей одиноких матерей и их со-бытия с ребенком. В таблице 10 представлены достоверные корреляционные связи показателей методик ВРР и РОП в группе одиноких матерей.

Всего было выявлено достаточно много достоверных корреляционных связей между семейными ценностями и показателями взаимодействия с ребенком в группе одиноких матерей (21 связь). Больше всего связей было выявлено по шкале «нетребовательность – требовательность» методики ВРР (почти со всеми показателями РОП – всего 6 связей). Со шкалой «нетребовательность –

требовательность» связаны все семейные ценности, кроме «интимно-сексуальной» и «личностная идентификация с супругом». Также значительное количество связей в данной группе респондентов выявлено по шкале «тревожность за ребенка» (всего 5 связей). Уровень тревожности за ребенка связан с такими ценностями матери, как бытовая сфера, социальная активность, эмоциональная сфера и ценность внешней привлекательности. По остальным шкалам ВРР было получено по 1–3 связи с показателями РОП, которые также связаны с элементами деструктивности в событии матери с ребенком. Показательной является связь взаимодействия с ребенком с родительско-воспитательской функцией. Эта важная функция материнства у одинокой матери связана только с требовательностью к ребенку.

Таблица 10 – Достоверные корреляционные связи между показателями ВРР и семейными ценностями в группе одиноких матерей

Шкалы ВРР	Шкалы семейных ценностей (РОП)						
	Личностная идентификация с супругом	Хозяйственно-бытовая	Родительско-воспитательная	Социальная активность	Эмоционально-терапевтическая	Внешняя привлекательность	Общий показатель РОП
ВРР 1		0,408	0,473	0,398	0,514	0,446	0,434
ВРР 2							
ВРР 3		0,330			0,324		0,355
ВРР 4					0,303		
ВРР 5		-0,432					
ВРР 6							
ВРР 7		0,435		0,370	0,286	0,503	0,378
ВРР 8		-0,336					
ВРР 9		0,435				0,306	
ВРР 10	0,313				0,317		

Примечание. Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность – требовательность; 2. Мягкость – строгость; 3. Автономность – контроль; 4. Эмоциональная дистанция – близость; 5. Отвержение – принятие; 6. Отсутствие сотрудничества – сотрудничество; 7. Тревожность за ребенка; 8. Непоследовательность – последовательность; 9. Воспитательная конфронтация в семье; 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

Среди показателей РОП наибольшее количество связей с характером события с ребенком одиноких матерей было выявлено с такими семейными ценностями, как хозяйственно-бытовая сфера (всего 6 связей) и эмоционально-психотерапевтическая (5 связей). Повышение значимости хозяйственно-бытовой функции, которую женщина чаще выполняет одна, повышает ее требовательность, контроль и тревожность по отношению к ребенку, при этом снижается принятие и последовательность во взаимоотношениях с ребенком. Повышение значимости хозяйственно-бытовой сферы приводит также к воспитательной конфронтации, скорее всего с бывшим супругом. Сопоставляя эти связи, следует отметить некоторую противоречивость во взаимодействии матери с ребенком: цели перед ребенком ставятся и контролируются, но при этом нет последовательности в этих требованиях и контроле. В эмоциональной сфере при повышении значимости хозяйственно-бытовой сферы для женщины принятие заменяется тревожностью. Характер такого события с ребенком можно назвать противоречивым [52].

С эмоционально-терапевтической функцией связаны несколько иные шкалы ВРР: требовательность и контроль по отношению к ребенку, тревожность за него при эмоциональной близости и удовлетворенности отношениями с ребенком. С повышением значимости эмоционально-терапевтической функции в семейных отношениях матери становятся более требовательными, контролирующими, повышается тревожность, эмоциональная близость с ребенком и удовлетворенность отношениями с ним, что характеризует гиперопекающий стиль родительского отношения [80]. Вместе с тем сочетание тревожности за ребенка с повышенной требовательностью привносит в гиперопекающий стиль противоречивость.

Обобщая, можно сказать, что у матерей из неполных семей повышается тревожность и появляется повышенная требовательность по отношению к ребенку за счет значимости большинства семейных ценностей. То есть характерная для них излишняя концентрация на семейных ценностях, снижая их

возможности реализации в других сферах, может сказаться деструктивно на со-бытии с ребенком.

В ситуации воспитания ребенка без супруга наибольшее влияние на характер взаимодействия с ребенком оказывают такие семейные ценности матери, как хозяйственно-бытовая сфера и эмоционально-терапевтические отношения. Если женщина придает большое значение семейному быту, то очевидно, ситуация занятости и выполнение двойной ролевой нагрузки снижает последовательность и принятие ребенка. При этом появляется противоречивость во взаимодействии с ребенком между предъявлением требований и их непоследовательностью. С повышением значимости эмоционально-терапевтической семейной функции женщины прибегают к гиперопекающему родительскому стилю в со-бытии с ребенком.

Таким образом, особенности семейных ценностей одиноких женщин обуславливают их со-бытие с ребенком и носят чаще деструктивный характер. Женщина, являясь субъектом, оформляющим пространство со-бытия в диаде с ребенком, сама конструирует эти отношения. Под влиянием повышения значимости бытовых проблем со-бытие с ребенком характеризуется противоречивостью. С повышением значимости эмоционально-терапевтической функции матери используют элементы гиперопеки в со-бытии с ребенком: повышается контроль, требовательность к ребенку, тревожность за ребенка, эмоциональная близость с ним, что также содержит элементы протеворечивости.

Рассмотрим корреляционные связи показателей семейных ценностей и со-бытия с ребенком матерей в полных семьях. В таблице 11 отражены достоверные корреляционные связи показателей ВРР и РОП матерей, воспитывающих ребенка в полной семье.

В группе замужних женщин было выявлено почти в 2 раза меньше связей между показателями РОП и ВРР, чем в группе одиноких матерей (соответственно 12 и 21 связь). Наибольшее количество связей показателей семейных ценностей было выявлено с требовательностью матерей (всего 3 связи). Положительная связь выявлена со шкалой «внешняя привлекательность», а отрицательные связи

со шкалами «личностная идентификация с супругом» и «родительско – воспитательская». С повышением значимости личностной идентификации с супругом и родительско – воспитательской функции матерей снижается их требовательность по отношению к ребенку, что возможно, связано с выполнением этих функций отцом ребенка. Повышается требовательность матери с увеличением значимости для нее внешней привлекательности.

Таблица 11 – Достоверные корреляционные связи между показателями ВРР и семейными ценностями в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной семье

Шкалы ВРР	Шкалы семейных ценностей (РОП)						
	Личностная идентификация с супругом	Хозяйственно-бытовая	Родительско-воспитательская	Социальная активность	Эмоционально-терапевтическая	Внешняя привлекательность	Общий показатель РОП
ВРР 1	-0,442		-0,420			0,281	
ВРР 2							
ВРР 3							
ВРР 4		0,371	0,399				
ВРР 5							
ВРР 6							
ВРР 7			-0,342			0,346	
ВРР 8			0,305			-0,282	
ВРР 9						0,332	
ВРР 10			0,279				

Примечание. Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность – требовательность; 2. Мягкость – строгость; 3. Автономность – контроль; 4. Эмоциональная дистанция – близость; 5. Отвержение – принятие; 6. Отсутствие сотрудничества – сотрудничество; 7. Тревожность за ребенка; 8. Непоследовательность – последовательность; 9. Воспитательная конфронтация в семье; 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

Среди всех семейных ценностей матерей из полных семей больше всего связей с показателями ВРР было получено с «родительско–воспитательской» шкалой (всего 5 связей). Из них положительные связи выявлены со шкалами «эмоциональная дистанция – близость», «последовательность –

непоследовательность» и «удовлетворенность отношениями с ребенком». Отрицательные связи выявлены по шкалам «нетребовательность – требовательность» и «тревожность за ребенка». То есть значимость родительско – воспитательской функции для женщины повышает эмоциональную близость с ребенком, удовлетворенность их отношениями и она становится более последовательной в воспитании, при этом снижается тревожность за ребенка и требовательность к нему, что характеризует конструктивность со-бытия матери с ребенком. То есть именно ценность родительства обуславливает конструктивность со-бытия матери с ребенком.

На тревожность за ребенка в группе матерей из полных семей разнонаправлено влияют две семейные ценности: значимость внешней привлекательности повышает тревожность за ребенка (а также и воспитательную конфронтацию в семье), а ценность личностной идентификации с супругом понижает тревожность матери за ребенка.

Обобщая, можно сказать, что в группе женщин из полных семей их отношения со-бытия с ребенком зависят от ценности родительско – воспитательской функции, при этом в большинстве случаев это влияние носит конструктивный характер. В условиях полной семьи ценность родительства для женщины увеличивает ее удовлетворенность отношениями с ребенком, у них складываются эмоционально-близкие отношения, женщина более последовательна в воспитании. Возможность разделить обязанности по воспитанию ребенка с супругом, видимо, позволяет ей взять на себя меньше функций дисциплины, отдавая их мужу, что способствует снижению ее требовательности к ребенку, а уверенность в поддержке со стороны мужа снижает тревожность за ребенка. Эту тревогу уменьшает еще и ценность личной идентификации с супругом, важность для нее общих интересов и разделенных взглядов помогает снизить тревогу благодаря поддержке супруга. Негативная по содержанию связь ВРР выявлена со шкалой РОП «внешняя привлекательность», повышение её значимости связана с тревожностью за ребенка и воспитательной конфронтацией.

Сравнивая обе группы респондентов, можно выделить наиболее показательные различия в обусловленности со-бытия матери с ребенком в полной и неполной семье особенностями их семейных ценностей. В неполной семье с повышением значимости для матери бытовой функции, выполнение которой ложится на нее, со-бытие с ребенком характеризуется элементами деструктивности, проявляющейся в противоречивости ее взаимодействия с ребенком. С повышением значимости для матери эмоционально-терапевтических отношений в семье, в со-бытие с ребенком появляется гиперопека, включающая элементы противоречивости. Родительско – воспитательская функция связана с тревожностью за ребенка.

В группе замужних матерей характер со-бытия матери с ребенком больше обусловлен ее семейными ценностями, чем в группе одиноких матерей. В основном это связано с родительско – воспитательской функцией, которые носят позитивный характер. В условиях полной семьи ценность родительства связана с увеличением удовлетворенности матери отношениями с ребенком, у них складываются эмоционально-близкие отношения, она более последовательна в воспитании. Женщина в полной семье находится под влиянием других условий, в отличие от одиноких женщин, она строит отношения в триаде. Со-бытие с ребенком замужней женщины является результатом сопряженных отношений с супругом (отцом ребенка), в связи с этим ее со-бытие с ребенком не обнаруживает такой выраженной связи с ценностями самой женщины. Участие отца в воспитании ребенка меняет со-бытие с ребенком замужней женщины. Под влиянием родительско – воспитательской функции мать, фокусируясь на воспитании ребенка, организует конструктивное со-бытие с ребенком. При эмоциональной близости с ребенком, она последовательна, не проявляет тревожности и высокой требовательности, удовлетворена отношениями с ребенком. Но отмечается и деструктивность в отношениях со-бытия с ребенком, которая проявляется при повышении значимости для женщины внешней привлекательности. У нее повышается требовательность, тревожность, она становится непоследовательной, и повышается конфронтация в семье, что также

можно отнести к неустойчивому, противоречивому типу взаимодействия с ребенком.

Таким образом, под влиянием семейных ценностей матери в полных и неполных семьях по-разному организуют со-бытие с ребенком. В группе одиноких матерей количество связей намного больше, чем в группе замужних, так как со-бытие с ребенком организуется самой матерью в диаде «мать-ребенок», а у замужних женщин отношения с ребенком сопряжены с отцом ребенка, то есть организуются в триаде «мать-отец-ребенок». При этом одинокие матери демонстрируют противоречивость со-бытия с ребенком под влиянием большинства семейных ценностей и в первую очередь бытовых проблем. У матерей в полной семье под влиянием родительско – воспитательной функции со-бытие с ребенком строится конструктивно, а значимость для женщины внешней привлекательности обуславливает противоречивость со-бытия с ребенком.

2.3.3 Связь представлений о распределении семейных ролей с особенностями со-бытия матери с ребенком в неполной семье

Далее рассмотрим, как связаны представления женщин о распределении ролей в семье и их со-бытие с ребенком. В таблице 12 представлены достоверные корреляционные связи показателей взаимодействия с ребенком по методике ВРР одиноких матерей с показателями ожиданий и притязаний в браке по методике РОП.

Всего было выявлено 25 достоверных корреляционных связей между семейными ценностями и показателями взаимодействия с ребенком в группе одиноких матерей, которые распределились поровну между ожиданиями и притязаниями. Больше всего достоверных связей шкал ВРР с семейными ценностями было выявлено с притязаниями в хозяйственно-бытовой сфере и с ожиданиями по шкале внешней привлекательности. А среди шкал ВРР под

влиянием и ожиданий и притязаний во всех сферах чаще всего изменяется тревожность за ребенка и требовательность к нему. При этом требовательность больше зависит от притязаний женщин, а тревожность – от ожиданий выполнения семейных функций от возможного партнера. Это можно связать с тем, что одинокая мать выполняет все функции сама, заменяя мужа, и ее ожидания не реализуются.

Таблица 12 – Достоверные корреляционные связи показателей ВРР с ожиданиями и притязаниями по методике РОП в группе одиноких матерей

Шкалы ВРР	Показатели ожиданий и притязаний в браке по методике РОП									
	Хозяйственно-бытовая сфера		Родительско-воспитательская сфера		Социальная активность		Эмоционально-терапевтическая сфера		Внешняя привлекательность	
	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания
ВРР 1	0,4	0,3		0,5		0,3	0,3	0,4	0,5	
ВРР 2										
ВРР 3		0,3							0,4	
ВРР 4								0,4		
ВРР 5		-0,5								
ВРР 6								0,3		0,3
ВРР 7	0,4	0,4	0,3		0,4		0,4		0,5	
ВРР 8	-0,36									
ВРР 9		0,3	0,3						0,3	
ВРР 10				0,4			0,3			

Примечание. Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность – требовательность; 2. Мягкость – строгость; 3. Автономность – контроль; 4. Эмоциональная дистанция – близость; 5. Отвержение – принятие; 6. Отсутствие сотрудничества – сотрудничество; 7. Тревожность за ребенка; 8. Непоследовательность – последовательность; 9. Воспитательная конфронтация в семье; 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

Повышение притязаний в выполнении хозяйственно-бытовых обязанностей обуславливает со-бытие с ребенком одинокой женщины следующим образом. Она становится требовательной, контролирующей, отвергающей своего ребенка, вступает в воспитательную конфронтацию, что характеризует ее авторитарность во взаимодействии с ребенком. При этом повышается ее тревожность за ребенка, т. е. появляется противоречивость во взаимодействии с ребенком (авторитарность, но при этом повышенная тревожность за ребенка). Вместе с тем притязания одинокой матери на роль психотерапевта в семье положительно влияют на отношение к ребенку – повышение требовательности сопровождается сотрудничеством и эмоциональной близостью с ребенком, что можно отнести к конструктивному типу взаимодействия.

Много связей выявлено с представлениями о роли мужчины в семье (с показателями ожиданий). То есть не только реальные выполнения обязанностей обуславливают со-бытие одинокой матери с ребенком, но и ее ожидания, представления о тех обязанностях, которые выполняет мужчина в семье. И эти ожидания во всех семейных сферах повышают требовательность к ребенку, при этом повышается непоследовательность в требованиях, тревожность за ребенка и воспитательная конфронтация, т. е. наблюдается противоречивость во взаимодействии с ребенком. Очевидно, это связано с тем, что ее ожидания не реализуются, и негативные переживания распространяются на отношение к ребенку.

Незначительное количество связей было получено по шкале «удовлетворенность отношениями с ребенком» (2 связи) с притязаниями матери в родительско–воспитательской сфере и ожиданиями в эмоционально-психотерапевтической сфере. Полученные связи также можно охарактеризовать как конструктивные. Но большинство связей ожиданий и притязаний одиноких матерей с характером со-бытия с ребенком носит негативный характер: элементы деструктивности проявляются в противоречивости взаимодействия с ребенком (повышается требовательность, контроль, при этом снижается

последовательность и принятие ребенка, повышается тревожность за ребенка, чаще возникают ситуации воспитательной конфронтации).

Таким образом, представления одиноких матерей о распределении ролей в семье обуславливают их со-бытие с ребенком. Притязания матери в бытовой сфере связаны с деструктивной направленностью во взаимодействии с ребенком, проявляющейся в противоречивости со-бытия с ребенком (повышается авторитарность и одновременно усиливается тревожности за ребенка). Ожидания матерей, т.е. представления о тех обязанностях, которые выполняет мужчина в семье, очевидно, в силу отсутствия возможности их реализации также включают элементы деструктивности. Ожидания одиноких матерей во всех семейных сферах повышают требовательность к ребенку, при этом усиливается непоследовательность в воспитании, тревожность за ребенка и воспитательная конфронтация, т. е. также наблюдается противоречивость во взаимодействии с ребенком. Конструктивное со-бытие с ребенком одинокая мать организует при повышении притязаний на роль психотерапевта в семье: повышение требовательности сопровождается сотрудничеством и эмоциональной близостью с ребенком.

Далее рассмотрим достоверные корреляционные связи ожиданий и притязаний в браке замужних женщин с характером их со-бытия с ребенком в полной семье (таблица 13).

Из таблицы 13 видно, что связи не многочисленны, в отличие от группы одиноких матерей, где связей выявлено значительно больше (11 связей в полной семье и 25 в неполной). Это небольшое количество связей в группе матерей в полных семьях также можно объяснить тем, что мать в неполной семье является субъектом со-бытия в диаде «мать–ребенок», а у матери в полной семье отношения строятся в триаде «мать–отец–ребенок» и ее отношения со-бытия с ребенком сопряжены с мужем (отцом ребенка). Мать в полной семье советуется с мужем, учитывает его воспитательную позицию; действия в реализации семейных ценностей координируются, принимаемые решения обсуждаются,

поэтому ее ценности, ожидания и притязания меньше обуславливают ее со-бытие с ребенком.

Таблица 13 – Достоверные корреляционные связи показателей ВРР с ожиданиями и притязаниями по методике РОП в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной семье

Шкалы ВРР	Показатели ожиданий и притязаний в браке по методике РОП									
	Хозяйственно-бытовая сфера		Родительско – воспитательская сфера		Социальная активность		Эмоционально-терапевтическая сфера		Внешняя привлекательность	
	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания	Ожидания	Притязания
ВРР 1							0,3			0,3
ВРР 2										
ВРР 3										
ВРР 4		0,36		0,35						
ВРР 5										
ВРР 6										
ВРР 7		-0,33								0,35
ВРР 8		0,29		0,3						
ВРР 9										0,29
ВРР 10				0,33			0,36			

П р и м е ч а н и е. Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность – требовательность; 2. Мягкость – строгость; 3. Автономность – контроль; 4. Эмоциональная дистанция – близость; 5. Отвержение – принятие; 6. Отсутствие сотрудничества – сотрудничество; 7. Тревожность за ребенка; 8. Непоследовательность – последовательность; 9. Воспитательная конфронтация в семье; 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

Показатели ВРР матерей в полной семье связаны в основном с ее притязаниями, т. е. с готовностью выполнять семейные обязанности (9 связей), а с ожиданиями выполнения этих функций от супруга – 2 связи. С повышением ожиданий от мужа в эмоционально-терапевтической сфере повышается требовательность матери и удовлетворенность отношениями с ребенком. Ожидания матерей в полной семье действительно могут реализоваться, очевидно,

поэтому не оказывают значительного влияния на со-бытие с ребенком. Обуславливают чаще со-бытие с ребенком притязания матери. Интерпретация связей показателей ВРР с притязаниями в хозяйственно-бытовой сфере и родительско-воспитательской свидетельствует об их конструктивности: повышенная требовательность сочетается с последовательностью, повышением эмоциональной близости с ребенком, снижением тревожности за него и удовлетворенностью отношениями. Однако при повышении значимости привлекательности своей внешности, женщина становится более требовательной, тревожной по отношению к ребенку, в итоге возрастает воспитательная конфронтация в семье.

Таким образом, обусловленность со-бытия матери в полной семье ее ожиданиями и притязаниями в распределении семейных ролей выражено в меньшей степени, чем в неполной семье, так как ее отношения с ребенком организуются в триаде «мать-ребенок-отец» и сопряжены с мужем (отцом ребенка). Реализуемые в реальности ожидания выполнения семейного функционала от мужа не оказывают значительного влияния на взаимодействие матери с ребенком. Чаще обуславливают со-бытие с ребенком ее притязания. Притязания в родительстве и в хозяйственно-бытовой сфере свидетельствуют об их конструктивности: повышение требовательности сочетается с последовательностью, повышением эмоциональной близости с ребенком, снижением тревожности за него и удовлетворенностью отношениями. Однако, при повышении значимости привлекательности своей внешности, женщина становится более требовательной, тревожной по отношению к ребенку и возрастает воспитательная конфронтация в семье.

2.3.4 Связь гендерных характеристик матери с особенностями ее со-бытия с ребенком в неполной семье

Для обоснования обусловленности со-бытия матери с ребенком в неполной семье особенностями ее гендерных характеристик (феминности/маскулинности) был проведен корреляционный анализ между показателями методики ВРР и показателями методики С. Бэм в группах матерей, воспитывающих детей в полных и неполных семьях.

В таблице 14 представлены значения достоверных корреляционных связей показателей гендерных характеристик одиноких матерей с показателями ВРР.

Таблица 14 – Значения достоверных корреляционных связей показателей ВРР и гендерных характеристик одиноких матерей

Шкалы ВРР	Гендерные характеристики	
	Феминность	Маскулинность
Нетребовательность — требовательность		
Мягкость — строгость		
Автономность — контроль		0,458
Эмоциональная дистанция — близость	0,372	
Отвержение — принятие	0,334	-0,431
Отсутствие сотрудничества — сотрудничество	0,473	
Тревожность за ребенка		
Непоследовательность — последовательность	0,408	-0,302
Воспитательная конфронтация в семье		
Удовлетворенность отношениями с ребенком		

Из таблицы 14 видно, что больше связей выявлено по шкале «феминность». Чем выше у женщин выражена феминность, тем они более эмоционально близки с детьми, они более принимающие, сотрудничающие и последовательные в воспитании. Особенности феминного поведения матери способствуют установлению таких базовых эмоциональных связей с ребенком, как эмоционально близкие отношения, принятие ребенка, повышение показателей

сотрудничества и последовательности в воспитании. Это важное условие становления личности ребенка [75], поэтому обусловленность со-бытия матери в неполной семье ее феминными качествами носит конструктивный характер и содействует становлению личности ребенка.

С повышением маскулинности одинокие женщины становятся более контролирующими, снижается принятие ребенка и последовательность в воспитании. То есть «маскулинная» мать часто отвергает своего ребенка, контролирует, становится менее последовательной в воспитании. Проявляя вынужденную маскулинность в со-бытии с ребенком, (очевидно, заменяя отца) и справляясь с семейной нагрузкой, мать прибегает к деструктивным способам взаимодействия с ребенком. Вынужденная маскулинность одиноких женщин, возможно, помогает им справиться с семейной нагрузкой, но препятствует установлению контакта с ребенком. Мягкость, теплые отношения с ребенком, наоборот, помогают ей конструктивно организовать со-бытие с ребенком.

Далее рассмотрим специфику корреляционных связей гендерных характеристик замужних женщин и их со-бытия с ребенком (таблица 15).

Таблица 15 – Значения достоверных корреляционных связей показателей ВРР и гендерных характеристик матерей в полных семьях

Шкалы ВРР	Гендерные характеристики	
	Феминность	Маскулинность
Нетребовательность – требовательность	-0,399	
Мягкость – строгость		
Автономность – контроль		
Эмоциональная дистанция – близость	0,299	
Отвержение – принятие		
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество		
Тревожность за ребенка		
Непоследовательность – оследовательность		
Воспитательная конфронтация в семье		
Удовлетворенность отношениями с ребенком		0,484

По результатам корреляционного анализа выявлены статистически достоверные связи показателей методик ВРР и «маскулинность – феминность» С. Бэм. К ним относится отрицательная связь родительской требовательности и феминности женщин в полных семьях. То есть чем более феминна, женственна женщина, тем она менее требовательна по отношению к ребенку. Положительная связь феминности женщин в полных семьях и эмоциональной близости с ребенком свидетельствует о том, что чем ярче выражена феминность женщины, тем более близкие эмоциональные отношения складываются у нее с ребенком. То есть феминность матерей и в полной и в неполной семье способствует установлению эмоционально близких отношений с ребенком. Снижение требовательности «феминной» матери в полной семье объясняется, очевидно, тем, что требовательность предъявляется отцом [97]. С «маскулинностью» выявлена 1 связь – со шкалой «удовлетворенность отношениями с ребенком»: с повышением маскулинности повышается удовлетворенность матери отношениями с ребенком.

Особенностью, отличающей роль гендерных характеристик матерей в со-бытии с ребенком в полных и неполных семьях, является количество связей, которых гораздо больше в группе женщин в неполных семьях. То есть гендерные характеристики в большей степени обуславливают со-бытие матери в неполной семье.

Таким образом, в неполной семье обусловленность со-бытия матери с ребенком в большей степени зависит от ее гендерных характеристик, чем у матерей в полных семьях. При этом феминность матерей в обеих группах респондентов связана с конструктивностью со-бытия с ребенком: женщины становятся более принимающими, повышается их эмоциональная близость с ребенком, одинокие матери сотрудничают с ребенком, последовательны в своих требованиях к ребенку. Проявление вынужденной маскулинности у одиноких матерей приносит деструктивность в со-бытие с ребенком: матери становятся

контролирующими, повышается их отвержение ребенка и непоследовательность в воспитании.

2.3.5 Связь уровня субъективного контроля матери с особенностями ее со-бытия с ребенком в неполной семье

С целью изучения обусловленности со-бытия матери в неполной семье ее особенностями локуса контроля были рассмотрены особенности корреляционных связей показателей уровня субъективного контроля матерей (по методике УСК) и показателей взаимодействия матери с ребенком (по методике ВРР). В таблице 16 представлены достоверные значения связей показателей УСК и показателей ВРР в группе одиноких матерей.

Количество связей, представленных в таблице 16, незначительное, т. е. экстернальные качества, которые преобладают у одиноких матерей, в незначительной степени обуславливают их со-бытие с ребенком. Рассмотрим эти связи.

По шкале ВРР «нетребовательность – требовательность» выявлены отрицательные связи с показателями шкал локуса контроля в области межличностных отношений и в области неудач, т. е. чем чаще матери будут проявлять экстернальность в области межличностных отношений и в области неудач, тем требовательней они становятся. По шкале ВРР «мягкость – строгость» выявлена прямая связь с показателями шкалы локуса контроля в области достижений: чем чаще матери будут проявлять экстернальность в области достижений, тем менее строгими они становятся. По шкале ВРР «отвержение – принятие» выявлена связь с показателем «общей интернальности». Чем выраженнее у женщины будет экстернальная направленность, тем чаще она будет проявлять отвергающее поведение по отношению к ребенку. Еще одна обратная связь выявлена по шкале ВРР «воспитательная конфронтация в семье» с показателем локуса контроля по шкале

«интернальность в области здоровья». Чем ниже показатель уровня субъективного контроля в области здоровья, тем выше воспитательная конфронтация, то есть экстернальная направленность женщин в вопросах здоровья будет создавать дополнительные конфликты, скорее всего с бывшим супругом.

Таблица 16 – Значения достоверных корреляционных связей показателей ВРР с показателями УСК одиноких матерей

Шкалы ВРР	Показатели УСК						
	Общий показатель	Интернальность в области достижений	Интернальность в области неудач	Интернальность семейных отношений	Интернальность в производственных отношениях	Интернальность в межличностных отношениях	Интернальность в области здоровья
ВРР 1			-0,468			-0,328	
ВРР 2		0,348					
ВРР 3							
ВРР 4							
ВРР 5	0,308						
ВРР 6							
ВРР 7							
ВРР 8							
ВРР 9							-0,390
ВРР 10							

П р и м е ч а н и е. Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность – требовательность; 2. Мягкость – строгость; 3. Автономность – контроль; 4. Эмоциональная дистанция – близость; 5. Отвержение – принятие; 6. Отсутствие сотрудничества – сотрудничество; 7. Тревожность за ребенка; 8. Непоследовательность – последовательность; 9. Воспитательная конфронтация в семье; 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

Одинокие женщины имеют чаще экстернальную направленность локуса контроля в отличие от замужних матерей, однако полученные результаты корреляционных связей позволяют говорить о конструктивных особенностях со-бытия матери с ребенком в неполной семье. Так, при повышении интернальности в области достижений, неудач и межличностных отношений, при повышенной

строгости у них будет снижаться требовательность, конфронтация в семье и повышаться такая базовая характеристика отношения к ребенку, как «принятие».

Таким образом, деструктивность со-бытия матери с ребенком в неполной семье проявляется в следующем. Чем чаще одинокие матери проявляют экстернальность в области межличностных отношений, здоровья, жизненных неудач, тем более требовательными они становятся, в итоге повышается воспитательная конфронтация, снижается строгость и принятие ребенка. То есть выполнение или невыполнение ребенком завышенных требований не оцениваются матерью, но при этом снижается такая базовая характеристика в со-бытии с ребенком, как принятие, что также будет характеризовать противоречивость со-бытия матери в отношениях с ребенком. Конструктивность со-бытия одинокой матери с ребенком будет зависеть от ее интернальной направленности локуса контроля (матери становятся менее требовательными, более принимающими своего ребенка, в итоге, снижается конфронтация в семье).

Далее рассмотрим связь уровня субъективного контроля и со-бытия с ребенком замужних матерей (таблица 17).

Связей показателей УСК и ВРР в группе замужних женщин значительно больше, чем в группе одиноких матерей, то есть уровень субъективного контроля личности матерей этой группы имеет большее значение в их со-бытии с ребенком.

Показатели УСК коррелируют с тремя шкалами ВРР: «нетребовательность – требовательность», «мягкость – строгость» и «отсутствие сотрудничества – сотрудничество». Все связи прямые, это означает, что с увеличением показателей интернальности у матерей увеличивается требовательность, строгость и сотрудничество с ребенком.

С показателями требовательности связаны такие шкалы локуса контроля, как «общий показатель интернальности», «интернальность в области неудач», «интернальность в области семейных отношений», «интернальность в отношении здоровья и болезни». По шкале «отсутствие сотрудничества – сотрудничество» выявлены связи со следующими шкалами локуса контроля: «интернальность в

области неудач», «интернальность в области семейных отношений» и «интернальность в области межличностных отношений». То есть, занимая субъектную позицию в семье и в межличностных отношениях, замужняя женщина «сотрудничает» с ребенком, проводя с ним время и разделяя с ним домашние дела, обязанности и интересы.

Таблица 17 – значения корреляционных связей показателей ВРР с уровнем субъективного контроля замужних женщин

Шкалы ВРР	Показатели УСК						
	Общий показатель	Интернальность в области достижений	Интернальность в области неудач	Интернальность в семейных отношениях	Интернальность в производственных отношениях	Интернальность в межличностных отношениях	Интернальность в области здоровья
ВРР 1	0,309		0,398	0,362			0,367
ВРР 2	0,468	0,482	0,344	0,334	0,430	0,389	0,363
ВРР 3							
ВРР 4							
ВРР 5							
ВРР 6			0,334	0,279		0,297	
ВРР 7							
ВРР 8							
ВРР 9							
ВРР 10							

П р и м е ч а н и е. Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность – требовательность; 2. Мягкость – строгость; 3. Автономность – контроль; 4. Эмоциональная дистанция – близость; 5. Отвержение – принятие; 6. Отсутствие сотрудничества – сотрудничество; 7. Тревожность за ребенка; 8. Непоследовательность – последовательность; 9. Воспитательная конфронтация в семье; 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

С показателями строгости коррелируют все семь показателей УСК. То есть строгость замужних матерей больше всего обусловлена интернальной направленностью локуса контроля. Чем больше женщина опирается на себя, тем строже она становится по отношению к ребенку. Шкала «мягкость – строгость» отражает суровость мер, предпринимаемых матерью в отношении поведения ребенка. Когда замужняя женщина опирается на себя и берет ответственность за

все сферы жизни, ее строгость к ребенку повышается. Вместе с тем можно говорить о конструктивности выявленной тенденции, поскольку согласно результатам методики ВРР строгость замужних матерей не является завышенной.

Преобладающая у замужних женщин интернальность связана с повышением строгости, требовательности и сотрудничества с ребенком. Если женщина опирается на свои возможности, берет на себя ответственность, то она достаточно требовательная и строгая мать, но при этом проявляет активность, вовлекая ребенка в партнерские отношения, помогая ему. То есть, строгость, и требовательность матери проявляются в совместной деятельности с ребенком.

Сравнивая выявленные особенности обусловленности со-бытия матерей с ребенком их уровнем субъективного контроля в двух группах матерей, можно отметить следующее. Уровень субъективного контроля одиноких матерей в меньшей степени обуславливает их взаимодействие с ребенком, чем в группе матерей в полных семьях и чаще носит деструктивный характер. Одинокие женщины имеют характерную для них экстернальную направленность локуса контроля, в отличие от женщин, воспитывающих ребенка в полной семье, где преобладает интернальная направленность. В обоих случаях связи между УСК и ВРР показывают повышение требовательности в отношении к ребенку. Но в ситуации неполной семьи повышение требовательности сопровождается отвержением ребенка, а в полной семье – сотрудничеством с ребенком, то есть требовательность связана с их совместными делами и партнерскими отношениями. При интернальной направленности локуса контроля матерей в неполных семьях со-бытие матери с ребенком организуется более конструктивно: матери становятся менее требовательными, в итоге снижается конфронтация в семье и повышается базовая характеристика отношения к ребенку – принятие.

Таким образом, в группе одиноких матерей обусловленность со-бытия с ребенком уровнем субъективного контроля меньше, чем у замужних, и характер взаимосвязей с направленностью локуса контроля отличается. У одиноких матерей с повышением экстернальности, характерной для них, появляются элементы деструктивности ее со-бытия с ребенком, проявляющиеся в

противоречивости: выполнение или невыполнение ребенком предъявляемых матерью завышенных требований не оцениваются ею, при этом снижается такая базовая характеристика как принятие, и повышается воспитательная конфронтация. Конструктивность со-бытия одинокой матери с ребенком будет зависеть от ее интернальной направленности локуса контроля, при которой матери предъявляют разумные требования ребенку, принимают своего ребенка, в результате снижается конфронтация. Повышение интернальных качеств будет потенциалом ее личности и конструктивного со-бытия с ребенком.

В результате анализа эмпирических данных, изложенных в параграфе 2.3, была доказана вторая гипотеза нашего исследования. Были выявлены связи между личностными особенностями матерей в неполных семьях и особенностями их со-бытия с ребенком, которое включает элементы деструктивности.

Выводы эмпирической части

Таким образом, со-бытие матери с ребенком в полной и неполной семье отличается, что обусловлено ее бытием и личностными особенностями (семейными ценностями, представлениями о распределении семейных ролей, гендерными характеристиками, направленностью локуса контроля). С повышением значимости бытовых проблем, ценности внешней привлекательности, представлений о распределении ролей в семье, вынужденной маскулинности, экстернальной направленности локуса контроля одинокие матери организуют со-бытие с ребенком, включающее элементы деструктивности, проявляющейся в противоречивости взаимодействия с ребенком.

Конструктивные стратегии взаимодействия с ребенком одинокой матери связаны с такими качествами, как феминность, снижение излишней концентрированности женщины на хозяйственно-бытовой сфере и интернальный локус контроля. При проявлении этих особенностей матери предоставляют необходимую автономность ребенку, повышается принятие ребенка, последовательность в требованиях, снижается тревожность и воспитательная конфронтация.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были получены результаты, подтверждающие выдвинутые гипотезы.

Основные выводы исследования

1. Личностные особенности матери в неполной семье, обусловленные осложненными условиями ее бытия, отличаются от личностных особенностей матери в полной семье, находящейся в других условиях.

2. В зависимости от полноты семьи приоритеты семейных ценностей матерей в полных и неполных семьях различаются:

– матери в неполной семье сконцентрированы на семье, ее семейных ценностях в большей степени, чем матери в полной семье, что может ограничивать их возможности реализации в других жизненных сферах;

– одинокие матери больше, чем женщины в полной семье, сфокусированы на социальной активности и родительской функции, которые являются для них приоритетными.

3. Выявлены особенности представлений одинокой матери о распределении ролей в семье, свидетельствующие о неаутентичности ее бытия:

– у одиноких матерей ожидания от возможного партнера выполнения им семейных функций преобладают над притязаниями самой женщины в выполнении семейного функционала, что значительно расходится с реальностью, где одинокая мать является главой семьи;

– одинокие матери в своих ожиданиях от партнера в браке чаще, чем замужние, ориентируются на его социальную активность и внешнюю привлекательность, а в притязаниях демонстрируют большую готовность оказывать эмоциональную поддержку, что характеризует их ориентированность на традиционное распределение семейных ролей, где главой семьи является мужчина.

4. Маскулинность одиноких матерей выражена больше, а феминность меньше, чем у замужних матерей. Но вынужденные условия объективного бытия

одиноким матери и ее ориентация на традиционное распределение семейных ролей свидетельствуют о том, что ее маскулинность является вынужденной.

5. Для одиноких женщин характерна экстернальная направленность локуса контроля, в отличие от женщин, воспитывающих ребенка в полной семье, у которых преобладает интернальная направленность. Женщины в неполной семье в силу большой загруженности, ограничения во времени и материальных ресурсов не всегда справляясь с проблемами, объясняют их внешними причинами и ждут помощи от других.

6. Выявлены различия со-бытия с ребенком матерей в неполных и полных семьях. В характере со-бытия матерей с ребенком в неполных семьях чаще, чем у матерей в полных семьях, присутствуют элементы деструктивности, проявляющиеся в противоречивости взаимодействия с ребенком. При повышенной требовательности, строгости и контроля у них снижена последовательность, при сниженном уровне принятия ребенка – повышенная тревожность за него. У матерей в неполных семьях чаще, чем в полных семьях возникает воспитательная конфронтация.

7. Эмпирически доказано, что под влиянием семейных ценностей и представлений о распределении ролей в семье (ожиданий и притязаний), одинокие матери и матери, находящиеся в браке, по-разному организуют со-бытие с ребенком.

У одиноких матерей обусловленность со-бытия с ребенком ее семейными ценностями, представлениями о распределении семейных ролей (ожиданиями и притязаниями в браке) выражено в большей степени, чем у матерей в полных семьях. Это подтверждается большим количеством связей в группе одиноких матерей и незначительным у замужних и объясняется тем, что одинокая мать как субъект сама организует бытие с ребенком. У замужних женщин отношения с ребенком сопряжены с его отцом, т. е. организуются в триаде «мать–отец–ребенок» и поэтому количество связей незначительное.

Под влиянием бытовых проблем одинокие матери демонстрируют противоречивый тип взаимодействия с ребенком (они требовательны и при этом

непоследовательны, часто отвергают ребенка, но при этом тревожатся за него). При повышении значимости эмоционально-терапевтической семейной функции одинокие матери проявляют гиперопеку. У матерей в полных семьях под влиянием значимости родительско–воспитательской функции со-бытие с ребенком строится конструктивно, но значимость для женщин внешней привлекательности обуславливает их противоречивость в со-бытии с ребенком.

8. Получены эмпирические данные о роли гендерных характеристик (феминности/маскулинности) матерей в со-бытии с ребенком. Отношения со-бытия с ребенком одиноких матерей гораздо больше обусловлены ее гендерными особенностями, чем в группе матерей в полной семье. Чем больше выражена феминность одинокой матери, тем она эмоционально ближе к ребенку, больше его принимает, сотрудничает и проявляет последовательность в воспитании, т. е. феминные качества матери способствуют конструктивному взаимодействию с ребенком. Повышение маскулинности одиноких матерей связано с элементами деструктивности со-бытия с ребенком, проявляющимися в повышенном контроле, отвержении ребенка и непоследовательности во взаимодействии с ним.

В группе матерей из полных семей получено незначительное количество связей маскулинных/феминных черт личности с характером отношений с ребенком: с проявлением феминности снижается требовательность и повышается эмоциональная близость с ребенком, а с повышением маскулинности повышается удовлетворенность отношением с ребенком.

9. Выявлены связи между показателями направленности локуса контроля матерей с их отношением к ребенку. В группе одиноких матерей уровень субъективного контроля одиноких матерей в меньшей степени обуславливает ее со-бытие с ребенком, чем в группе матерей в полных семьях, и характеризуется элементами деструктивности, проявляющимся в противоречивости: выполнение или невыполнение ребенком предъявляемых матерью завышенных требований не оцениваются ею, при этом снижается такая базовая характеристика как принятие, и повышается воспитательная конфронтация. Конструктивность со-бытия одинокой матери с ребенком будет зависеть от ее интернальной

направленности локуса контроля, при которой матери предъявляя разумные требования, принимают своего ребенка, в результате чего снижается воспитательная конфронтация. Повышение интернальных качеств будет потенциалом личности одинокой матери и ее конструктивного со-бытия с ребенком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В выполненном исследовании «Личностные особенности матери как фактор ее со-бытия с ребенком в неполной семье» выявлены особенности личности матери в неполной семье, отличающие ее от матери, воспитывающей ребенка в полной семье, и особенности ее со-бытия с ребенком.

Внимание исследователей к неполным семьям объясняется значительным увеличением их числа. Одна из причин этого – изменение личности самих женщин. Их интересы смещаются в область профессиональной реализации, они становятся финансово более независимыми, проявляют склонность самостоятельно воспитывать детей и все чаще выступают инициаторами разводов.

Женщина-мать в неполной семье оказывается в сложных обстоятельствах, связанных с выполнением двойной семейной ролевой нагрузки, и не всегда справляется с возникающими трудностями. Исследования условий бытия матери в неполной семье показывают их осложненность: материальная нестабильность, трудности в сфере трудоустройства и профессиональной занятости, жилищные проблемы, общее снижение качества жизни (ограничения в отдыхе, самообразовании, социальных и эмоциональных контактах и др.) и ухудшение здоровья. Хотя эти сложности могут возникать и у женщин в полной семье, но исследования показывают, что матери в неполных семьях чаще находятся в зоне риска.

Психологическим исследованиям личностных особенностей женщины-матери свойственно разнообразие подходов, но в последнее время многие авторы обращаются к понятию субъекта и к анализу ее субъектных качеств, таких как личностная зрелость, ответственность, самоактуализация и др. Изучение матери как субъекта позволяет понять женщину-мать как личность, самоопределяющуюся в современной трансформирующейся семье.

Реализация субъектного подхода к изучению личности матери как субъекта в неполной семье и особенностей ее со-бытия с ребенком предпринята

нами в рамках субъектно-бытийного подхода. Подобная интерпретация позволяет рассмотреть личностные особенности матери в связи с объективными условиями ее *бытия*, которое вследствие включения человека (интерпретирующего, понимающего, переживающего и пр.) всегда предстает как субъективно-объективная реальность, а если учитывать включение в эти отношения других людей, то бытие личности всегда является *со-бытием*. Мать в неполной семье выступает более автономным субъектом, организующим свое со-бытие с ребенком (в сравнении с ситуацией в полной семье с большим количеством субъектов), и ее личностные особенности являются более существенным фактором, определяющим характер этого со-бытия.

В ходе исследования теоретически обосновано и эмпирически доказано, что личностные особенности одинокой матери, обусловленные осложненными условиями ее бытия в неполной семье (материальной нестабильностью, трудностями в сфере трудоустройства и профессиональной занятости, снижением качества жизни и пр.), отличаются от личностных особенностей матерей, воспитывающих детей в полной семье.

Особенности бытия матери в неполной семье и возникающие в связи с этим затруднения в реализации субъектной позиции обуславливают: своеобразие ее представлений о семейных ценностях; гендерный статус, отличающий ее от женщины, реализующей свой семейный функционал вместе с мужем; особенности в ориентации локуса контроля.

Матери в неполной семье в большей степени сконцентрированы на семейных ценностях. При этом в наибольшей степени от женщин из полных семей их отличает сфокусированность на родительской функции и социальной активности.

Выявлено, что особенности представлений одинокой матери о распределении ролей в семье свидетельствуют о неаутентичности ее бытия:

– их ожидания от возможного партнера выполнения им семейных функций преобладают над притязаниями самой женщины в выполнении семейного функционала, что расходится с реальностью «одинокое материнства»;

– в своих ожиданиях от возможного партнера в браке одинокие матери чаще, чем замужние, ориентируются на его социальную активность и внешнюю привлекательность, а в собственных притязаниях демонстрируют большую готовность оказывать эмоциональную поддержку (в сравнении с женщинами из полных семей), что характеризует их ориентированность на традиционное распределение семейных ролей, где главой семьи является мужчина.

Установлено, что маскулинность одиноких матерей выражена больше, а феминность меньше, чем у замужних матерей. Вынужденные условия бытия одинокой матери и ее ориентация на традиционное распределение семейных ролей, при котором женщине принадлежит феминная роль, свидетельствуют о том, что ее маскулинность является вынужденной.

Доказано, что одиноким женщинам свойственно преобладание экстернальной направленности локуса контроля, в отличие от женщин, воспитывающих ребенка в полной семье. То есть женщинам в неполной семье в силу большой загруженности, дефицита времени и ограниченности материальных ресурсов свойственно занимать «обвинительную» позицию по отношению к «внешним силам», находя в них причину своих неурядиц, и одновременно ожидать помощи от Других.

Теоретически обосновано и эмпирически доказано, что со-бытие матери с ребенком в неполной семье обусловлено ее личностными особенностями и характеризуется элементами деструктивности. Повышенная значимость семейных ценностей, преобладание ожиданий большей активности от возможного партнера в выполнении им семейного функционала над собственными притязаниями, вынужденная маскулинность и повышенная экстернальность одинокой матери обуславливают противоречивость в организации со-бытия с ребенком. Это проявляется: в повышении требовательности и одновременно снижении последовательности в предъявлении этих требований; в повышении тревожности за ребенка и одновременно снижении его принятия; в повышении воспитательной конфронтации.

Различающиеся у одиноких матерей и матерей, находящихся в браке, представления о семейных ценностях и о распределении ролей в семье (соотношение ожиданий, адресованных партнеру, и собственных притязаний) по-разному обуславливают организацию со-бытия с ребенком. Одинокие матери характеризуются значительно большим количеством достоверных корреляционных связей между показателями семейных ценностей и показателями взаимодействия с ребенком, чем замужние женщины. Это объясняется тем, что мать в неполной семье организует со-бытие в диаде с ребенком и особенности ее ценностей в большей степени обуславливают характер со-бытия. У замужних женщин отношения с ребенком сопряжены с его отцом, т. е. организуются в триаде «мать – отец – ребенок» и поэтому количество связей незначительно.

Конструктивные стратегии в организации со-бытия с ребенком связаны с выраженностью у одинокой матери качеств феминности, интернальности и снижением излишней сфокусированности женщины на хозяйственно-бытовой сфере. При возрастании этих характеристик матери снижают требовательность и готовы предоставлять большую автономность ребенку, они становятся более последовательными в требованиях, у них повышается принятие ребенка, снижается тревожность за него и уменьшается воспитательная конфронтация.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности / К.А. Абульханова-Славская. М.: Просвещение, 1980. 335 с.
2. Адушкина, К. В. Современная женщина как субъект семейных отношений // Актуальные проблемы психологии личности: сб. науч. тр. / К.В. Адушкина. Екатеринбург: 2009. № 7. С. 5–9.
3. Акименко, Н.К. Изучение ценностей семьи и осознание семейных ролей современной молодежью / Н.К. Акименко, С.В. Багинская // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 38. С. 211–217.
4. Алексеева, Л. С. Неполная семья: состояние и тенденции развития / Л.С. Алексеева // Отечественный журнал социальной работы. 2005. № 2. С. 49–50.
5. Алексеенко, Т. В. Исследование жизненной удовлетворенности одиноких матерей / Т.В. Алексеенко, Ю.В. Судакова // Сборник трудов конференции Московского педагогического государственного университета. М.: МПГУ, 2017. С. 40–44.
6. Алешина, Ю. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование / Ю. Алешина. М.: Класс, 2003. 336 с.
7. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. СПб: Питер, 2001. 282 с.
8. Анзорг, Л. Дети и семейный конфликт / Л. Анзорг. М.: б. и., 1987. 43 с.
9. Баженова, О. В. Готовность к материнству: выделение факторов, условий риска для будущего развития ребенка / О.В. Баженова, Л.Л. Баз, О.А. Копыл // Синапс, 1993. № 4. С. 35–42.
10. Бажин, Е. Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е.Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд // Психологический журн. 1984. № 3. С.152–162.
11. Бакланова, О. Э. Согласованность супружеских ролей как фактор развития продуктивных брачно-семейных отношений: автореф. дис. ... канд. психол. наук / О. Э. Бакланова. СПб, 2012. 24 с.

12. Башкирова, Н. Ребенок без папы. Решение проблем неполной семьи / Н. Башкирова. М: Наука и техника, 2007. 272с.
13. Белоусова, О. А. Проблемы социализации подростков в неполных семьях / О.А. Белоусова // Вестник ВУиТ. 2009. №3. С. 228–230.
14. Бем, С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем.: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
15. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
16. Борисенков, В. П. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы / В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко // Науковедение. 2014. № 5 (24). С. 1–24.
17. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби // М.: Гардарики, 2003. 477 с.
18. Брандт, Г. А. Природа женщины как проблема / Г.А. Брант // Общественные науки и современность. 1998. №2. С. 167–880.
19. Бронфенбреннер, У. Два мира детства. Дети в США и СССР / У. Бронфенбреннер М.: Прогресс, 1986. 168 с.
20. Брутман, В. И. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности / В.И. Брутман // Вопросы психологии. 1997. № 6. С. 38–17.
21. Брушлинский, А. В. Психология субъекта в изменяющемся обществе / А.А. Брушлинский // Психологический журнал. 1996. №6. С. 30–36.
22. Буренкова, Е. В. Изучение взаимосвязи стиля семейного воспитания личностных особенностей ребенка и стратегии поведения значимого взрослого: дис. ... канд. психол. наук / Е. В. Буренкова. Пенза, 2000. 237с.
23. Буянов, М. И. Ребенок из неблагополучной семьи / М.И. Буянов. М.: Просвещение, 2001. 207 с.
24. Варга, А. Я. Структура и типы родительского отношения.: дис. ... канд. психол. наук / Варга А. Я. Москва, 1996. 234 с.
25. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Васягина Н. Н. Екатеринбург, 2011. 45 с.

26. Верещагина, А. В. Историческая и социально-образовательная мысль / А.В. Верещагина. 2017. Т. 9 №4/2, С. 133–140.
27. Верещагина, А. В. Проблемы и риски распада молодой семьи первого года жизни с позиций ее типологической характеристики / А. В. Верещагина, В. В. Ковалев, С. И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2016. № 6. С. 55–63.
28. Винн, М. Семья без отца / М. Винн // М.: Наука, 1975. 206 с.
29. Винникотт, Д. В. Маленькие дети и их матери / Д.В. Винникотт // М.: Класс, 1998. 80 с.
30. Волкова, А.Н. Практикум по экспериментальной и прикладной психологии / А.Н. Волкова. Л.: б.н., 1990.
31. Волкова, А. Н. Одинокое материнство: психологический портрет проблемы / А. Н. Волкова, Е.Г Якушенко // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. №1 (Психология). С. 123–136.
32. Воронова, А. А. Сравнительный анализ родительского отношения у незамужних и замужних матерей / А.А. Воронова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 76-2. С. 70–75.
33. Ворошнина, О. Р. Психологическая коррекция депривированного материнства : дис. ... канд. психол. наук / О. Р. Ворошнина. Москва, 1998. 202 с.
34. Гаврилова, Т. П. К проблеме влияния распада семьи на детей дошкольного возраста / Т.П. Гаврилова // Семья и формирование личности. М., 1981. С. 10.
35. Галкина, Е. П. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов / Е.П. Галкина, М. И. Кадничанская // Вестник ОмГУ, 2015. №3. С. 193–200.
36. Ган, М. П. Я сама: В помощь неполной семье / М. П. Ганн. М.: Комментарий, 2003. 45 с.
37. Гасанова, П. Г. Особенности родительско-детских отношений в неполной семье / П. Г. Гасанова, Д. М Даудова // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2015. №3 (32). С. 6–11.

38. Грицкевич, Н. К. Психологическая характеристика системы ценностей женщины-матери / Н. К. Грицкевич, А. А. Долгих, Н. Я. Большунова // Вестник ТГПУ, 2015. №3 (156). С. 14–18.
39. Голод, С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ / С.И. Голод // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, №2. С. 106–119.
40. Голосова, Е. С. Социальное положение безработных женщин с детьми на региональном рынке труда: на примере Пензенской области: автореферат дис. ... канд. социол. наук / Е. С. Голосова. Пенза, 2010. 184 с.
41. Губин, В. А. Материнское отношение к подросткам в полных и неполных семьях / В. А. Губин, О. В. Клопова // Приволжский научный вестник. 2013. №12-1 (28). С. 143–148.
42. Гурко, Т. А. Родительство: социологические аспекты / Т.А. Гурко. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 164 с.
43. Данилова, С. С. Одинокое материнство в общественном мнении / С.С. Данилова. СОЦИС. 2009. №5. С. 138–141.
44. Дементий, Л. И. Ответственность как характеристика субъекта жизнедеятельности / Л.И. Дементий // Субъектность в личностном и профессиональном развитии человека: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2004. Казань, 2004. С. 124–125.
45. Дементий, Л. И. Ответственность как ресурс личности в семейных отношениях / Л.И. Дементий // Вестник ОмГУ. 2003. №2. С. 81–84.
46. Дементьева, И. Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье / И.Ф. Дементьева. СОЦИС. 2001. №11. С. 108–113.
47. Демидов, А. М. Неполная семья: опыт исследования финских социологов / А.М. Демидов // СОЦИС, 1985. № 3. с.145.
48. Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб. М.: Росстат. 2017. 263 с.
49. Дольто, Ф. На стороне ребенка / Ф. Дольто. М.: Академия, 2010. 720 с.

50. Ермихина, М. О. Формирование осознанного родительства на основе субъективно психологических факторов: дис. ... канд. психол. наук / М. О. Ермихина. Казань, 2004. 168 с.
51. Ермолаева, Е. Г. Изменение ценностно-смысловых ориентаций родителей как фактор коррекции нарушений семейного воспитания подростков : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. Г. Ермолаева. Екатеринбург, 2008. 28 с.
52. Жигалин, С. С. Формирование адекватных родительских позиций как способ коррекции воспитательной практики семьи подростка: автореф. дис. канд. психол. наук / С. С. Жигалин. Екатеринбург, 2004. 27 с.
53. Журавлев, Д. Неполные семьи: как помочь детям? / Д. Журавлев // Народное образование. 2006. № 1. С. 211–218.
54. Забродина, Л. А. Психологическая поддержка родителей в формировании конструктивных родительско-детских отношений: автореферат дис. ... кандидата психологических наук / Л. А. Забродина. Самара, 2010. 25 с.
55. Захаров, А. И. Происхождение детских неврозов и психотерапия / А.И. Захаров. Медицина, 1978. 246 с.
56. Здравомыслова, О. М. Российская семья на европейском фоне / О.М. Здравомыслова. Едиториал УРСС, 1998.176 с.
57. Знаков, В. В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия / В.В. Знаков // Психологический журнал. 2003. №2. С.95–106.
58. Знаков, В. В. Психология человеческого бытия / В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М.: Смысл, 2017. 416 с.
59. Зуев, К. Б. Воспитательные тактики матери и их связь с психологическими характеристиками подростков в полных и неполных семьях / К.Б. Зуев // СИСП. 2013. №3 (23). doi:10.12731/2218-7405-2013-3-6
60. Иванова, Е. И. Внебрачное материнство в России / Е.И. Иванова, А. Р. Михеева // Социологические исследования. 2009. № 16. С. 72–76.
61. Исенина, Е. О. О некоторых понятиях онтогенеза базовых качеств матери / Е.О. Исенина // Журнал практического психолога. 2000. №4–5. С. 49–63.

62. Исупова, О. Социальный смысл материнства в современной России / О. Исупова // Социологические исследования. 2000. №11.1. С. 98–107.
63. Каменева, Т. Н. Материнство в неполной семье: личностные и социальные проблемы : дис. ... канд. социол. наук / Т.Н. Каменева. Курск, 2003. 160 с.
64. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / О.А. Карабанова. М.: Гардарики, 2008. 320 с.
65. Каримова, З. Х. Жизненные ценности одиноких матерей / З.Х. Каримова // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 133–136.
66. Кедрова, Н. Б. «Здесь и теперь» в контакте матери и ребенка / Н.Б. Кедрова // Гештальт-93. М., 1993. С. 87–92.
67. Киблицкая, М. В. Исповеди одиноких матерей / М.В. Киблицкая. М.: Эслан, 1999. 160 с.
68. Крамаренко, Н. С. Онтогенетический аспект проблемы самоосуществления человека с позиции субъектного подхода / Н.С. Крамаренко // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. №1. С. 338–342.
69. Колбахина, И. Теоретическое направление гендерного анализа домохозяйства и некоторые вопросы социальной политики / И. Колбахина // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М. : Русская панорама, 2002. 96 с.
70. Кочубей, Б. И. Зачем нужен папа? / Б. И. Кочубей // Семья и школа, 2009. № 4. С. 30-31.
71. Кучмаева, О. В. Трансформация института семьи и семейные ценности / О. В. Кучмаева, М. Г. Кучмаев, О. Л. Петрякова // Вестник славянских культур. 2009. №3. С. 20–29.
72. Корнеева, Т. В. Психологические проблемы детско-родительских отношений в неполной семье / Т.В. Корнеева // Ребенок в детском саду, 2007. № 3. С. 3–8.
73. Кочнев, В. А. Роль конструкта «маскулинность – феминность» в полоролевом поведении личности (на примере супружеских пар): автореферат дис. ... канд. психол. наук / В. А. Кочнев. Москва, 2018. 218с.

74. Лангмейер. Психическая депривация в детском возрасте / Й Лангмейер, З. Матейчек. Прага: Авиценум., 1984. 334 с.
75. Лидерс, А. Г. Стиль семейного воспитания и личностные особенности родителя / А.Г. Лидерс, Е.Н. Спирева // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 1. С 45–48.
76. Лисина, М. И. Общение, личность и психика ребенка / М.И. Лисина. М.; Воронеж, 1997. С. 354–364.
77. Личко, Е. А. Подростковая психиатрия / Е.А. Личко. Л.: Наука, 1979. 336 с.
78. Ллойд де Моз. Психоистория / Л. Де Моз. Ростов: Феникс, 2000. 512 с.
79. Луныкова, Л. Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей / Л.Г. Луныкова // СОЦИС, 2001. №8. С. 86–96.
80. Макаренко, А. С. О воспитании в семье: Изб. пед. произведения / А.С. Макаренко. М.: Учпедгиз, 1955. с. 320.
81. Маленова, А.Ю. Преимущества и ограничения материнства в зрелом возрасте: психологический прогноз / А.Ю. Маленова // Акмеология. №1-2. 2014. С. 140–141
82. Маленова, А. Ю. Сиблинговая позиция и возраст ребенка как факторы материнского отношения / А.Ю. Маленова, А.В. Ляшевская // Вестник Омского университета. Сер. Психология. 2014. №. 2. С. 48–57.
83. Максимова, Н. Л. Особенности родительского отношения, в семьях с единственным ребенком / Н. Л.Максимова // В мире научных открытий. 2009. № 3-1. С. 130-132.
84. Малышева, М. М. Женщины между карьерой и семьей: проблема совмещения / М.М. Малышева // Женщины России XXI век. Гендерные исследования. М.: Экон-Информ. 2016. 119 с.
85. Малькова, И. Н. Семейная история как фактор формирования материнского отношения : ав-тореф. дисс. ... канд. психол. наук / И. Н. Малькова. Ярославль, 2015. 24 с.

86. Марковская, И. М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми / И.М. Марковская // Семейная психология и семейная терапия. 1999. №2 С. 94–108.
87. Марковская, И. М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми / И.М. Марковская. СПб. : Речь, 2002. 150 с.
88. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. СПб., 2002. 480 с.
89. Матейчик, З. Некоторые психологические проблемы воспитания детей в неполной семье / З. Матейчик. М. : Прогресс, 1980. С. 70-98.
90. Мещерякова, С. Ю. Психологическая готовность к материнству / С.Ю. Мещерякова // Вопросы психологии. 2000. №5 С. 18–27.
91. Мухина, В. С. Типы материнского отношения к ребенку и психологические проблемы материнства / В.С. Мухина // Наука и образование. 2004. №1. С. 131–133.
92. Мягкова, М. А. Психологическое сопровождение материнства в неполной семье : дисс. ... канд. психол. наук / М. А. Мягкова. Курган, 2013. 266 с
93. Нафикова, Г. З. Понятие неполной семьи и ее типы / Г.З. Нафикова // Вестник Башкирск. ун-та. 2009. №1. С.241–243
94. Немировский, К. Мама и я неполная семья / К. Немировский // Психолог в детском саду. 2006. № 4. С. 46–57.
95. Никитин А. А. Сравнительный анализ интеллектуальной готовности дошкольников к школьному обучению в полных и неполных семьях / А. А. Никитин, М. В. Макарова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. №1 (13). С. 84–88.
96. Николаева, Я. Г. Воспитание ребенка в неполной семье: организация педагогической и социальной помощи неполным семьям: пособие для психологов и педагогов / Я.Г. Николаева. М. : ВЛАДОС, 2006. 159 с.
97. Овчарова, Р. В. Психология родительства: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Р.В. Овчарова. М. : Академия, 2005. 368 с.
98. Овчарова, Р.В. Материнство в неполной семье : монография / Р.В. Овчарова, М.А. Мягкова. Курган : Курганского гос. ун-та, 2014. 356 с.

99. Ожигова, Л. Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Л. Н. Ожигова. Краснодар, 2006. 46 с.
100. Орвашел, Г. Психология общения родителей и детей / Г. Орвашел М., 2007. С. 701–706.
101. Осипова, Е. Принципы воспитания ребенка в неполной семье / Е. Осипова // Школьный психолог. 2008. № 10. С. 24–27.
102. Пахомова, Е. И. Браки и разводы: что изменилось в представлениях россиян / Е.И. Пахомова // Мониторинг. 2008. №1 (85). С. 128–135.
103. Пономарев, П.А. Особенности психического развития детей в неполных семьях / П.А. Пономарев, Д.Е. Штильников // Молодой ученый. 2017. №14. С. 191–194.
104. Попцова, Е. В. Качества матери, необходимые для психического развития ребенка раннего возраста: дис. ... канд. психол. наук / Е. В. Попцова. Иваново, 1995. 169 с
105. Пьянкова, Л. А. Психологический контекст феномена материнства: [Электронный ресурс] / Л.А. Пьянкова, В.Е. Хомичева, Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №3. Режим доступа: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.3.10>
106. Пьянкова, Л. А. Ретроспективный анализ проблемы материнства как условия психолого-педагогической и социальной поддержки детства / Л.А. Пьянкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (159). С. 43–49.
107. Рашитова, Л. К. Городская монородительская материнская семья: социальные проблемы и пути их решения: [Электронный ресурс] / Л.К. Рашитова, Уфа, 2011. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/486144.html>
108. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн // Человек и мир. СПб., 2003. 512 с.

109. Родштейн, М. Н. Гендерно-ролевая идентичность как фактор репродуктивной установки женщин : дис. ... канд. психол. наук / М. Н. Родштейн Самара, 2006. 222 с.
110. Романова, Н. П. Основные статусные позиции одиноких женщин активного трудового периода / Н.П. Романова // Вестник ЗабГУ. 2010. №9. С. 100–112.
111. Романова, Е. С. Супружеские ожидания и притязания в молодой семье / Е.С. Романова // Психология, социология и педагогика: [Электронный ресурс], электр.науч. журн. 2014. № 6. – Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2014/06/3297>
112. Рашитова, Л. К. Городская монородительская материнская семья: социальные проблемы и пути их решения: диссертация ... канд. социол. наук / Л. К. Рашитова, Уфа, 2011. 221 с.
113. Рябикина, З. И. Личность как субъект формирования бытийных пространств / З.И. Рябикина // Субъект, личность и психология человеческого бытия / В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: ИПРАН, 2005. С. 45–57.
114. Рябикина, З. И. Личность, её бытие и со-бытие с другим / З.И. Рябикина // Современная психология: состояние и перспективы: тез. Докл. на юбилейной науч. конф. ИП РАН / отв. ред. А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлёв. М., 2002. Т. 2. С. 51–53.
115. Рябикина, З. И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий / З.И. Рябикина // Психологический журнал. 2008. Том 29. № 2. С.78–87.
116. Рябикина, З. И. Личность как субъект бытия и со-бытия / З. И. Рябикина // Психология личности: учебное пособие / под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. М.: эксмо, 2007. с. 132–166.
117. Самойленко, Е. В. К вопросу о тендерном подходе к воспитанию / Е.В. Самойленко // IX Всероссийская науч.-практ. Конф. «Образование в России: медико-психологический аспект»: материалы конференции. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2004. С. 171–173.

118. Самоукина, Н. В. Психология материнства / Н.В. Самоукина // Прикладная психология. 1998. № 6. с. 79–95.
119. Сатир, В. М. Психотерапия семьи / В.М. Сатир. СПб: «Речь», 2000. 283 с.
120. Скобло, Г. В. Система «мать дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики / Г.В. Скобло, О.Ю. Дубовик // Социальная и клиническая психиатрия. М., 1992. №2. С. 75–78.
121. Силяева, Е. Г. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Е.Г. Силяева// М.: Центр Академия, 2002. 192 с.
122. Смирнова, Е. О. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка / Е.О. Смирнова // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 57–68.
123. Соколова, Е. Т. Зависимость самооценки подростка от отношения к нему родителей / Е.Т. Соколова, И. Г. Чеснова // Вопросы психологии, 1986. № 2. С. 110–117.
124. Соколова, М. В. Особенности родительского отношения на разных возрастных этапах развития ребенка : дис. ... канд. психол. наук / М. В Соколова. Москва, 2002. 155 с.
125. Спиваковская, А. С. Как быть родителем / А.С. Спиваковская. М. : Педагогика, 1986. 160 с.
126. Столин, В. В. Психология развития ребенка и взаимоотношений родителей и детей как теоретическая основа консультационной практики / В.В. Столин, Е. Т. Соколова, А. Я. Варга // Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования. 1989. № 3. С.16–37.
127. Суворова, О. В. Влияние эмоционального взаимодействия матери на самоотношение старшего дошкольника / О.В. Суворова, И. В. Черемисова, Е. Б. Мамонова // Вестник Мининского университета. 2017. № 1 (18). С. 18.
128. Сысенко, В. А. Роль матери в формировании личности ребенка / В.А. Сысенко // Народонаселение. 2002. №2. С. 19–32.

129. Танасов, Г.Г. Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со- бытия с Другими (конструктивная версия постмодернистских настроений) / Г.Г. Танасов // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2. С. 4–20.
130. Тарасова, Е. О. Проблемы развода в современной семье / Е.О. Тарасова // Власть. 2015. №11. С. 141–145.
131. Ташимова, Ф. С. Влияние представленности родителей в неполной семье на стиль совладающего поведения детей / Ф.С. Ташимова, А. Ризулла, Л.О. Баймролдина, Г.Б. Аманжанова // Вестник МГОУ. 2016. № 2. С.78–91.
132. Тетерлева, Е. А. Смысловые переживания материнства как новообразование самосознания женщины: дис. ... канд. психол. наук / Е. А. Тетерлева. Москва, 2006. 214 с.
133. Тренина, Л. Н. Этико-психологические проблемы современного материнства // дис. канд. филос. наук /Л. Н. Тренина. Тула, 2010. 136 с.
134. Толокнова, С. С. Семьи одиноких матерей: формирование отношений между поколениями / С.С. Толокнова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. №4. С. 109–115.
135. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. М. : Институт Психотерапии, 2005. 490 с.
136. Филиппова, Г. Г. Психология материнства / Г.Г. Филлипова. М.: Институт психотерапии, 2002. 240 с.
137. Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. М. : Наука, 1989. 456 с.
138. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. М. : Транзиткнига, 2004. 572 с.
139. Хазанова, М. А. Конструктивные и деструктивные тенденции в детско-родительских взаимоотношениях / М.А. Хазанова // Мир психологии. 1996. №1 (6). С. 47–54.

140. Харламенкова, Н. Е. Роль отца в дифференциации гендерной идентичности / Н.Е. Харламенкова // Психологический журнал. 2007. №3. С. 56–64.
141. Хьел, Л. Теории личности / Л. Хьел, Д. Зиглер. СПб., Питер Пресс, 1997. 608 с.
142. Целуйко, В. М. Одинокая мать и ее ребенок / В.М. Целуйко // Психология семьи и семейная терапия. 2005. №1. С. 72.
143. Цыглакова, Е. А. Социальный статус монородительской семьи: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. А. Цыглакова. Саратов, 2005. 152 с.
144. Черемисова, И. В. Социологический, педагогический и психологический аспекты проблемы монородительской семьи: научный обзор / И.В. Черемисова, В. В. Сериков, О. В. Суворова // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 4. С. 88–96.
145. Чибисова, М. Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании молодой женщины : дис. ... канд. психол. наук / М. Ю. Чибисова. М., 2003. 272 с.
146. Шамарина, Е. В. Культурный смысл материнства в западноевропейской и отечественной философской мысли: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. В. Шамарина. Барнаул, 2008. 175 с.
147. Шкурко, Т. А. Мать, отец, ребенок в сложной системе взаимоотношений в семье / Т.А. Шкурко // Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. №4. С.118–121.
148. Шкурко, Т. А. Особенности взаимоотношений в семье в связи с выраженностью социально-психологических потребностей родителей / Т.А. Шкурко, Г. В Сериков., С. А. Литвина, К. Брандао // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 4. С. 254–268.
149. Щербина, С. М. Особенности отношения приемной матери к ребенку, определяющие успешность его воспитания в замещающей семье / С.М. Щербина. Человек. Сообщество. Управление. 2016. Том 17, 2. С. 41–54.

150. Шитова, Н. В. Феномен одиночества: возможные причины женского одиночества и психологическая характеристика личности одиноких женщин / Н.В. Шитова // Территория науки. 2007. № 3. С.286.
151. Шнейдер, Л. Б. Психологическое консультирование: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Л. Б. Шнейдер, Г. В. Волкова, М. Н. Зыкова. М. : Ижица, 2002. 224 с.
152. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. СПб. : Питер, 2000. 512 с.
153. Юницкий, В. А. Психология детской потери (обзор зарубежных исследований) / В.А. Юницкий // Вестник Московского университета. 1991. №2. С. 49–61.
154. Якушенко, Е. Г. Клинико-психологические особенности подростков разведенных родителей: Автореф. дис. ... канд. наук / Е. Г. Якушенко. СПб., 2008. 22 с.
155. Яныкина, А. Н. материнство как кризис идентичности современной женщины / А.Н. Яныкина // Альтернативная медицина. 2006. №2. С. 15–18.
156. Ainsworth, M.D.S. Infant mother attachment / M.D.S Ainsworth // Am. Psychol. 1979. V. 347. P. 932–937.
157. Altman, J. Life span aspects of reproduction and parental care in anthropoid primates / J. Altman // Parenting across the life span. Biosocial dimension. NY, 1987. P. 16.
158. Badinter, E. L'amour en plus: Histoire de 1 amour maternel / E. Badinter. Paris, 1980. P.371.
159. Berns, B. The Different Faces of Motherhood / B. Berns. N.J.; L., 1988
160. Bronfenbrenner, Ur. Fhe Changing Family in a Changing World America First?/ Ur. Bronfenbrenner, Paris: UNESCO, 1982. P. 12.
161. Bowlby, J. Maternal care and mental health / J. Bowlby. Geneva: Claridge, 1987. 321 p.

162. Esteve, A. The family context of cohabitation and single motherhood in Latin America / A. Esteve, J. García - Román., R. Lesthaeghe // *Population and Development Review*. 2012.T. 38. №. 4. C. 707–727.
163. Zhou, M. Motherhood, Employment, and the Dynamics of Women's Gender Attitudes / M. Zhou // *Gender & Society*. 2017. T. 31. №. 6. C. 751–776.
164. Lynn, D. B. The Effects of Father Absence of Norwegian Boys and Gigs / D. B. Lynn, //, W. L. Sawrey // *Journal of Abnormal Psychology*. LIX. 1959.
165. O'Rourke-Scott, E. A. Family talk: Irish women across generations negotiate single motherhood : E.A.O. The Open University, 2018.
166. Rotter, J. B. Internal versus external control of reinforcement and decision time / J.B. Rotter, R.C. Mulry. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1965, 2. 598–604.
167. Tiller, O. Father absence and personality development of children in sailor families: a preliminary research report / O. Tiller// *Studies of the family*. Cottingen. 1957.
168. Trivers, R. L. Parental investment and sexual selection / R. L. Trivers // *Sexual selection and the descent of man*. Chicago. 1972. P. 139.
169. Wallerstein, J. The effects of parental divorce: The adolescent experience / J. Wallerstein. New York: Wiley.1974. P.479–505.
170. Hakman, M. The effect of task and maternal verbosity on compliance in toddlers / M. Hakman // *Infant and Child Development*. 2009. №18. P. 195–205.
171. Winnicott, D. W. The family and individual development / D. W. Winnicott. N.Y.: Penguin, 1968. 389 p.
172. Schaefer, E.S. Children's Report of Parental Behavior Inventory (CRPBI) / E.S. Schaefer // *Child. Devel.* 1965. v. 36. P. 413–424.
173. Psychological aspects of a first pregnancy and early postnatal adoption. P.M. Shereshefsky and L.J. Yarrow adds. NJ., Raven Press Publ. 1973.
174. Smith, C.L. Predicting Stability and Change in Toddler Behavior Problems : Contributions of Maternal Behavior and Child Gender / Smith, C.L. // *Developmental Psychology*. 2004. Vol 40(1). P. 29 -42.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Сопоставительные результаты по методике «Феминность-маскулинность» С. Бэм

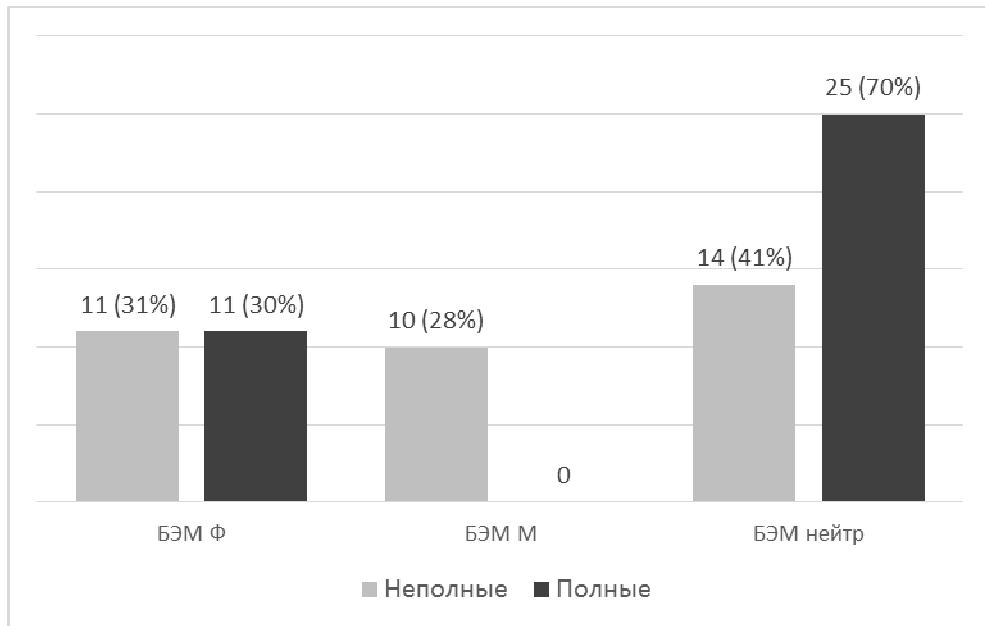

Рисунок 1 – Сравнительная характеристика гендерных характеристик матерей из полных и неполных семей по методике С. Бэм

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Сопоставительные результаты по методике «Взаимодействие родитель-ребенок» (ВРР) М.А. Марковской

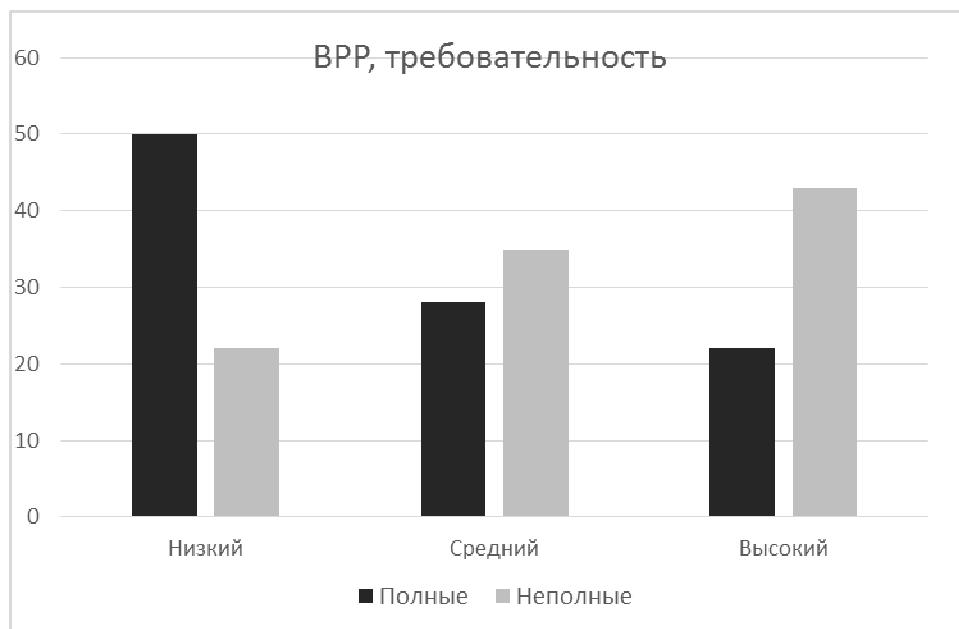

Рисунок 2 – Процентное соотношение выраженности шкалы ВРР «нетребовательность – требовательность» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

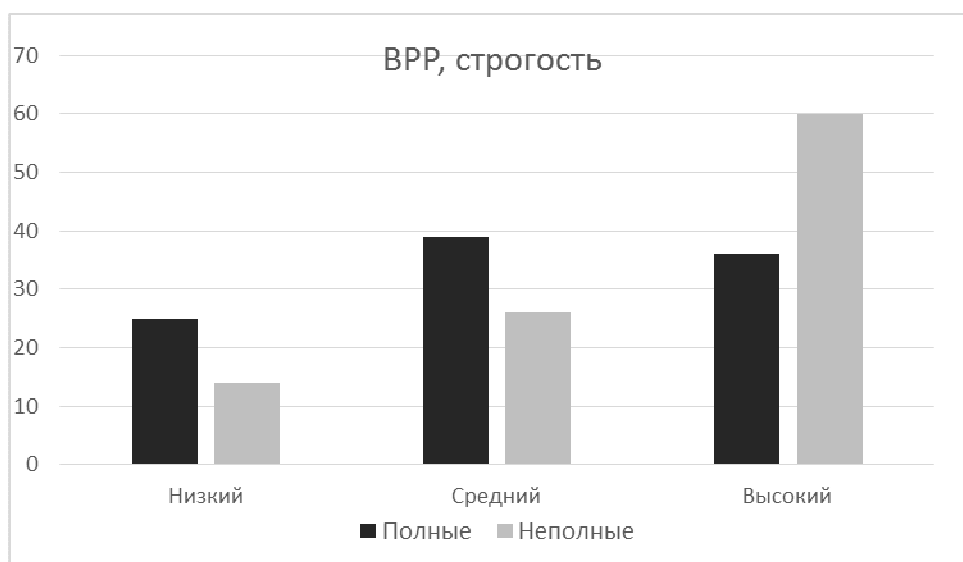

Рисунок 3 – Процентное соотношение выраженности шкалы ВРР «мягкость – строгость» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

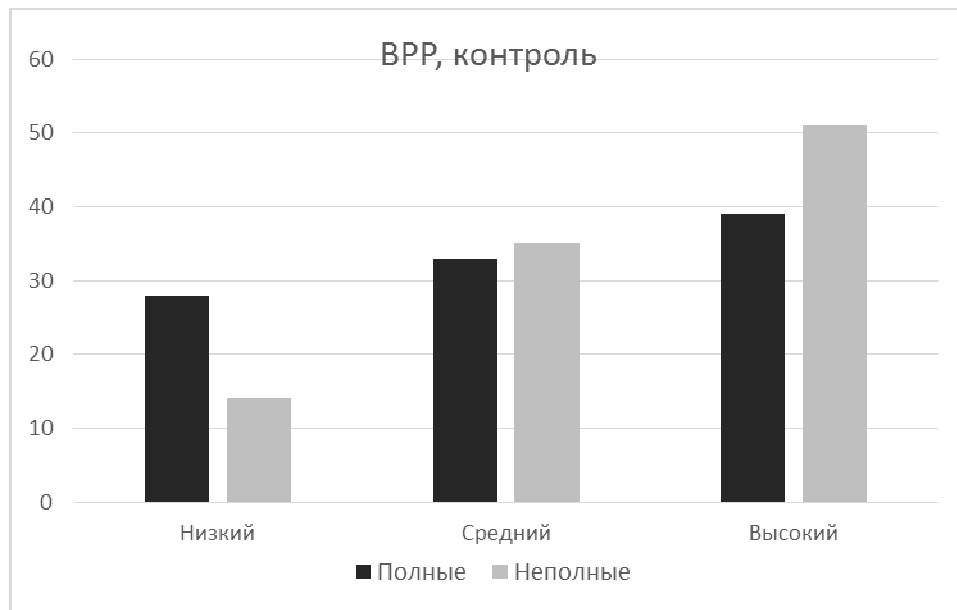

Рисунок 4 – Процентное соотношение выраженности шкалы ВРР «автономность – контроль» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

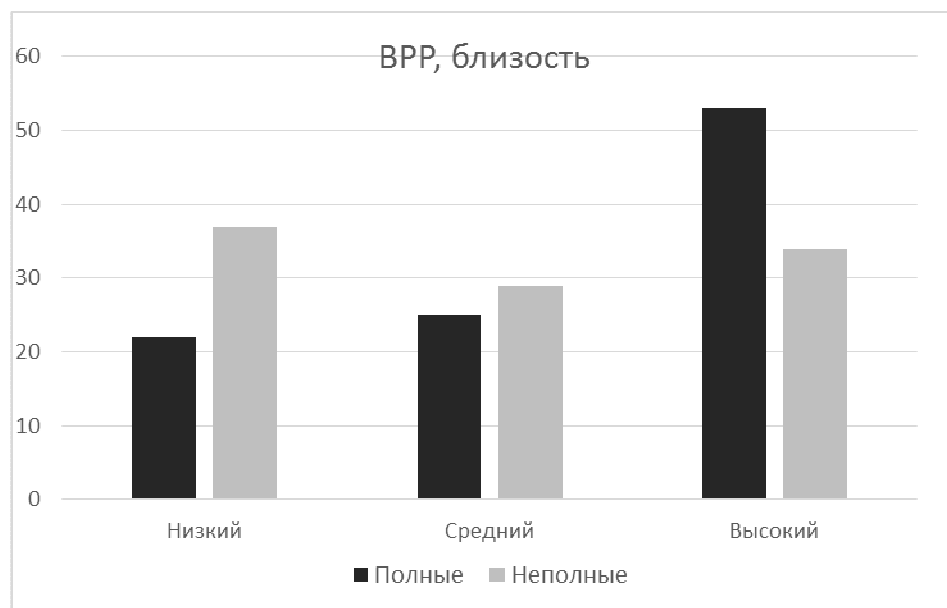

Рисунок 5 – Процентное соотношение выраженности шкалы ВРР «эмоциональная близость – дистанция» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

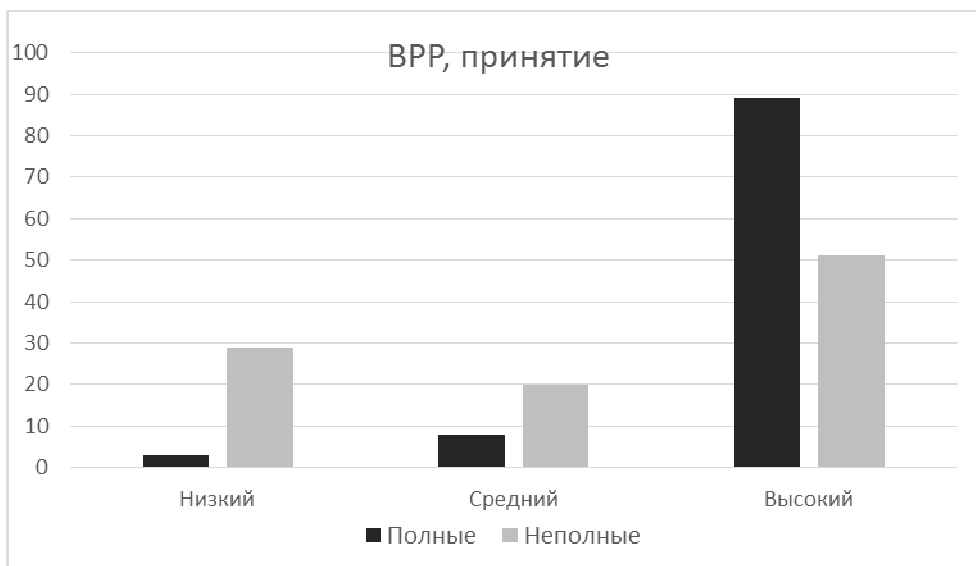

Рисунок 6 – Процентное соотношение выраженности шкалы ВРР «принятие – отвержение» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

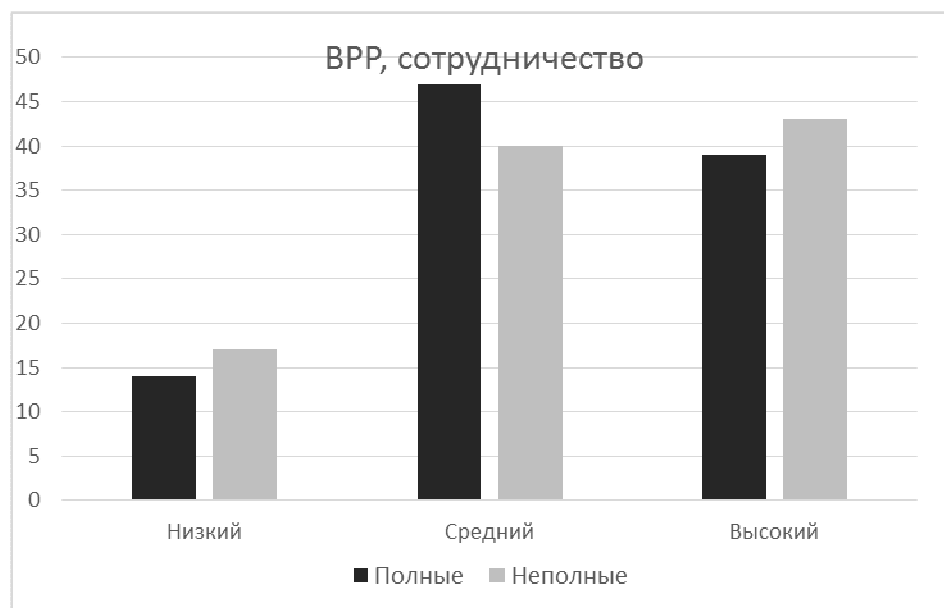

Рисунок 7 – Процентное соотношение выраженности шкалы ВРР «отсутствие сотрудничества – сотрудничество» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

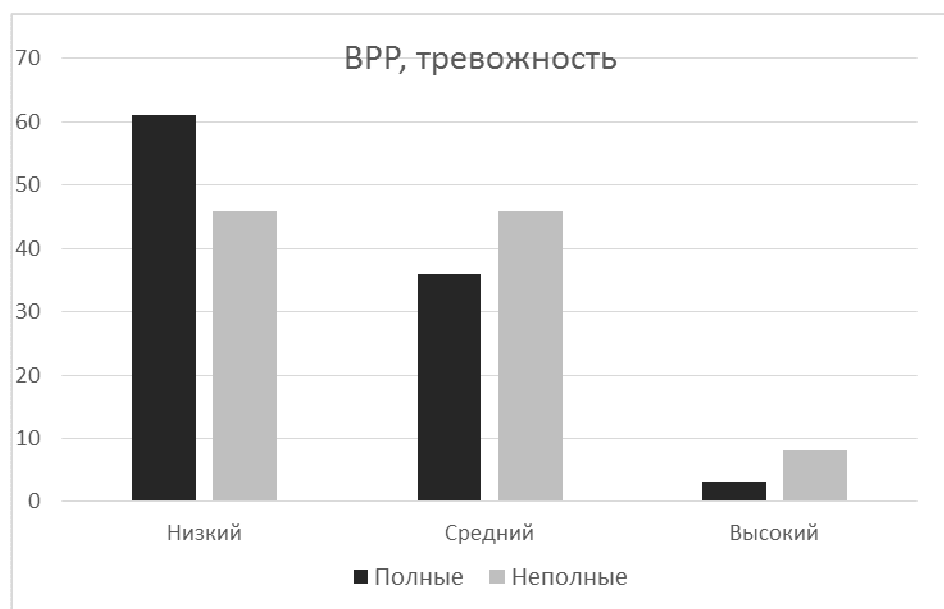

Рисунок 8 – Процентное соотношение выраженности шкалы ВРР «тревожность за ребенка» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

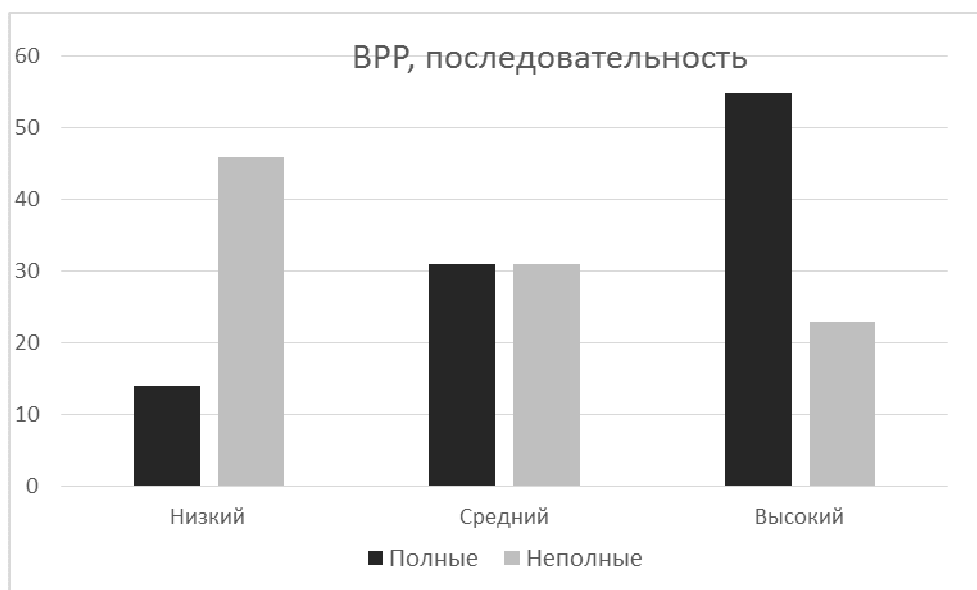

Рисунок 9 – Процентное соотношение выраженности шкалы ВРР «непоследовательность – последовательность в воспитании» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

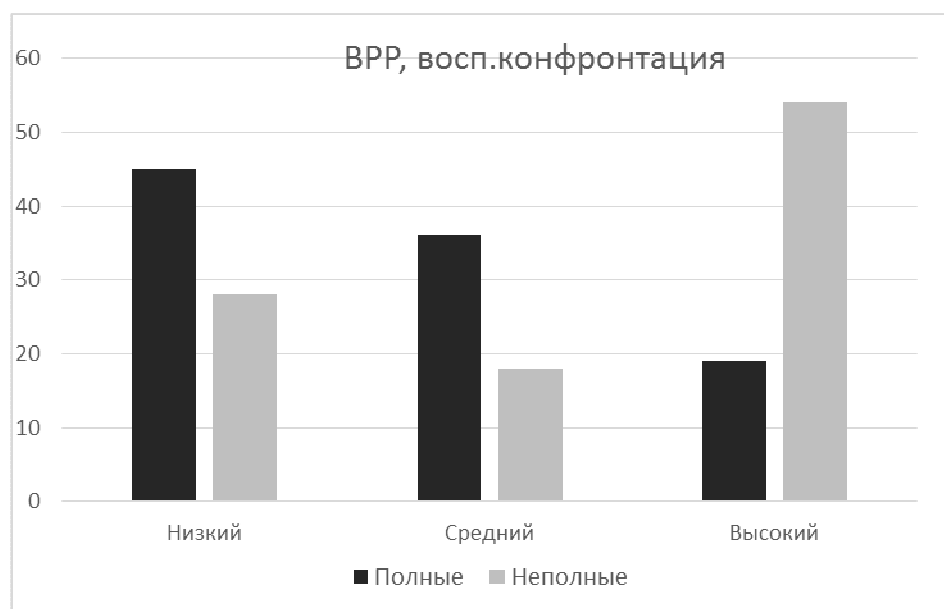

Рисунок 10 – Процентное соотношение выраженности шкалы BPP «воспитательная конфронтация в семье» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

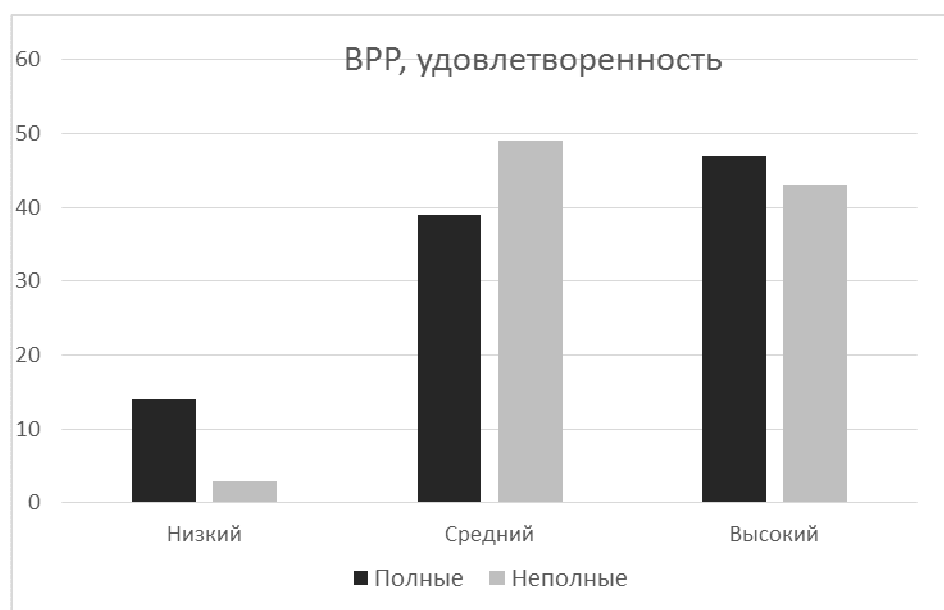

Рисунок 11 – Процентное соотношение выраженности шкалы BPP «удовлетворенность отношениями с ребенком» в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной и неполной семье

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Таблица корреляционных связей показателей личностных методик с показателями методики ВРР в группе матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье

Показатели Личностных методик	Показатели методики ВРР									
	ВРР 1	ВРР 2	ВРР 3	ВРР 4	ВРР 5	ВРР 6	ВРР 7	ВРР 8	ВРР 9	ВРР 10
РОП 1	-0,116	0,279	0,080	-0,132	0,070	-0,021	0,022	-0,069	0,169	-0,097
РОП 2	0,217	-0,183	0,251	0,205	-0,121	0,102	0,088	0,211	-0,057	0,313
РОП 3	0,408	0,118	0,330	0,134	-0,432	0,114	0,435	-0,336	0,435	0,103
РОП 4	0,473	0,173	0,258	0,080	-0,121	0,179	0,254	-0,111	0,210	0,139
РОП 5	0,398	-0,001	0,258	0,261	-0,035	0,233	0,370	0,133	0,107	0,134
РОП 6	0,514	-0,112	0,324	0,303	-0,196	0,179	0,286	0,096	0,117	0,317
РОП 7	0,446	0,098	0,225	0,081	-0,161	0,208	0,503	-0,063	0,306	0,156
РОП 8	0,434	0,087	0,355	0,175	-0,196	0,188	0,378	-0,024	0,262	0,210
РОП 3 (О)	0,402	0,107	0,216	0,008	-0,271	0,071	0,396	-0,364	0,458	0,076
РОП 3 (П)	0,340	0,143	0,304	0,124	-0,494	0,095	0,435	-0,237	0,299	0,168
РОП 4 (О)	0,249	0,009	0,245	-0,011	0,023	0,022	0,309	-0,118	0,305	-0,242
РОП 4 (П)	0,482	0,083	0,215	0,110	-0,163	0,245	0,191	-0,045	0,034	0,375
РОП 5 (О)	0,251	-0,183	0,204	0,180	-0,081	0,201	0,423	0,029	0,146	-0,042
РОП 5 (П)	0,339	0,126	0,188	0,249	0,032	0,206	0,133	0,168	0,030	0,227
РОП 6 (О)	0,331	-0,073	0,266	0,141	-0,058	0,091	0,378	0,075	0,095	0,298
РОП 6 (П)	0,389	-0,215	0,267	0,387	-0,173	0,318	0,089	0,163	-0,013	0,251
РОП 7 (О)	0,519	0,157	0,369	0,077	-0,167	-0,057	0,549	-0,092	0,284	0,354
РОП 7 (П)	0,079	0,039	0,047	0,119	-0,062	0,340	0,153	-0,015	0,164	-0,146
F	0,033	-0,113	-0,244	0,372	0,334	0,473	-0,098	0,408	-0,300	0,171
M	0,107	0,052	0,458	-0,034	-0,431	-0,240	0,177	-0,302	0,265	-0,163
УСК 1	-0,249	0,084	-0,044	0,176	0,286	0,026	-0,005	0,123	-0,146	0,009
УСК 2	0,009	0,362	-0,038	0,066	0,182	-0,048	0,066	0,002	-0,047	0,086
УСК 3	-0,466	0,013	-0,045	0,120	0,204	0,001	-0,114	0,080	-0,069	-0,116
УСК 4	-0,167	-0,008	0,108	0,027	0,186	-0,029	0,142	0,038	-0,110	-0,292
УСК 5	-0,141	0,170	-0,058	0,133	0,174	-0,014	-0,089	0,020	0,018	-0,075
УСК 6	-0,337	-0,184	-0,105	0,150	0,188	-0,015	-0,196	-0,141	-0,020	-0,121
УСК 7	-0,284	-0,093	-0,118	0,171	0,215	-0,094	-0,166	0,052	-0,390	-0,160

Примечание: жирным шрифтом выделены статистически достоверные корреляционные связи при значимости 0,01; 0,05; 0,1.

Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность – требовательность; 2. Мягкость – строгость; 3. Автономность – контроль; 4. Эмоциональная дистанция – близость; 5. Отвержение – принятие; 6. Отсутствие сотрудничества – сотрудничество; 7. Тревожность за ребенка; 8. Непоследовательность – последовательность; 9. Воспитательная конфронтация в семье; 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

Шкалы РОП: 1 – интимно-сексуальная; 2 – личностная идентификация с супругом; 3 – хозяйственно-бытовая; 4 – родительско-воспитательская; 5 – социальная активность; 6 – эмоционально-терапевтическая; 7 – внешняя привлекательность; 8 – общий показатель.

Шкалы РОП (по показателям ожиданий и притязаний): РОП (О) – ожидания; РОП (П) – притязания.

Показатели гендерных характеристик: F – феминность; M – маскулинность.

Шкалы УСК: 1 – общий показатель; 2 – интернальность в области достижений; 3 – интернальность в области неудач; 4 – интернальность в области семейных отношений; 5 – интернальность в области производственных отношений; 6 – интернальность в области межличностных отношений; 7 – интернальность в области здоровья.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Таблица корреляционных связей показателей личностных методик с показателями методики ВРР в группе матерей, воспитывающих ребенка в полной семье

Показатели Личностных методик	Показатели методики ВРР									
	ВРР 1	ВРР 2	ВРР 3	ВРР 4	ВРР 5	ВРР 6	ВРР 7	ВРР 8	ВРР 9	ВРР 10
РОП 1	0,137	0,045	0,312	-0,165	0,172	-0,128	0,059	-0,179	-0,100	-0,008
РОП 2	-0,442	-0,023	0,092	-0,171	-0,079	0,017	-0,054	0,114	-0,094	0,039
РОП 3	-0,130	-0,021	0,155	0,371	0,000	0,036	-0,173	0,149	-0,031	0,230
РОП 4	-0,420	-0,074	-0,108	0,399	0,031	0,121	-0,342	0,305	-0,217	0,279
РОП 5	0,220	-0,168	0,099	-0,242	0,215	0,080	-0,034	0,083	-0,077	0,275
РОП 6	-0,013	0,133	0,120	-0,038	0,018	0,119	0,068	-0,160	-0,081	0,013
РОП 7	0,281	0,042	-0,041	-0,047	-0,088	-0,013	0,346	-0,282	0,332	-0,048
РОП 8	-0,053	-0,004	0,195	-0,039	0,082	0,039	0,011	-0,045	-0,060	0,171
РОП 3 (О)	-0,044	0,019	-0,089	0,114	-0,125	0,072	0,124	-0,113	-0,018	0,079
РОП 3 (П)	-0,124	-0,043	0,272	0,364	0,109	-0,018	-0,325	0,285	-0,023	0,219
РОП 4 (О)	-0,258	0,002	-0,090	0,227	0,000	-0,007	0,000	0,025	-0,143	-0,032
РОП 4 (П)	-0,180	0,048	-0,078	0,355	0,068	0,141	-0,261	0,314	-0,185	0,331
РОП 5 (О)	0,314	-0,149	-0,038	0,024	0,097	0,249	-0,101	0,255	-0,174	0,352
РОП 5 (П)	0,169	0,073	0,241	-0,364	0,295	-0,099	0,095	-0,054	-0,094	0,160
РОП 6 (О)	-0,075	-0,073	0,131	-0,002	-0,196	0,053	-0,068	-0,239	0,016	0,008
РОП 6 (П)	0,081	0,293	0,069	-0,034	0,265	0,078	0,239	0,000	-0,249	0,073
РОП 7 (О)	0,111	-0,032	-0,055	-0,133	0,130	-0,181	0,268	-0,182	-0,128	-0,073
РОП 7 (П)	0,313	0,117	-0,100	-0,039	-0,100	0,169	0,353	-0,221	0,287	0,034
F	-0,399	-0,146	-0,240	0,299	-0,072	0,047	-0,032	-0,063	0,133	0,172
M	-0,077	-0,076	-0,156	-0,207	0,186	0,145	0,099	0,056	-0,196	0,484
УСК 1	0,279	0,448	-0,213	0,069	0,010	0,265	0,259	0,093	-0,234	-0,007
УСК 2	0,126	0,480	0,040	0,113	0,078	0,198	-0,015	0,025	-0,120	0,041
УСК 3	0,367	0,374	-0,147	0,094	0,004	0,265	0,111	-0,013	-0,069	-0,174
УСК 4	0,322	0,312	-0,225	0,034	-0,008	0,243	0,006	0,139	-0,111	-0,062
УСК 5	0,209	0,415	-0,067	-0,003	0,092	0,059	0,117	0,044	-0,197	0,025
УСК 6	0,196	0,357	0,002	0,232	-0,163	0,300	0,081	0,140	-0,103	-0,169
УСК 7	0,394	0,339	-0,240	-0,039	0,000	0,168	0,236	-0,060	-0,012	-0,113

Примечание: жирным шрифтом выделены статистически достоверные корреляционные связи при значимости 0,01; 0,5; 0,1.

Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность—требовательность; 2. Мягкость—строгость; 3. Автономность—контроль; 4. Эмоциональная дистанция—близость; 5. Отвержение—принятие; 6. Отсутствие сотрудничества — сотрудничество; 7. Тревожность за ребенка; 8. Непоследовательность-последовательность; 9. Воспитательная конфронтация в семье; 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

Шкалы РОП: 1 – интимно-сексуальная; 2 – личностная идентификация с супругом; 3 – хозяйственно-бытовая; 4 – родительско-воспитательская; 5 – социальная активность; 6 – эмоционально-терапевтическая; 7 – внешняя привлекательность; 8 – общий показатель.

Шкалы РОП (по показателям ожиданий и притязаний): РОП (О) – ожидания; РОП (П) – притязания.

Показатели гендерных характеристик: F – феминность; M – маскулинность.

Шкалы УСК: 1 – общий показатель; 2 – интернальность в области достижений; 3 – интернальность в области неудач; 4 – интернальность в области семейных отношений; 5 – интернальность в области производственных отношений; 6 – интернальность в области межличностных отношений; 7 – интернальность в области здоровья.